Миллионерша поневоле

детективная мелодрама

Романова Галина

Детективная мелодрама

ЧИТАЙТЕ ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ МЕЛОДРАМЫ

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность
Встретимся в другой жизни
Я – его алиби
Девушка с секретом
Блудница поневоле
Неплохо для покойника!
Стервами не рождаются!
Дожить до утра
Крестный папа
Ничто не вечно под луной
Миллион причин умереть
Рыжая-бесстыжая
Охотники до чужих денежек
Мужей много не бывает
Ты у него одна
Любитель сладких девочек
Игры в личную жизнь
Черт из тихого омута
Обмани меня красиво
Старая тайна, новый негодяй
Миллионерша поневоле
Внимание: неверный муж!
В любви брода нет
Последняя ночь с принцем
Осколки ледяной души
Счастье по собственному желанию
Любвеобильный джекпот
Длинная тень греха
Личное дело соблазнительницы
Большие проблемы маленькой блондинки
Красотка печального образа
Ночь с роскошной изменницей
Окно в Париж для двоих
Лицензия на happy end
Черная корона
Рыцарь чужой мечты
Демон искушения
Грешница в шампанском
Принцип Отелло
Исполнительница темных желаний
Жизнь нежна
Мода на чужих мужей
Пока смерть не разлучит нас
Завтра не наступит никогда
Пять минут между жизнью и смертью
Любовь окрыляет
Единственная моя
С первого взгляда
Второй подарок судьбы
Зеленые глаза викинга
Тайна, приносящая смерть
Цвет мести – алый
Не доставайся никому!
Чужая жена — потемки!
Возвращаться – плохая примета
Врачебная тайна
Призрак другой женщины
Тайну хранит звезда
Семь лепестков зла
Свидание на небесах
Ведьма отмщения
Программа защиты любовниц
Кинжал в постели
Гнев влюбленной женщины
Лучший день в году
Огненный шар
Незнакомка с тысячью лиц
Последнее прибежище негодяя
Счастье с третьей попытки
Подвенечный саван
Заклятие счастья
Торговка счастьем

Неч

ГАЛИНА
РОМАНОВА

Миллионерша поневоле

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Оформление серии *А. Дурасова*

Романова, Галина Владимировна.
Р69 Миллионерша поневоле : [роман] / Галина Романова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Детективная мелодрама. Книги Г. Романовой).

ISBN 978-5-699-87365-4

Столько неприятностей сразу еще не обрушивалось на хрупкие плечи Ольги Шустиковой. Муж Влад, которого она несколько лет назад успела оплакать как погибшего, странным образом материализовался... в образе ее нового начальника — под другой фамилией, с новой женой. Его появление могло значить только одно — Влад замыслил новую подлость, очередной грандиозный обман. В эти же дни пропала Ольгина лучшая подруга Ксюша, беспутный супруг которой был найден с проломленным черепом и пистолетом в руке. И самое загадочное во всей истории то, что именно из этого пистолета недавно убили бизнесмена, почему-то застраховавшего свою жизнь в пользу Ольги!..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87365-4

ГЛАВА 1

Странным казалось все. И то, что дверь гостиничного номера была не заперта. И то, что сам номер оказался необитаемым. Так же не должно быть!!! Неужели она ошиблась этажами?! Нет, это точно четвертый! Кнопка лифта была тому свидетельством. Точно — четвертый этаж, а на двери комнаты красовалось число «сто тридцать четыре». Именно сюда ей надлежало попасть, чтобы опередить того, кто сейчас должен подниматься в кабине лифта, которую она только что покинула.

Она потеряла четыре минуты. На то, чтобы запереться изнутри и осмотреться. Целых четыре минуты! Ровно столько было отведено на всю операцию. Пора уходить! Уходить немедленно! Иначе они лоб в лоб столкнутся, а этого допускать нельзя ни в коем случае.

От того места, где она сейчас стояла, до двери ровно три шага. Один метр пятьдесят сантиметров. Три коротких полуметровых шага, и она успеет. Столкнуться с ним лоб в лоб значило не только провалить дело, это значило потерять жизнь. Подобной роскоши она себе позволить не могла. Слишком много висит на ней, чтобы так просто получить про-

пуск в мир иной. Нет, ей нужно задержаться в этом. Как можно дольше задержаться, чтобы все успеть и всем воздать по заслугам.

Итак, она должна успеть, и, кажется, она поняла, где ей сейчас надобно быть...

Он шел по гостиничному коридору чуть ленивой походкой преуспевающего человека. Таков его имидж. Дорогой черный плащ перекинут через согнутую в локте руку. В ней кожаный кейс, тоже дорогой. Иначе и быть не могло. В другой руке он держал ключи от номера, поигрывая ими с ленивой грацией. Вот он подошел к нужной ему двери. Небрежный поворот ключа в замочной скважине, и дверь распахнута. Шаг через порог и...

Этого не может быть!!! Что за черт!!!

Мне часто снится тот сон,
Тот удивительный сон,
В котором осень нам танцует вальс-бостон!
Там листья падают вниз,
Пластинки крутится диск,
Не уходи, побудь со мной, мой вальс-каприз...

Кто-то, находясь за дверью ванной, громко пел песню Розенбаума. Он ничего не имел против певца, когда-то он даже очень ему нравился, но все же этот женский голос, пусть даже и очень приятный. Но... какого черта?! Здесь не должно быть никаких поющих женщин!

Дверь в ванную была прикрыта неплотно. Отсюда и такая слышимость. Бесшумно преодолев метры просторного холла, он подошел к двери в ванную комнату и заглянул в нее.

Конечно же — это была горничная! А он готов был подумать!..

Широкий женский зад, обтянутый форменным пастельно-голубым льном, двигался в такт движениям женщины. Она чистила ванну. Моющие средства стояли там же, на краю: два порошковых в пластиковых тубах и одно жидкое, с разбрызгивателем. Жесткая щетка мелькала в ее руках, затянутых перчатками ядовито-розового цвета. Рукава у халата были длинные. Подол едва закрывал колени. Толстые слонообразные ноги в простых чулках в рубчик, матерчатые тапочки на резиновой подошве. Откуда только набирают таких...

Все это он успел заметить секунд за десять, никак не больше. Это тоже было частью его профессионального навыка, за что ему платили хорошие деньги. Потом он так же неслышно вышел из номера. Запер дверь тем же ключом и пошел обратно тем же путем.

Что произошло? Наверняка что-то произошло, раз клиента не оказалось на месте, клиента и тех бумаг, в предвкушении получения которых его заказчик исходил слюнями. Куда же все-таки подевался нужный человек? Съехал чуть раньше, чем собирался? Может ли такое быть? Нет, вряд ли. По их сведениям, он только сегодня прилетел и собирался пробыть здесь неделю. Тогда что? Ошибка с номером? Тоже нет, четвертый этаж, номер сто тридцать четыре. Он это помнил лучше своего имени — это становилось частью его самого.

Он точно знал, что должен войти в номер. Аккуратно, без лишнего шума, ликвидировать мужчину. Забрать бумаги и уйти. Это могла быть черная пластиковая либо какая-то другая папка. Неважно. Но

в ней находился какой-то очередной компромат на кого-то, облеченного властью и деньгами, кто не хочет уступать власть либо этими деньгами поделиться. Это тоже было неважно для него. Принципиальной являлась определенная сумма, которая должна быть переведена сегодня к вечеру на его счет. А что теперь? А теперь, по всей видимости, ее там не будет. И покупка дома, за который уже внесен задаток, откладывается на неопределенное время.

— Черт! — вырвалось у него невольно.

— Что вы сказали? — спросил его молодой парень-портье, наверняка гей, если, конечно, сладкая улыбка и манера вилять бедрами не были частью его профессионального имиджа. — Какие-то проблемы?

Он, почти не задумавшись, небрежно швырнул на стойку ключи от сто тридцать четвертого номера и сквозь зубы процедил:

— Проблемы, конечно! Мне совсем не нравится, что номер, который я собирался занять, до сих пор не убран.

— Как?! — Улыбка сползла со смазливого лица парня, словно неуклюжая горничная прошлась и по нему своей жесткой щеткой. — Этого не может быть! К тому же, простите, он должен быть заселен еще с утра. Одну минуточку, если позволите.

Портье принялся лупить по клавиатуре, не сводя встревоженного взгляда с монитора компьютера. На клиента он почти не смотрел. То ли испытывая неловкость от неприятной заминки, то ли оттого, что клиент выглядел столь сурово гетеросексуальным.

— Ах, извините! — Парень заметно повеселел. — Все правильно! Номер должен был заселяться, с него даже еще регистрация не снята, но в последний

момент наш клиент передумал и вселился этажом выше, прямо над этим номером. Что за каприз такой, я не знаю. А уборка... Так это быстро. Если вы подождете немного...

— Хорошо. — Он снова сгреб ключи со стойки и уже на ходу, не оборачиваясь, бросил: — Я подожду.

То, что у не зарегистрировавшегося до сих пор клиента имеются ключи от номера, нисколько не озаботило безмозглого портье. Парень был очень доволен тем, что ему удачно удалось избежать скандала, остальное поправимо.

Он же... Жаль, конечно, что пришлось засветиться, но это ерунда, если учесть, что его теперешний имидж никак не соответствует его истинному облику. К тому же портье ни за что не вспомнит, какие у него щеки, лоб и рот, а запомнит только то, что клиент беспрестанно поправлял очки на переносице. Это так же было частью его профессиональной игры. Попробуй разыскать незнакомца в миллионном городе по приметам: черный костюм, черная водолазка, черный плащ через руку, черные короткие волосы, дорогой кейс и очки. Фотороботы его портретов нередко появлялись в разных уголках нашей необъятной страны, но ни один не соответствовал оригиналу. Это и отличало профессионала от неумелого дилетанта, который клеил усики и бороду, а то и натягивал на лицо черную маску с прорезями для глаз. Без нужды он уж точно никогда не станет маскироваться и прятаться, а вот остаться по возможности незамеченным — это да... Вот ключи он никак не мог оставить этому легкомысленному парню. На них были его отпечатки, потому что разгуливать по отелю в пиджаке и перчатках было явно нелепо.

Зеркальный лифт медленно полз на пятый этаж. Там, по словам того же легкомысленного портье, должен был остановиться тот, кто ему был так нужен. И даже не столько он сам, сколько то, что содержалось в его бумагах.

За добытую информацию должны были заплатить очень щедро. Так щедро, что вполне хватит выкупить тот дом, в котором вдруг так остро захотелось встретить старость.

Роскошный сад, не из диковинных деревьев и модной ныне хвои, а самых обычных яблонь и груш, которые к тому же обильно плодоносили. Он сам это видел! И дом... Мечта, а не дом. Двухэтажный, деревянный, с верандой, огромным балконом, опоясывающим дом по всему периметру, огромными стрельчатыми окнами на все стороны света. Разве можно было о нем не мечтать?! Да он перед кем угодно комедию разыграет, лишь бы добиться правды и выполнить то задание, за которое ему обещали...

В очередной раз поправив очки на переносице, он поймал свое отражение в зеркальной стене кабины лифта и вдруг поразился брезгливо-недовольной гримасой на своем лице. С чего бы это? Ну, заминка вышла, и что? Такое случалось и прежде, но никогда не могло помешать его планам. Он всегда доделывал то, что намечал. А тут тем более, такие деньги!

Нет, дело, видимо, было не в заминке. Тут было что-то еще. Это было что-то такое, что еще не сформировалось и не приняло конкретных форм, а пока витало и металось где-то в подсознании, проступая на лице таким вот брюзгливым оттиском.

Уточнять причину своего неудовольствия ему не пришлось. Лифт распахнулся, выпуская его на пятом этаже. Он вышел и огляделся. Коридор был

почти пуст, если не считать двух молоденьких дежурных по этажу, стоящих сейчас у торцевого окна и о чем-то беззаботно беседующих. В его сторону они даже не посмотрели. Это было хорошо. Не пришлось бы убирать и их тоже.

Номер он нашел очень быстро, точно рассчитав, в каком месте коридора тот должен быть расположен. Подошел к двери и пару раз тихонько стукнул костяшками пальцев по косяку. Ключей-то у него не было. А возня с отмычкой могла привлечь внимание дежурных. Приходилось перестраивать план на ходу.

Еще раз постучав и не дождавшись ответа, он натянул рукав черной водолазки на кисть, ухватился за ручку и крутанул ее. В защелке тут же скрипнуло, щелкнуло, и между дверью и притолокой образовалась узкая щель. Дверь была не заперта. Какое-то время, может быть, секунды три-четыре, не больше, он соображал. Потом, вздохнув тяжело, вошел в номер и захлопнул дверь изнутри.

Итак, подсознание все-таки не зря посылало ему тревожные импульсы, вот недовольство и отразилось на его лице. Его опередили. Опередили совсем чуть-чуть. Ему казалось, что он еще видит дымок над дыркой в голове мужчины, лежавшего сейчас лицом вниз посреди гостиной. Кейс, разумеется, с вывороченным нутром стоял на столе.

Над ним словно издевались, давая понять, что дело уже сделано.

Все, мол, мужик, ступай себе. Ты опоздал. Человек мертв, а документы исчезли. Так что...

Вышел он через соседний номер, потому что кто-то подошел к двери и принялся крутить дверную ручку. Ему ничего не оставалось делать, как пере-

лезть по балконам в соседний номер и выйти из него через дверь. В номере никого не оказалось, он даже не был заселен, что существенно облегчило ему задачу — не пришлось убивать свидетеля.

Дежурные из коридора исчезли, но навстречу попались две пожилые пары, оживленно между собой беседующие. Они непременно вспомнят мужчину средних лет во всем черном и в очках. Ну и черт с ними! Пускай вспоминают. Уже через несколько минут на нем не будет ничего черного и очков тоже. Все это будет выброшено и предано забвению. Все, кроме двух вещей. Его пистолета с глушителем, избавляться от которого пока не стоило. И еще глухой, не выплеснутой ярости, что клокотала внутри, разрывая легкие от невозможности заорать в полный голос.

Кто?!! Кто посмел? Каким манером его обставили??? Где он ошибся, а он ошибся, это яснее ясного! Обставили или подставили???

Он спустился по лестнице, проигнорировав лифт, и вышел через черный ход, загроможденный инвентарем из кухни. Тут почти никто и никогда не ходил, он проверял это заранее. Ведь все же проверял, как он мог ошибиться? Десятки раз посещал эту гостиницу, прежде чем явился сюда сегодня. Он все просчитал, все сопоставил, знал количество шагов от лифта по коридору до каждого торцевого окна. Он высчитал поминутно все возможные маршруты передвижения, и все же его обошли. Кто?!!

Он выбрался на автостоянку, подошел к машине, взятой напрокат. Отпер ее, швырнул плащ и «дипломат» на заднее сиденье, сам уселся за руль. Уезжать не спешил. Почему, сам пока не понимал. Что-то он пропустил или недодумал, и ему требовалось

время, чтобы посидеть и поразмышлять, подумать над этим.

Перво-наперво нужно было выделить те факты, на которые он сегодня обратил внимание. Или надо было обратить, но он не придал им значения, а стоило. Итак, что это?

Клиент почему-то переместился на этаж выше. Почему? Делал ли он так всегда, или что-то натолкнуло его на перемену места? Теперь об этом уже не узнаешь. Но тот, кто опередил его, об этом знал или догадался. А если не знал, то должен был пройти тем же путем, что и он сам. То есть войти сначала в сто тридцать четвертый номер, а потом сразу же наверх. И пока он болтал с портье, этот человек сделал за него его работу, лишив его заработка. Как он догадался, что номер наверху обитаем? Не морзянкой же ему по трубам отстучали сверху, в конце концов!

И вот тут он мгновенно все понял. Стоило только дойти до этого места в размышлениях, как сразу все встало на свои места. Как же он не догадался? Недоглядел? Это же такой серьезный сбой, как он мог так облажаться?

Горничная, убирающая номер! Это она! Как же он сразу-то... Надо же, только сейчас вспомнил, что форменные платья обслуживающего персонала гостиницы с короткими рукавами. Цвет совпадал в точности, но вот рукав точно был коротким. Он это еще раньше заметил, и те две дежурные по пятому этажу, что разговаривали у окна, — у всех были короткие рукава, тогда почему же у той, что убирала номер сто тридцать четыре, они были длинные? Ведь мыть ванну так не очень удобно. Скорее всего, чтобы что-то скрыть. Волосатые руки, к примеру, которые могут быть только у мужчин. Или, может

быть, поролоновые накладки? Неспроста же ее тучность показалась ему неестественной. Вернее, несвойственной для работы в таком месте. Ноги, опять же, не в капроновых, а в простых чулках...

— Идиот!!! — он досадливо поморщился. — Трижды идиот!!!

Надо же было купиться на такой маскарад! Хотя, с другой стороны, в этом-то и заключался секрет ее успеха. Ее ли, а может, его? Нет, все же ее, потому что голос, певший шлягер Розенбаума, никак не мог принадлежать мужчине. Он запомнил этот голос. Запомнил, наверное, на всю жизнь. Он точно теперь будет звучать во всех его снах. И отлично, по этому голосу он ее и поймает! А в том, что поймает, он был уверен наверняка. Ни одна женщина никогда прежде не смела перейти ему дорогу. Ни одна! Эта не станет исключением, пусть даже для этого он потратит всю оставшуюся жизнь.

ГЛАВА 2

Утро началось с дурацкого недоразумения. Хотя почти каждое ее утро начиналось почти так же. Либо прольет кофе на новую юбку. Либо колготки поползут на самом видном месте в тот самый момент, когда ее требует шеф. А тот был очень крут, требовал неукоснительного выполнения правил трудового распорядка, что включало в себя и безупречный внешний вид.

Сегодня у нее как никогда вид соответствовал. Только вчера купила новый свитер в мелкую поло-

ску. Тот как нельзя лучше подошел к юбке, которую ей на прошлой неделе отдала соседка, только потому, что уронила на боковой шов сигарету и прожгла там микроскопическую дырочку. Дырочка благополучно была заштопана, отпарена и совершенно стала незаметной. В чем Ольга убедилась, разглядывая себя вчера вечером в зеркале. Колготки тоже оказались в порядке, ни одна набойка не отскочила от сапог. Тогда почему так тревожно на душе? Уж не потому ли, что сегодня понедельник и ее вызывают к себе даже раньше еженедельного совещания? Тут еще Вера, соседка по кабинету, скривила набок рот, как всегда делала, когда хотела сообщить какую-нибудь новость, и прошипела:

— Дошли слухи, что ты попала на заметку.

— Как это? — Ольга опешила, перебирая бумаги на столе, она как раз пыталась отыскать сценарий детского праздника, который проводился с ее участием в музыкальной школе в прошлый четверг. — Как это на заметку?

— Сама знаешь! — Вера многозначительно хмыкнула, покосившись на стеклянную перегородку, разделяющую офис на две части: комнату подчиненных и кабинет их начальника. — Ну, счастливо!

Счастье в данном случае было сомнительным, всем было известно, что в понедельник к шефу лучше не соваться ни с личными, ни с общественными вопросами. Ольга бы и не сунулась, по возможности отложив визит до более удачного времени. Глядишь, надобность отпадет и вызовут ее уже во вторник, а это много лучше. Но сегодня приглашение повторялось уже во второй раз, причем передано было не через секретаря — вертлявую Лизку, вечно сующую свой нос не в свои дела. Шеф самолично посту-

чал согнутым пальцем по стеклянной перегородке, указал в ее сторону, когда они все подняли головы, и поманил пальцем именно ее.

— Ну что, Шустикова Ольга! — К моменту ее прихода он уже занял свое место за столом, развалясь на вертящемся кресле, и смотрел теперь хмуро прямо на носки ее сапог. — Доигралась?!

Она хотела изумиться, возмутиться и поинтересоваться, но потом передумала. Если вызвал, сам скажет. А начни задавать вопросы, неизвестно, во что это выльется.

— Что натворила, признавайся! — рыкнул он, правда, без особого напора, скорее озадаченно.

— Так ничего вроде бы. — Ольга пожала плечами, а сама быстро осмотрела свои сапоги.

Не дай бог там засохшая грязь, которую она не заметила.

Но нет, носки ее сапог глянцевито сияли, она всегда протирала обувь, придя в офис.

— Тогда какого черта тебя требуют наверх? — не поверил ей ни на минуту шеф, и не только потому, что сегодня был понедельник.

Всем было известно, что вызывают наверх — к вышестоящему начальству — только по двум причинам. Либо ты идешь на повышение, либо за ворота.

За ворота Ольге было нельзя. О повышении никогда не помышляла, хотя частенько выполняла не свою работу, а ту, которую на нее спихивали сослуживцы. И теперь это утреннее происшествие сочла очередным недоразумением. Наверняка в кадрах что-то напутали, если, конечно, ее не собрались выгонять.

— Тебе сколько лет-то вообще? — вдруг не к месту, как ей показалось, задал вопрос Евгений Евге-

ньевич. — Факт, в отделе ты совсем недавно, но с отчетами из своего района сюда постоянно моталась. Сто лет, кажется, тебя вижу, а никогда не замечал...

— Что именно? — все же вырвалось у нее, хотя черный календарный квадратик понедельника маячил на стене у шефа над головой.

— Какая ты у нас! — Он вдруг приосанился, сел ровно за столом и, уложив руки на столешницу, вкрадчиво произнес: — Красавица...

Это было уже что-то! Что-то такое, от чего у Ольги мгновенно закружилась голова, а по спине поползли тоненькие струйки пота.

Что-то было не так. Что-то изменилось. И изменилось не в лучшую для нее сторону. Она была в этом уверена, иначе с чего это вдруг Евгений Евгеньевич начал ее разглядывать? Ее свитер с чужой юбкой тут уж точно ни при чем. Она и раньше приходила в обновках, но никаких знаков внимания с его стороны не было. А тут вдруг...

— Ладно, иди! — махнул он рукой, вяло этак, безжизненно, словно ставил на ней крест. — Тебе уже давно пора быть у самого!

Перед тем как подняться наверх к руководству, Ольга зашла к себе и убрала все бумаги в стол.

— Чего это ты?! — опешила Вера.

— Сам вызывает. Не мне тебе говорить, что это значит.

— И что это значит? — та недоверчиво хмыкнула, вечная ее манера хмыкать порой бесила Ольгу. — Уж не думаешь ли ты, что тебя сокращают?

— Думаю. Представь себе, думаю! А что мне еще думать, по-твоему, если Жека, — так они за глаза именовали своего начальника, — начал с того, что поинтересовался, что я такого натворила! А что я

могла натворить, если все выходные провела на даче у мамы!

Вера покрутила в длинных пальцах пианистки, коей она и была в недалеком прошлом, простой карандаш, швырнула его затем на стол и после очередного хмыканья поинтересовалась:

— А больше он ничего такого тебе не говорил?

— Что именно? — Ольга подошла к шкафу, открыла дверцу и быстро оглядела себя с головы до ног. — Спросил, кажется, сколько мне лет. И что-то еще такое добавил, мол, никогда не замечал, какая я...

Тут она замялась. Назвать себя принародно красавицей у нее язык не поворачивался. Она, конечно, не была слепой и понимала, что не уродина. Далеко не уродина. Но кричать об этом на каждом перекрестке не собиралась. Как мама любила говорить: кому надо, увидят.

Что же получается, увидели?

— Какая?! — вцепилась в рукав ее нового свитера Вера. — Как он сказал, какая ты?

— Красавица или что-то в этом роде, я не очень хорошо расслышала, — пробормотала Ольга, она не любила врать без нужды.

— А-а-а, теперь понятно! — Вера скривилась в недоброй ухмылке и, провожая ее взглядом до стеклянной двери, пробормотала ей уже в спину: — Кажется, наша девочка прошла кастинг. Ну-ну... Удачи тебе, дорогая, в таком нелегком деле!

Последние слова не достигли ушей Ольги, она уже вышла к лифту. И уж, конечно, осталось для нее неизвестным, что сразу после ее ухода Вера сняла телефонную трубку, набрала номер и, дождавшись, когда ей ответят, произнесла ледяным тоном:

— Кажется, у нас проблемы...

Ольге это было неведомо. Она в этот момент, поднявшись через два этажа в апартаменты высшего руководства, приветствовала улыбчивую секретаршу, совсем не похожую на их вертлявую Лизку ни манерами, ни внешностью.

— Вас сейчас пригласят. Присядьте, пожалуйста. — Девушка указала ей на глубокое кресло.

Но Ольга предпочитала постоять. Если сесть в это кресло, а потом встать, то колготки непременно соберутся предательскими складками на коленях. И не то чтобы ее колготки были такими уж дешевыми, нет, но они почему-то все равно собирались складками, хоть плачь. Подол юбки как раз проходил вровень с ее коленями, но не факт, что этих самых складок не увидит высшее руководство, которое наверняка не терпело неаккуратности в одежде.

— Прошу вас, входите.

— Послушайте, — прошептала Ольга, боязливо косясь на дверь генерального директора, — как его полное имя? Я здесь не так давно работаю. Мне доводилось видеть визируемые им документы, но там всегда были лишь инициалы. Неудобно как-то...

— Понимаю, — девушка снисходительно улыбнулась, так же понизила голос до шепота и произнесла: — Хочу вас предупредить, что шеф у нас человек новый и он поразительно хорош собой. Это иногда сбивает с толку таких хорошеньких девушек, как вы. Но вы должны всегда помнить, что он женат! Владислав Иванович Любавский боготворит свою супругу и должен вот-вот стать отцом. Так что...

— Я понимаю. Значит, Владислав Иванович Любавский?

Ольгу немного покоробили слова секретарши, но останавливать ее смысла не было. Наверняка та

и сама была не прочь поиметь с красавцем шефом интрижку, поэтому и конкуренцию хотела пресечь в корне.

— Да. — Улыбка секретарши стала более натянутой. — Вы можете входить.

— Спасибо. — Ольга признательно улыбнулась в макушку девушки, так как та уже склонилась над столом, и потянула на себя дверь с табличкой «Генеральный директор».

Владислав Иванович Любавский стоял к ней спиной и что-то разглядывал через окно. На широких плечах дорогой пиджак. Темные ухоженные волосы чуть спадали на воротник. Длинные крепкие ноги, разумеется, в таких же дорогих брюках. Это, пожалуй, все, что Ольге удалось рассмотреть со спины.

Она стояла у самой двери, теребила в руках краешки рукавов нового свитера и все ждала, когда же на нее обратят внимание. Она очень волновалась, но вместе с тем ее разбирало любопытство. Зачем она понадобилась красавцу генеральному с самого утра в понедельник? Красавцем он, наверное, был несомненным. И осанка, и посадка головы, и небрежное постукивание пальцев о подоконник свидетельствовали о том, что парень жутко самоуверен. А что обычно вселяет в мужчин уверенность? Правильно! Удачливость и, в обязательном порядке, женское внимание. Хотя второе, как правило, идет в ногу с первым.

Ольга тихонько кашлянула, пытаясь привлечь к себе внимание. Реакции никакой. Владислав Иванович по-прежнему таращился в окно и барабанил пальцами о подоконник. Она кашлянула чуть громче и сделала несколько шагов от двери к П-образному столу. На нее все так же не обращали внимания.

— Мне сказали, что вы меня вызывали, Владислав Иванович? — прочирикала Ольга, поражаясь тому, как противно заискивающе прозвучал сейчас ее голос.

— Считаешь? — небрежно поинтересовался генеральный, все так же не меняя позы.

— Простите? — Она замерла на месте.

То ли ей послышалось, то ли на самом деле он так сказал, понять она не могла. Было ли то издевкой или новой демократичной формой общения между руководителем и подчиненной? К тому же она, наверное, точно сходит с ума, раз в его голосе услышала давно забытую интонацию.

И вот тут он обернулся. Медленно, как в старом кошмарном сне, он повернулся к ней всем корпусом. Встал напротив, широко расставив ноги. И улыбнулся так, как мог улыбаться только он: паскудно-вызывающе и самонадеянно.

— Почему, черт возьми, Любавский? — это было первое, что вырвалось у нее. — И почему ты...

— Черт возьми, забыла добавить, — Владик улыбался все шире. — И почему я что, дорогая? Жив? Ты ведь так хотела, чтобы было по-другому, не так ли?

— Неправда!!! — Ольга, не справившись с собой, выкрикнула это слишком громко, опасливо покосилась на дверь за спиной и уже тише добавила: — Это неправда, и ты это знаешь не хуже меня! Очень удобно обставить собственное предательское бегство таким вот образом.

— Но ты же не смеешь отрицать того, что мне в тот момент и в самом деле было несладко. — Вальяжной походкой ныне Любавский, а в недалеком прошлом Попов прошелся по пушистому ковру, по-

дошел к ней почти вплотную и, едва не коснувшись ее уха горячими губами, прошептал: — Привет, детка. Как ты без меня все это время?

Ольга отшатнулась от него, едва устояв на высоких каблуках. Ощущение было таким, будто ей за шиворот насыпали горячих углей. Мало сказать, что в глазах потемнело. Еще и ноги предательски задрожали, того и гляди подогнутся в коленях, и...

Не-ет, все, что угодно, но только не рухнуть. Не показать, какая предательская слабость снова навалилась на нее при звуке его голоса. Не показать того, что еще не успело умереть в ее душе вместе с его именем.

— Я могу присесть? — проговорила Ольга, обходя Любавского стороной и выдвигая стул из-за стола.

— Да, конечно, детка. Ты же мне как бы... — Он дождался, когда она усядется и положит руки на стол, подошел к ней сзади и, нависнув над ней, снова прошептал в самое ухо: — Все еще жена.

— Мой муж погиб в результате несчастного случая, о чем у меня имеется запись в свидетельстве о его смерти, — шевельнула Ольга помертвевшими губами, даже не поняв, произнесла она это вслух или только подумала.

— Это когда было-то, детка?! Ну что ты в самом деле, как маленькая! Мы тогда были так безрассудны. Студенты, одним словом. Ну, расписались в каком-то совхозе, оформив все документы за два часа. Сколько мы тогда водки купили этому умнику, литр или два? Кажется, наша скоропалительная женитьба стоила нам тогда, дай бог памяти, трех бутылок. Так? Так... Ну, утонул твой муж через полтора месяца в порожистой реке уральских просторов, кто же виноват? Говорят, даже труп нашли? А ты,

детка, его опознала! По каким-то жутким тряпкам, которые когда-то мне принадлежали. Разве же так можно?! Я все ждал, ждал, когда ты опомнишься и поймешь, что все это лишь розыгрыш, а ты всерьез... И потом эти милые люди, что тебя окружили тогда, не дали тебе сломаться... Как же все они поддерживали тебя, я просто диву давался!

Владик продолжал ломаться, стоя за ее спиной и дыша ей прямо в затылок. На колени он там встал, что ли! Что вообще он вытворяет?! Мерзавец! Мерзкий, подлый, вероломный человечишко!

— Оленька, — позвал он ее свистящим шепотом, — сознайся, ты догадывалась.

— О чем? — спросила она только из желания проверить себя на способность произносить хоть что-нибудь.

— О том, что я жив, дорогая. Ты же лишь пару дней билась в истерике, никак не больше. Потом призадумалась и...

Ольга обернулась, не выдержав его обжигающего дыхания, и уткнулась взглядом в его глаза. До сих пор красивые, необыкновенного прозрачно-голубого оттенка, но от того не менее лживые.

— Я догадывалась, Влад. И не потому, что всплывший утопленник был сантиметра на четыре длиннее тебя. А потому, что к моему возвращению из нашей с тобой съемной квартиры исчезли все твои вещи и кое-что ценное из моих. Пара серег золотых, подарок бабушки. Цепочка со старинным медальоном, он был дорог мне, Влад. За сколько ты его продал?..

Она внезапно замолчала и отвернулась. Воспоминания, тяжелее которых в ее жизни не было, снова стиснули ее железными тисками. Когда это все случилось с ней? Два года, пять, десять лет назад или

только вчера... Или целая вечность прошла с того времени, когда ей пришлось умирать и возрождаться заново. Отстраивать на пепелище надежд свою новую жизнь. Господи, как же ей было больно тогда! Сначала больно осознавать, что из-за глупого недоразумения погиб любимый ею человек. А потом было куда больнее осознавать, что все то горе, которое на нее свалилось, не более чем фарс. Она едва не обезумела тогда, осознав, что стала игрушкой в руках безжалостного мерзавца. Мерзавца, которого с трогательной нежностью любила и которому потом поклялась отомстить. Ольга до сих пор помнила слово в слово ту клятву, которую шептала по ночам, давясь слезами и корчась от жутких спазмов во всем теле. Следствие сильного нервного потрясения, сделали тогда заключение врачи, даже не подозревая, насколько оно на самом деле было сильным. Как она вообще не свихнулась в те дни? Она же думать тогда ни о чем другом не могла, только о том, как разыскать его. Делать официальные запросы не могла — труп сама опознала. Приходилось ездить, придумывать легенду за легендой, рыться в Интернете. Но нигде ни единого упоминания о Попове Владиславе Ивановиче. Ни единого! А он, оказывается, уже Любавский...

— Кого тебе удалось заполучить в жены на этот раз? — спросила она после паузы, в течение которой пыталась овладеть собой. А так хотелось наброситься на него и расцарапать в кровь его самодовольную физиономию. — Судя по креслу, в котором ты протираешь свои дорогие штаны, женщина должна быть...

— А вот об этом я и хотел с тобой поговорить, сокровище мое! — Влад обошел ее стороной, легким

движением руки скользнув по ее плечам и щеке. — Вот это и есть истинная причина твоего присутствия в этом кабинете.

Он занял свое место за столом генерального директора. И Ольга не могла не признать, что выглядит он весьма представительно. Впрочем, он всегда умел произвести впечатление. А уж выглядеть мог и в простой робе так, что невольно хотелось взять под козырек. Это ей вспомнились слова их прораба с той далекой уральской стройки, где они трудились на летних каникулах. Как раз тогда, когда им взбрела в голову шальная мысль заделаться и на бумаге мужем и женой. Правда, их официальное супружество длилось очень-очень недолго.

— Почему, Влад?! — вдруг произнесла Ольга с забытым надломом в голосе. — Почему ты так поступил со мной тогда?! Да, у тебя были проблемы. Да, тебе нужно было исчезнуть с лица земли либо таким способом, либо настоящим. Но почему я?! Почему со мной ты так поступил?! Я же любила!.. Я же знала о тебе почти все и... могла бы помочь!..

— Ты и помогла, дорогая, — Влад искушенно ухмыльнулся. — Ты мне помогла как никто, отстрадав положенное время. За тобой же следил не только я. Ну, а потом... А потом я встретил Лизу Любавскую. И понял, что...

— Что с ней тебе будет куда удобнее, чем со мной, так?! — Ольга сцепила руки в замок, чтобы, не дай бог, Влад не заметил, как подрагивают у нее пальцы. — Можешь петь мне про любовь сколько угодно, я не поверю ни единому твоему слову! Для того чтобы любить искренне, ты слишком испорчен.

— И тем не менее. — Ее слова его ничуть не задели. Что-то подобное он и ожидал от нее услышать.

Ничего, пусть выговорится. Выпустит пар, а потом... — Я люблю ее. У нас скоро будет ребенок. И я жду его, как ничего и никогда в этой жизни не ждал. Оль, ты должна понять, что...

— Что, разрушив твою жизнь сейчас, я разрушу жизнь еще не родившегося малыша! Ты мне об этом хотел сказать?! — Ольгу заколотило. — Лихо! Почему я должна тебя щадить, черт тебя бы побрал, Попов!

— Тсс, дорогая, не кипятись. — Влад выглядел спокойным, но по подергиванию его губ она поняла, что он нервничает. А как же: она сейчас реальная и пока единственная угроза его теперешнему благополучию. — Давай попытаемся с тобой договориться. Идет?

Вот оно! Вот начинает сбываться то, что годами вынашивала в мечтах! Сейчас он начнет ее просить, умолять, а она выдвигать условия. А их у нее воз и маленькая тележка. И кто знает, не пожалеет ли он, что на самом деле не утонул тогда в той порожистой речке, вода в которой была очень чистой и очень студеной.

— Тебе нужно уволиться, Оля, — осторожно начал Влад, очень пристально отслеживая ее реакцию. И по тому, как дернулся ее подбородок, он понял, что не ошибся, избрав такой путь. — Пойми, нам будет сложно встречаться каждый день и никак не обнаруживать, что мы с тобой знакомы.

— Знакомы, значит! Просто знакомы. И никак иначе, значит!!! — Пальцы ее внезапно расцепились, сжались в кулаки и принялись барабанить по столу в такт каждому слову. — Я никуда не уйду! Заруби себе на носу, что я работала здесь и буду работать и уйду лишь следом за тобой! Меня все

устраивает, все... кроме зарплаты, дорогой! Вот это, думаю, нам стоит с тобой обсудить. Размер моей зарплаты, вот то, с чего нам стоит начинать с тобой переговоры. А потом...

— Потом не будет, Оленька, — перебил ее Влад, опустив глаза и снова принявшись постукивать по столу, как десять минут назад по подоконнику. — Никогда не нужно доводить людей до крайностей, Оля. Твой грубый шантаж может иметь прямо противоположный эффект.

— Ты мне угрожаешь? — Что-то подобное она ожидала услышать от него, не ожидала только, что события начнут развиваться столь стремительно. — Как давно ты знаешь о том, что я здесь работаю?

— С пятницы, — обронил он задумчиво, поднимая на нее ничего не выражающий взгляд, он мог таким прикрыться, она это знала. — В пятницу ко мне случайно попал твой отчет о проведенном в четверг празднике. Обычно этими бумагами занимается мой заместитель. Но в тот день его не было, и секретарша всучила папку с его бумагами мне. Идиотка! Твоя фамилия вкупе с инициалами не могли не вызвать у меня подозрений. Я запросил в кадрах твое личное дело, и вот...

— И вот ты начал действовать, Владик, — закончила она за него. — Ты решил меня уволить. Не спросив, как мне все это время жилось, на что жилось и как существовалось, ты решил меня уволить. Разумное решение! Но теперь, дорогой мой муженек, я без боя не сдамся. Я стала старше и...

— И ничуть не стала умнее, — перебил он ее, оборвав стук по столешнице. Выбрался из-за стола и снова навис над ней, подойдя почти вплотную. — Оленька, дорогая моя! Нельзя не оставлять челове-

ку выбора! Он всегда должен его иметь! А ты мне не оставляешь.

— Ты снова угрожаешь, — горестно выдохнула Ольга, ощущая спиной тепло, идущее от его большого сильного тела. — Не оставлять выбора... Он у тебя есть!

— Да? И какой же? — Его губы почти касались мочки ее уха, щекоча и будоража одновременно.

— Оставить все как есть. По крайней мере, пока.

Нужно было выиграть время. Оттянуть тот момент, который так долго пестовала в мыслях. Не сейчас... Когда-нибудь потом, но не сейчас. Не тогда, когда он стоит так близко, что ей слышен стук его подлого сердца, от которого между лопаток сводит кожу и хочется кричать во все горло обо всем, о чем так долго молчала. Но не сейчас. Нет, сейчас еще не время. И какой, к черту, ребенок, если Попов их терпеть не мог?! Что-то здесь не так...

— Значит, не уйдешь? — Его руки оперлись о край стола по обе стороны от нее, а его грудь навалилась ей на спину, едва не прижав к столу. — Думаешь, как я должен поступить в таком случае?

— Так же, как ты поступил несколько лет назад: забудь обо мне. — Ольге удалось вывернуться и выбраться из-за стола. Отойдя на безопасное расстояние поближе к двери, она снова повторила: — Просто забудь обо мне, Владик, и все.

Не дожидаясь его ответной реакции, она вышла из кабинета. Проигнорировав настороженную любезность секретарши, Оля миновала приемную, просторный коридор, вошла в лифт, и лишь здесь, оставшись в одиночестве, она дала волю чувствам.

Страдания, те самые, которые, казалось, ей удалось похоронить в себе, вернулись снова! Причем

жалило все это гораздо острее и больнее, чем прежде. Картины мести, которые за эти годы сменяли друг друга, рисовали его — растоптанного, опущенного, лишенного, нищего, но уж никак не такого, каким он сейчас предстал перед ней. Таким его она даже не помнила. В то время они были полуголодными студентами, на последние деньги снимали отдельное жилье и ждали перемен к лучшему. Вытертые джинсы, растянутые свитера, выцветшие футболки. Он стригся тогда очень коротко, почти налысо, чтобы вьющиеся волосы не доставляли хлопот. Сейчас же он стал другим, почти непохожим на себя. Нет, конечно же, самомнения в нем и раньше было хоть отбавляй. Но теперешний его лоск делал его просто неотразимым и таким... желанным. Даже более желанным, чем прежде. Вот и не верь после этого изречению, что от ненависти до любви всего лишь один шаг. Ей вот понадобилось преодолеть подъем всего лишь в два этажа, чтобы понять — ничто не умерло в ее душе. А что же он? Что двигало им, когда он потребовал ее ухода? Страх перед разоблачением? Это вряд ли. Его жена не могла не знать, с кем она связывает свою судьбу, тем более что Владику была свойственна болтливость в моменты душевного раскрепощения. Хотя он мог от нее и скрыть это. Вот бы узнать, а заодно и разведать, так ли уж прекрасна госпожа Любавская, что ради нее можно сходить и на костер даже таким, как Попов.

— Что там? — Вера оторвала свой взгляд от кроссворда, который ей надлежало составить к завтрашнему дню для очередного торжества в одной из музыкальных школ города. — Тебя повысили или уволили?

— Ни то, ни другое, — произнесла Ольга как можно ровнее.

— Чего же тогда? — Вера недоверчиво покосилась в ее сторону.

— Очередное недоразумение. — Ольга открыла свой стол и принялась снова доставать оттуда свои бумаги и раскладывать их на столе. При этом она успела заметить мятущуюся макушку Евгения Евгеньевича, который стоял перед дилеммой: вызывать ли ее на свой ковер после того, как она побывала на другом. — Меня просто-напросто перепутали с другой Ольгой Шустиковой.

— И у нас такая имеется? — Вера все еще не хотела поверить в такое простое объяснение.

— Да... Слушай, Верочка, завтрашний день у нас пойдет... — И Ольга переключилась на планы грядущей недели, уводя излишне любопытную Веру от опасной темы.

Они говорили, работали, пили кофе, снова работали. Сбегали в кафе поблизости пообедать. Вернувшись, снова окунулись в работу с головой, тем более что новогодние праздники были не за горами. А это могло означать только одно — аврал! Каждый праздник для их управления культуры мог включать в себя только это понятие. Утренники в школах и детских садах, сценические разработки которых лежали прежде всего на них. Праздничные концерты. Молодежные дискотеки. Целая лавина всевозможных творческих встреч. Отдыхать в праздники, одним словом, им никогда не приходилось.

Сейчас Ольга была этому только рада. Появилась прекрасная возможность отвлечься и не думать о том, которого искала эти долгие годы и который в настоящий момент находится в такой досягаемой

близости. Получалось у нее слабовато, но получалось. От Веры, правда, ее рассеянность скрыть не удалось. Та была человеком достаточно проницательным.

— Нет, ты сегодня все равно какая-то не такая, — закончила она вздохом их рабочий день и с хрустом потянулась, вставая из-за стола. — То ли тебя вызов к руководству так выбил из колеи, то ли ты влюбилась.

Оля ответила ей неуверенным смешком, подходя к шкафу и доставая оттуда свою куртку. Объяснять что-либо она поостереглась. Могла завраться, а Вера запросто вычислит, поймает на мелочах, и тогда от доверительной беседы не открутиться. А откровенничать Ольга не могла. По крайней мере, пока не могла. И тем более с Верой...

С работы они вышли порознь. Вера помчалась семимильными шагами на троллейбусную остановку. Оля двинула к подземному гаражу, где оставляла свою крошку «Оку».

Мамин подарок ко дню рождения приветливо моргнул ей издали фарами, тоненько пискнув сигнализацией. Сейчас она выедет из гаража на улицу, немного поколесит по городу. Непременно заедет в супермаркет, что недавно открылся по соседству с ее домом. Цены там пока не успели взлететь до общегородского уровня и приятно радовали своими предпраздничными скидками. Что же она собиралась купить сегодня вечером? Мама просила привезти пару куриц в вакуумной упаковке. Еще себе хотела купить порошковый шоколад, который полюбила заочно еще с детства, начитавшись Карлсона. К шоколаду неплохо бы бисквитов. Были там, она

точно видела в свое прошлое посещение, миндальный и персиковый. Их она и купит. И еще...

За мгновение до того момента, когда на голову ей рухнуло что-то тяжелое, Ольга успела подумать, что ощущает за своей спиной какое-то движение. И еще подумалось, что этого быть не может в принципе, так как за спиной стоял огромный, как автобус, черный джип «Чероки». Усаживаясь вечерами в свою «Оку», она всегда задавалась вопросом — кому может принадлежать такая шикарная машина.

Узнай Ольга, что хозяин ее, спрятавшийся сейчас за колонной и наблюдающий за ней издали, не кто иной, как ее воскресший муженек, то потеряла бы сознание во второй раз, не успев прийти в себя.

ГЛАВА 3

Любавский не без интереса наблюдал за тем, как вокруг его Ольги суетится какой-то малый. Он подошел как раз в тот самый момент, когда тот мастерски отключил ее, ударив ребром ладони по шее чуть сбоку. Его так били, и он знал, что ощущение бывало таким, будто на голову тебе обрушился потолок. Но знал также, что, очнувшись, особого дискомфорта она не испытает. Если только сухость во рту, легкий звон в ушах да неприятное покалывание в области шеи. Но все это было сущими пустяками в сравнении с самим фактом случившегося.

Что вообще происходит?! Ольга, законопослушнее которой разве что сам Уголовный кодекс Российской Федерации, не могла никому причинить

вреда! В чем, в чем, а уж в этом Влад был уверен абсолютно. Она принципиально не могла также быть замешана в чем-то, что могло вызвать интерес таких вот парней, один из которых суетливо шарил сейчас в ее сумке и в карманах куртки. Причем кошелек он не взял, хотя с содержимым и ознакомился. А ознакомившись, сунул его обратно в сумку. Вполне резонный вопрос: что ему было от нее нужно, кроме денег?

Любавскому очень хотелось курить. Он трогал пачку сигарет в кармане дорогого пальто, сжимал зажигалку в другом и все ждал, когда же этот наглец свалит из гаража. Не дай бог, явится кто-то еще, поднимется шум, кто-нибудь непременно додумается вызвать полицию, а этого допускать никак нельзя. После томительных размышлений Влад с печальным вздохом полез в борсетку. Достал оттуда ключи от машины и нажал кнопку сигнализации. Ему очень не хотелось себя обнаруживать, но другого выхода просто не было. Мешкать дольше было нельзя. Судя по уверенным движениям напавшего на Ольгу парня, тот не особо торопился. Приходилось вмешиваться...

«Чероки» оглушительно взвизгнул, осветив полумрак подземного гаража суматошным всполохом фар. В этот момент, деловито рассматривая что-то в борсетке, Любавский вывернул из-за колонны, за которой прятался. Четыре шага, не поднимая головы. Потом он резко поднял взгляд и настороженно огляделся. Парня рядом с Ольгой не было. Но уйти из гаража, не столкнувшись с ним, тот не мог, значит, прячется где-то за машинами.

Влад почти вплотную подошел к своему джипу, встал спиной к выходу, тем самым откровенно пре-

доставляя возможность парню скрыться. И, судя по всему, тот ее использовал. Молодец. Не пришлось поступать с ним так, как тот поступил с Ольгой.

А с Ольгой была просто беда. Распластанная на полу, с высоко задравшейся юбкой и неестественно вывернутыми ногами, она производила гнетущее впечатление... даже на него.

— Эх, Олька, Олька, ну что мне прикажешь с тобой делать? Не бросать же так вот, на полу. Еще, чего доброго, простынешь. Ведь пригодишься еще.

Все это он успел пробубнить себе под нос, пока открывал машину и устраивал бывшую жену на заднем сиденье. Потом быстро подобрал с бетонного пола ее сумку и ключи от «Оки». Уселся за руль своего джипа и спустя мгновение уже выезжал из гаража.

Конец ноября не самое лучшее время для путешествий. Хмурое небо разверзлось мерзким мелким дождем, постепенно переходящим в мокрый снег. «Дворники» метались как сумасшедшие, размазывая по стеклу липкую массу из дождя и снега. Далеко по такой погоде не уедешь, как бы ни хотелось. Поэтому он ограничился тем, что принялся кружить по городу из одного конца в другой. Еще минут десять, не больше, и она придет в себя. Начнет стонать, попытается приподняться на сиденье, наверняка упадет. Потом снова повторит попытку. Увидит его и тут же разразится обвинительной речью. Все правильно. А что еще она могла подумать, очнувшись в его машине, после того как на нее напали в гараже? Дневной разговор опять-таки никак не мог служить ему алиби. Угрожал же? Угрожал. Но не потому, что и в самом деле желал ей зла, а потому что так было нужно...

— Ты?! — Ольга и в самом деле упала спиной на сиденье пару раз, безуспешно пытаясь приподняться. — Это ты, Попов?! Ты ударил меня по голове?!

— Оль, давай договоримся, — мягко начал Влад, сворачивая в тихий переулок и глуша мотор. — Ты забудешь эту фамилию. Попова больше нет. Он погиб в бурных водах уральской реки, дал бы бог памяти — вспомнил бы ее название. И в прямом и в переносном смысле погиб. Теперь я совершенно другой, и я — Любавский. Это фамилия моей супруги. Компрометировать ее я не должен и не имею, собственно, на это никакого права. Она очень хороший человек и много сделала для того, чтобы я стал тем, кем сейчас и являюсь. Уяснила?

Оля промолчала, сердито сопя. Усесться ей все же удалось с третьей попытки. Несколько минут ушло у нее на то, чтобы поправить на себе одежду. Потом шорох на заднем сиденье прекратился, но вопреки его ожиданию, Оля не спешила отвечать ему.

— Думаю, мы смогли бы с тобой договориться, если ты будешь умницей. Так как, Оль?

— Зачем по голове ударил, Влад? — плаксиво поинтересовалась Ольга, порадовав его обращением по имени. — Болит же все — и голова, и шея, и позвоночник. Такое ощущение...

— Об ощущениях я знаю не понаслышке, — ухмыльнулся он и полез в карман за сигаретами. — Ты не против, если я закурю?

— Твоя машина, чего же спрашивать.

Она чем-то снова зашуршала, потом раздался звук открываемой «молнии», наверняка полезла в сумочку за пудреницей. Сейчас станет ловить свет уличных фонарей в крохотном зеркальце, чтобы рассмотреть себя. Начнет тереть лицо носовым

платком, он видел его в ее сумочке: белый с кружевной каймой. Такие у нее были всегда. Ничего не изменилось. Словно все было вчера...

— Я не трогал тебя, Оленька, — произнес Любавский после третьей глубокой затяжки.

— Ты о чем? — не сразу поняла она, оторвавшись на мгновение от созерцания своего лица в зеркальном отражении.

— Я не бил тебя по голове, вот о чем! Тебя ударили по шее ребром ладони! Но это был не я! — вспылил он, заметив в зеркале заднего вида, как она, достав тюбик губной помады, украдкой подкрашивает губы.

— Тогда кто? — Ее взгляд оторвался от пудреницы и встретился в зеркале с его глазами. Ольга тут же вспыхнула, поняв, что ее косметические манипуляции не остались тайными. — Тогда кто?! Твоя машина стояла рядом с моей. Это ведь твой черный джип?

— Мой.

— Вот! Когда я хотела сесть в машину, то услышала со стороны твоей машины какой-то звук. А потом...

— И тем не менее, как бы тебе ни хотелось признать меня виновным, это был не я. Парень достаточно высокий, не меньше метра восьмидесяти, думаю. В плечах не так чтобы широк, но достаточно крепкий. Темная кожаная куртка, прикрывающая бедра. Черная вязаная шапка. Он что-то искал в твоей сумочке, когда я его увидел, — пояснил Влад, благоразумно опустив в своем рассказе то, что простоял все время, спрятавшись за колонной.

— Да? — кажется, она не очень удивилась, услышав о приметах парня. — И как думаешь, что ему было от меня нужно?

— Об этом уместнее было бы спросить у него, но он очень быстро смылся, — снова соврал ей Любавский, хотя врал ей почти с первой минуты, как вызвал к себе в кабинет. — Ты с кем-то встречаешься?

— Да нет... — неуверенно произнесла Ольга за его спиной, застегивая сумку. — Последнее время я одна.

— А до этого?

— А до этого тебя не касается, — без лишних эмоций пресекла она его любопытство. — Но смею тебя заверить, ни один из моих бывших знакомых не носил вязаных шапок.

— А их много?

Любавский задавал вопросы, которые ему задавать совсем не надо было. Меньше всего ему хотелось быть уличенным в какой-нибудь глупости: ревности, например. Не до того ему сейчас. Но выяснить-то он должен был!

— Слушай, Владик, — вкрадчивым голосом вдруг произнесла Ольга после паузы, так и не ответив на его вопрос о количестве знакомых ей мужчин.

— Ну что, Владик? — не выдержал он, так как Ольга снова надолго замолчала. — Слушаю тебя.

— А знаешь что... поехали-ка ко мне!

Вот так так!

Сказать, что ее предложение застало его врасплох, значило ничего не сказать. Такой прыти он от нее он не ожидал. Видел же, как полыхал ее взгляд ненавистью и болью, когда они встретились в его кабинете. Знал, что за свою гадость по отношению к ней прощен не будет никогда. И тут такое... Может быть, это западня? Хотя какая, к черту, западня? Чтобы Ольга — и расставляла ловушки? Кто угодно, но только не она.

— А поехали, — неожиданно согласился он, заводя машину и старательно избегая смотреть назад даже через зеркало. — Одна живешь?

— Одна, не переживай. Мама купила себе дачу и перебралась туда пару лет назад. В город ее теперь не вытащишь. Живет активной жизнью. Какие-то кружки по интересам с местной детворой ведет. Все окрестности с ними обшарили в поисках предметов культовой старины. По местам боевой славы в походы ходят. Мы не так часто видимся.

Ольга говорила, забившись в угол салона так, чтобы он не смог видеть ее в зеркале. Хватит уже, и так поймал, когда она губы подкрашивала. Вот угораздило же! И при ком?! О том, что произошло в гараже, и почему она вдруг оказалась в его машине, она пока старалась не думать. Все это было наполнено таким зловещим смыслом, что мороз пробирал по коже даже в теплом нутре автомобиля.

— Моя «Ока» осталась в гараже? — поинтересовалась она, удовлетворившись ответным кивком, назвала свой адрес и снова замолчала.

Говорить с ним сейчас ей было совершенно не о чем. Вот войдут в квартиру, тогда может быть...

Зачем она его пригласила? Мама бы не одобрила. Она до сих пор скептически поджимает губы, когда перебирает Олины документы и натыкается там на свидетельство о смерти Попова Владислава Ивановича:

— Авантюристом был при жизни и смерть себе избрал такую же...

Это Ольга скорее угадывает, нежели слышит. Мама старается не делать ей больно и не пытается что-то проанализировать или понять, хотя во всех других случаях поступала именно так.

— Может, и к лучшему, что его больше нет с тобой, — тоже часто слышался Ольге мамин шепот за спиной.

Знала бы мама, что Ольга сейчас едет с этим самым авантюристом в одной машине и, более того, зазвала его к себе в гости, мигом бы потребовала валидола.

Огромный джип Любавского въехал во двор Олиной «хрущевки». Прошуршал шинами по щебенке, которой засыпали многочисленные ямы на дороге, да так и не удосужились сверху залить асфальтом.

— Здесь куда?

Влад чуть повернул голову вправо, пытаясь уловить хоть какое-то движение с заднего сиденья. Ольга затихла и оставшуюся часть пути до своего дома не издала ни звука. Не иначе мучается сейчас от мысли, что поступила неправильно, пригласив его в гости. Вот монашка, а! Какой была, такой и осталась. Кому же она при всей своей праведности могла так насолить, что на нее нападают так неосторожно? Да, тема для размышления о-го-го какая...

— Крайний подъезд, — почти шепотом произнесла Ольга и, не дожидаясь, пока машина остановится, распахнула дверцы. — Пятый этаж первая дверь справа от лестницы.

— А номера нет, что ли? — удивился Любавский.

— Почему, есть. Только там всегда темно, не разглядишь. Поднимайся...

Ольга выскочила почти на ходу и сразу ринулась к подъезду. Пока Влад парковал машину, пока закрывал ее и входил в дом, ее уже и след простыл.

Света и в самом деле почти не было. Высоко под потолком между вторым и третьим этажом тускло светилась единственная лампочка. Идти ему при-

шлось почти на ощупь. В какой-то момент в голову полезли бредовые мысли о том, что она нарочно заманила его в этот темный бетонный мешок. Пригласила, преследуя какую-то недобрую цель. Наверняка же поклялась самой себе, что отомстит ему за подлость. Может быть, час пробил...

Любавский остановился на лестнице четвертого этажа, задрал голову вверх и какое-то время стоял, не шевелясь, настороженно прислушиваясь.

Дверь ее квартиры была распахнута настежь. В прихожей горел свет. Ольга стояла на пороге и ждала его. Высокая, тоненькая и вся такая ранимая. Нет, кто угодно, но только не она. Ольга не способна. Пусть хоть тысячу раз самой себе поклялась отомстить, но ответить подлостью на его подлость не сумеет никогда. Для этого она слишком сильно любила его. Может, любит и до сих пор. Для чего-то же она его пригласила к себе. Не для того же, чтобы убить в собственной квартире...

— Мне просто страшно, Владик, — Ольга заморгала часто-часто, глядя куда-то поверх его плеча и отвечая на его незаданный вопрос. — Нет никакой другой причины, кроме моего страха.

— Точно? — Любавский, который все еще продолжал топтаться на пороге, зашел в квартиру, захлопнул за собой дверь и, привалившись к ней спиной, огляделся. — Однокомнатная?

— Двушка. — Ольга села на крохотный стульчик под вешалкой и потянула с ног сапоги. — Ты проходи, не стесняйся. Не чужие мы с тобой все же. Чаем тебя напою. Поговорим немного. Я постараюсь прийти в себя, а потом ты уйдешь... если захочешь.

Во как! Это что же: незавуалированное предложение провести вместе ночь или как?

Ей снова удалось его удивить. С каких это пор девочка стала столь прыткой? Помнится, раньше такого за ней не замечалось. Либо и вправду сильно напугана, что готова забыть все его прегрешения и откинуть край своего одеяла приглашающим жестом. Либо... либо это что-то еще, что напрямую связано с недавним нападением на нее. Только при чем тут он? Его-то дело сторона, ему лишних проблем совсем не нужно, своих хоть отбавляй. Из него и раньше рыцаря в блестящих доспехах не получилось, а теперь уже и ни к чему.

— Проходи, — пробормотала его бывшая жена, швырнув к его ногам пляжные тапки огромного размера. — Переобуться не забудь. Вчера вечером делала уборку.

Любавский нехотя влез в чужие тапки и пошел узким коридором в комнату.

Бывшую распашонку переделали, встроив крохотный тамбур и сделав комнаты изолированными. Спальня и совсем маленькая гостиная.

Цветной телевизор «Ролсон» на тумбочке, магнитофон «мыльница» под ним, допотопный видеоплеер. Пара кресел, укутанных шерстяными пледами, диван под таким же пледом. В углу у балкона компьютер и книжные полки. Это все, что смогло поместиться в ее гостиной. Спальня произвела на него не менее удручающее впечатление. Полутораспальная кровать под гобеленовым покрывалом с горкой подушек. Полированный шкаф для одежды. Письменный стол, наверное оставшийся еще с ее школьных времен. Такие же книжные полки, что и в гостиной, забитые старыми учебниками.

— Осмотрелся? — Ольга неслышно подошла и встала за его спиной. — И как тебе?

— Ну... — Он равнодушно пожал плечами, хотя во все горло хотелось крикнуть: «Убого!» — Чисто у тебя, тепло и уютно.

— Ага. Именно так. Идем, чайник вскипел.

Она ушла так же неслышно. Еще какое-то время поглазев на ее большой портрет над кроватью, Любавский тяжело вздохнул и пошел на кухню.

Та же самая обстановка: два белых пластиковых навесных шкафа. Рабочий стол с эмалированной раковиной. Часы с маятником и кукушкой фирмы «Луч» на стене. Клетчатые занавески на окошке и стол в углу под такой же скатертью в клетку.

— А где же холодильник? — Любавский оглянулся. — Ты что же, без холодильника живешь?

— Не переживай. Он в кладовке. Пришлось поставить туда, в кухне совсем тесно. Присаживайся. — Ольга села за стол ближе к окну, оставив ему место у двери. — Чай ты пьешь по-прежнему без сахара? Или вкусы поменялись вместе с фамилией?

— Слушай, не язви, а! — Влад громыхнул деревянной табуреткой, устраиваясь напротив Ольги. — Чай я пью по-прежнему без сахара, Оленька. И даже про варенье не забыл. Хотя последнее мне варить некому и приходиться покупать в магазинах всякие там джемы и конфитюры. Ничем не хуже, смею заметить. А это что такое?

На столе стояли три глубокие тарелки. Одна с сушками, которые он и в прошлой-то своей скудной жизни не очень жаловал, и Ольга об этом знала. Не иначе из вредности выставила. Во вторую, нарезав крупными ломтями, она выложила полбатона. А в третьей горкой высилось какое-то странное месиво неопределенного грязного цвета, дотронуться до которого он не решился бы ни за что.

— Это финики, дорогой, — Ольга елейно ему улыбнулась и, оторвав от общей массы небольшой кусок, отправила его в рот. — Помнишь еще о таких плодах? Нет? Или тоже чем-то научился это заменять, как и варенье?

Финиками они баловали себя лишь в дни стипендий и получек, когда учились. Кто-то из них — то ли Ольга, то ли он сам вычитал, что по своему энергетическому и витаминному составу финики приравнены к морепродуктам. Чушь, наверное, но недорогие тогда финики у них бывали частенько.

— О-хо-хо. Когда это было?

Любавский крутил в руках крохотный липкий комочек, изо всех сил заставляя себя отделаться от неприятного ощущения. Ему казалось, что он идет на поводу у чего-то такого, чему всячески должен противиться. Ничего же как будто не происходит. Они сидят друг против друга. Пьют чай, который, правда, по вкусу больше напоминает хорошо пропаренный веник. Почти ни о чем не разговаривают, если не брать в расчет нескольких язвительных замечаний, которыми они успели обменяться. Тогда откуда беспокойство?..

— Расскажи о себе, — вдруг попросил он, укладывая финик на край своего блюдца. — Как жила эти годы?

— Ты все увидел — мое жилище, видишь меня. Среднестатистический житель России. Не скажу, что прозябаю за гранью нищеты, но... Так что мои слова о повышении жалованья не были лишены смысла, дорогой.

Вот опять! Опять его укололо! Такое ощущение, будто его очень умело подводят к капкану. Но чтобы Ольга?! Такого быть просто не может!

— О зарплате подумаю, но обещать ничего не могу. — Любавский недовольно поморщился, ослабил узел галстука, тут же принялся хлопать себя по карманам и, тоскливо обведя взглядом крохотную кухню, спросил: — Курить у тебя, конечно же, нельзя?

— Почему? Кури.

Ольга встала и, привстав на цыпочки, достала откуда-то со шкафа стародавнюю — как, впрочем, и все в этом доме — пепельницу. Тяжелая, глиняная, в форме ополовиненной тыквы, с глубокими округлыми прорезями под сигареты. Вид этой массивной пепельницы вдруг заставил Любавского занервничать. Зачем он здесь?! Такой же пепельницей убить запросто можно. Что, если ей взбредет в голову шарахнуть этой штуковиной ему по голове, вспомнив о возмездии?! Чушь собачья! Смерть на взлете называется. Нет, что-то все-таки идет не так. Как-то бесконтрольно, что ли. И Ольга, его понятная и милая Ольга, стала совсем другой. Новой и чужой, пожалуй, непредсказуемой.

Любавский нервно затянулся раз-другой. Поерзал на табуретке и для чего-то пододвинул к себе пепельницу, словно намеревался поставить ее себе на колени.

Ольга смотрела на него, занавесившегося дымом, и не могла понять, отчего он так нервничает. Боится, что она начнет к нему приставать? Так она не напрашивается. Насильно, как говорится, мил не будешь. Ей, конечно же, очень не хотелось оставаться в эту хмурую ноябрьскую ночь в одиночестве. Приглашая его к себе, она на что-то надеялась, но не настолько же она слаба духом, чтобы падать ему в ноги и умолять любить ее.

— Оль, ты это... — Еще пара глубоких затяжек, снова судорожное покручивание в руках пепельницы, опять затяжка, и лишь после этого Любавский поднял на нее взгляд, тот самый взгляд из их общего прошлого, который запросто мог делать с ней все, что угодно. — Оля... Ты все еще хочешь меня?

Он мог бы и не спрашивать. Кажется, Любавский даже не успел закончить свою фразу до конца, когда она выдохнула свое заранее заготовленное «да». И все сразу встало на свои места, сделавшись понятным и реальным. Исчезло гнетущее ощущение недосказанности. Нервозность, объяснение которой все никак не находилось, перестала волновать. Может, он из-за того и нервничал, что страшился ее отказа. Наверное, так оно и было.

— Иди ко мне, — проговорил он, глядя на нее исподлобья, тяжело и требовательно. — Иди ко мне, маленькая моя, и давай забудем обо всем.

Забыть не получилось ни у него, ни у нее. Все случилось как бы снова, совсем не так, как прежде. Торчащие углы старомодной мебели, скрипучий пол под ногами, мельтешащие тени на потолке от проезжающих по проспекту машин. Все это его раздражало. Запах порошка, исходящий от ее накрахмаленных простыней, тоже раздражал. Ее белье было все таким же простым и дешевым, что и прежде, это раздражало. И даже ее тело, которое он почти успел забыть и узнавал теперь заново, не помогло ему справиться с раздражением.

— Тебе что-то мешает? — спросила Ольга, вернувшись из ванной и склоняясь к нему.

Он не ответил, поймал в темноте прядь ее волос и слегка подергал. Другой рукой обхватил ее за голое плечо и с силой привлек к себе, тут же впиваясь

в ее гладкую кожу губами. Может, сейчас что-то изменится. Может, уляжется это дикое недовольство самим собой.

Вот уж не думал, что ему будет так паршиво. Его смелая попытка не увенчалась успехом. Хотел вернуть себе что-то давно утраченное, но это оказалось не более чем эфемерным воспоминанием. Зачем?! Ненормальный, ей-богу! Мгновения ускользают, не суля повторения. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Он свою уже переплыл, второй попытки не будет. Что он пытался обрести, лаская Ольгу и слушая ее сдавленные стоны, больше напоминающие всхлипы? Никто же ему не обещал, что все мгновенно вернется — и чувства, и ощущения...

— Дерьмо! — еле слышно прошептал он, сидя на краешке кровати спиной к ней.

Надеялся, что она не услышит. Услышала, провела кончиками пальцев по его выпирающему позвоночнику. А потом со вздохом спросила:

— Почему?

— Ты не подумай, Оль, ничего такого, это я про жизнь. — Он невольно передернулся, кожа под ее пальцами мгновенно покрылась мурашками.

— Я поняла. — Ее руки скользнули ему на живот, заключая в кольцо. — Наша жизнь это то, что мы о ней думаем, Владик. Печально, что ты так думаешь о своей. Ты вроде бы должен быть доволен всем, и тут вдруг... С чего бы это?

— Философствуешь, — хмыкнул он, размыкая ее руки и вставая с кровати. — Что она тебе дала, твоя философия? Твое понимание жизни? Твой гуманизм, альтруизм и прочая чепуха, которой ты меня столько лет пичкала? Что они тебе дали? Вот эту убогую хрущобу, заставленную дровами? У ме-

ня язык не поворачивается назвать это мебелью! Ты хочешь сказать, что ты здесь счастлива?!

— Допустим, — осторожно произнесла Ольга, про себя поражаясь той горечи, с которой он все это выплескивал из себя.

— И тебе ничего, ничего не хочется? — желчно поинтересовался Влад, уперев руки в голые бока.

— Ну... я бы так не сказала. — Кажется, она начинала понимать, куда он клонит. — Но это не самоцель, Владик.

— Да?! Не самоцель?! Что ты выламываешься тут передо мной, девочка?! Ты же ради прибавки к зарплате меня в кровать уложила. Тебе же противно было заниматься со мной любовью! Разве не так?! Скажи, только честно! Тебе было противно?!

Он стоял посреди ее спальни абсолютно голый, ничуть этого не смущаясь и не пытаясь прикрыться. Куда больше его бесило то, что он не прикрыт сейчас от нее в другом. Его снова прорвало, и она снова видит его таким, каким он бывал и прежде. Не прикрытым фальшью и исходящим желчью. Таким он мог себе позволить быть только лишь с ней одной. Никто и никогда не смог бы похвастаться, что с ним Влад предельно открыт и искренен. Никто, кроме Ольги. С ней он мог раскрепощаться, зная, что она все поймет и примет. Но то было тогда, а сейчас зачем?..

— Корчить из себя святошу ты всегда умела, разве не так?! Умела, умела, не смей отрицать! Все учила меня жить по совести! Говорила, что каждому воздастся... Тебе вот что, за все это воздалось, скажи?! Чем ты прогневала господа, что он отмерил тебе такого добра?

— Владислав Иванович, тебя заносит. — Ольга приподнялась на локтях и, прикрывшись одеялом,

совершенно беззлобно улыбнулась ему: — Смотря что с чем сравнивать, дорогой. Тебе это кажется убожеством. Кто-то сочтет за благо. В конце концов, о чем мы спорим? Ты живешь прекрасно. Я тоже живу не на вокзале. Занимаюсь любимым делом. У меня стабильный, пусть и небольшой, заработок. Да, на яхту мне не хватает. И на круиз дважды в год я не наскребу, но!..

Тут она намеренно сделала паузу. Владик очень внимательно, не перебивая, внимал каждому ее слову. Это могло означать одно из двух: либо его пробрало от ее проникновенных речей, что вряд ли, либо он готовит разгромное опровержение. Паузы он не нарушил, и Ольге пришлось продолжить свой нравоучительный монолог. Пользы, она знала, не будет. Ей и раньше приходилось это делать, поэтому была почти уверена, что слова ее разбиваются о глухую стену. Ее порой тошнило от того, что приходилось раз за разом повторять ему азбучные истины. И все для чего?! Да для того, чтобы он ее выслушал, высмеял и — поступил наоборот. То ли утверждался он подобным образом в собственной непогрешимости, отвергая каждый ее принцип. То ли потешался тем самым над людьми, подобными ей. Черт его знает, что он был за человек, ее бывший муж. Просто сплошное недоразумение, а не человек...

— Но я живу спокойно, Владик, как ты не поймешь! — закончила Ольга после паузы. — Я живу в ладу с самой собой. И жизнь свою дерьмом не считаю, в отличие от тебя. О тебя, который носит костюмы по штуке баксов и ездит на тачке, на которую мне за жизнь не скопить. И у которого одна запонка стоит моего месячного заработка. Вот скажи, чего тебе не хватает? Ты же к этому всегда стремился.

Тебя же с души воротило от того быта, который мы с тобой имели. Что тебе сейчас не живется радостно и счастливо? Любимая женщина рядом. Скоро родится ребенок. Материально упакованы, дай бог каждому. Что тогда? Что тебя тревожит? А может, причина в том, что, достигнув того, к чему стремился, ты не обрел искомого. Так определяться надо было с собственным представлением о счастье, дорогой.

— Ты определилась? — поинтересовался он глухим, непробиваемым голосом, который всегда мешал ей угадать, что он скажет в следующую минуту. — Ты определилась в своем представлении о счастье? Это... — Влад махнул руками вокруг себя, — и есть твое представление о счастье, или, может, хочешь чего-то еще, но ломаешь тут передо мной дурочку и играешь в праведницу? А по голове за что-то схлопотала в подземном гараже. За что? От кого? Опять же тапочки, что ты мне сунула, никак на праведный образ жизни не указывают. Где же он, твой избранник? Сбежал? Прогнала, поняв, что он не соответствует твоему представлению о счастье? А теперь он осерчал и подкарауливает тебя в укромных уголках и совершает нападения непонятно с какой целью.

Любавский замолчал, шумно вздохнул. Потом снова всплеснул руками почти по-бабьи, подошел к кровати, на которой полулежала Ольга, и рухнул на край, заставив старый матрац противно взвизгнуть пружинами.

— Обиделась? — Он толкнул ее голым боком, свесил голову набок и попытался поймать в полумраке комнаты выражение ее лица. — На меня не нужно обижаться, Олька. Ни тебе на меня, ни мне на тебя.

— Почему? — Она выпростала руку из-под одеяла и погладила его по плечу. Кожа была сухой и горячей, хотя в комнате было достаточно прохладно, а Влад все еще разгуливал нагишом.

— Потому что мы с тобой, Олька, совесть друг друга! Во как! Я ведь не люблю тебя, как того требуется для жизни вдвоем. Уж что есть, то есть, прости великодушно. Потому и сбежал от тебя тогда.

— Ну, сбегал ты, допустим, не только от меня, — поправила она его, стараясь не обращать внимания на болезненный укол в сердце, вызванный его откровенностью. — Тебе на пятки наседали очень крутые парни, которые только еще учились быть крутыми. Но ты все равно испугался, потому что кинул их. На сколько, не помню?

— Смешно сказать! — воскликнул горестно Влад и вдруг не к месту по-хозяйски шлепнул ее по заду. — Из-за трех штук долларов такой переполох устроили! Разве же это деньги, Оль, чтобы ножом человеку угрожать?

— Они на эти деньги хотели начать строительство собственного торгового комплекса, а ты их кинул, — упрямо повторила Ольга, не желая потакать ему, как бывало и прежде. — Ребята по крохам собирали деньги, одолжили тебе под проценты, а ты их кинул. До сих пор не могу понять, на что ты надеялся тогда? Думал, что ли, с неба деньги на тебя ссыплются. Авантюрист ты, Владик. Авантюрист и еще мошенник. Очень взрывоопасная смесь.

— По-другому быть просто не может. Пододвинься, я прилягу. Замерз.

Искушение послать его ко всем чертям было слишком велико, но Ольга, как овца на заклании, послушно откинула край одеяла, впуская Влада. Пру-

жины снова застонали под его большим тяжелым телом. Он лег на бок и тут же пододвинул ее к себе.

— Оль, — позвал он чуть слышно, целуя ее в ухо. — Скажи, а тебе хорошо сейчас со мной было?

Она не стала врать. Ей всегда с ним было хорошо. И она кивнула утвердительно.

— А мне как-то не так. — Он шумно задышал, с грубой силой лаская ее тело. — Думал, что будет как раньше, а что-то ушло. Что-то сломалось. Я же всегда хотел тебя, Оль. Пусть любви особой не было, но хотел-то всегда. А сейчас какой-то надлом в душе. Чертовщина какая-то... Как думаешь, что со мной? Может, я уже кончился как мужчина? Осталась одна техника, а чувственности ноль. Как думаешь, может, причина в этом?

Вот оно! Вот он, момент истины, ради которого она терпела его мерзкий цинизм весь вечер и большую часть ночи.

Попов Владислав Иванович останется самим собой даже через сто лет. Теперь нужно было действовать осторожненько, на полусогнутых, чтобы, не дай бог, не спугнуть. Не заставить его замкнуться в себе, прикрывшись каким-нибудь фальшивым смешком...

Ольга перевернулась на живот и, дурачась, укусила бывшего мужа за сосок. От неожиданности он вздрогнул и попытался увернуться. Но Ольга оказалась проворнее и снова куснула его.

— Вот видишь, а ты говоришь, что стал бесчувственным. Все рецепторы в порядке. Так что все твои опасения — это вымысел, дорогой. — Ольга поднялась повыше, приблизила свое лицо к его и, чуть касаясь губами его щеки, еле слышно произнесла: — Дело в чем-то другом. И ты это знаешь не хуже меня.

— Думаешь? — так же шепотом спросил Влад, обхватил ее за талию и одним рывком подмял под себя. — Теперь давай с тобой, как в том анекдоте: ты же у меня такая умница, придумай что-нибудь. А, идет?

— Постараюсь, — уклончиво пообещала Ольга, стараясь не обращать внимания на блуждание его рук и губ по своему телу. — Ну... ты, видимо, чем-то очень озабочен. Какие-то проблемы тебя гнетут. Отсюда твоя рассеянность, раздражение, желание докопаться до чего-то такого, чему ты и сам не можешь дать объяснения. Что скажешь?

Влад слушал ее очень внимательно. Он, впрочем, всегда так слушал ее. Хотя иногда, на его взгляд, говорила много лишнего. Но зерна от плевел он мог отделить. И, не кривя душой, признавал, что частенько правильные речи Ольги направляли его. Пусть не всегда в том направлении, куда ей хотелось бы, но то, что какое-то воздействие имели, это бесспорно.

— Ну... возможно... — промурлыкал он ей куда-то в ключицу. — А дальше?

— Попробую, но я не всесильна. — Ольга вдруг глухо застонала. — Влад, ну что ты делаешь? Я же не могу одновременно предаваться размышлениям и заниматься с тобой любовью!

— Стоит попробовать, Оленька. Тебе не нужно ничего делать. Просто говори, а я все сделаю за тебя...

Ей было очень трудно оставаться безучастной и трезвомыслящей. Влад умел быть непредсказуемым и дьявольски умелым, это сбивало с толку и заставляло следовать за ним.

— Ну же, милая, что ты хотела мне еще сказать? — сдавленно шептал он ей в ухо, тесно прижимая к себе. — Не нужно так дышать, детка. Скажи, что ты думаешь обо мне? Что со мной происходит?

— Ты... О боже, Влад, не сходи с ума!.. — Ей казалось, что еще немного, и она уже тогда точно не сумеет ничего ему сказать, а заодно и узнать от него то, что собиралась узнать изначально. — О, нет! Это уже слишком...

— А так можно? — расхохотался он сатанинским смехом, вытворяя с ней черт знает что. — Вот так, девочка, так... Молодец... Ну, что ты обо всем этом думаешь? Скажи же наконец!

И вот тогда, балансируя на самой крайней отметке между окончательным провалом в бездну и явью, она закричала:

— Я думаю, что ты имеешь меня сейчас и морально, и физически!!! Ты всегда меня так имел, Попов!!! Ты просто по-другому не умеешь! Тебе что-то нужно от меня! Не мог ты не знать, что я нахожусь с тобой в одном здании двумя этажами ниже! Не мог!!! Но ты чего-то ждал! Чего?!

Он отпрянул от нее, как от прокаженной. Оставил скомканную на скомканных простынях и тут же, не говоря ни слова, принялся одеваться. В ее сторону он даже не поворачивал головы. Ольга специально включила ночник в изголовье, чтобы видеть его. Нет, даже не посмотрел ни разу. Почему? Не потому ли, что она попала в самую точку. Обидеться он не мог, потому что обидеть его в принципе было невозможно. Его можно было насторожить, испугать, разозлить, но никак не обидеть. Он как мартышка, отпрыгивающая от огня, отскакивал от всего, чего опасался и чего не понимал. Что-то похожее происходило и сейчас.

— Ты не уйдешь от меня, не объяснившись, — жестко потребовала Ольга и по его примеру встала голышом у двери, отсекая ему все пути к бегству. —

Я должна знать, чем обязана твоему внезапному вторжению в свою жизнь. После стольких лет отсутствия... Должна быть очень объективная причина. Она есть? Я права?

Влад продолжал прятать глаза, излишне сосредоточенно расправляясь с запонками. Потом так же аккуратно вернул на место галстук. Надел пиджак, смахнул несуществующую пылинку с правого плеча. Поправил волосы, растрепавшиеся по плечам, и лишь потом, все так же не поворачиваясь к ней, глухо произнес:

— Причина есть, Оль. Конечно же, есть, но сказать я тебе о ней не могу... пока.

— Проститутка ты, Попов! — поморщилась она болезненно — он снова ничуть не удивил ее, явив свою вероломную сущность.

— Оля! Я же просил не называть меня так! — Он резко повернулся наконец к ней, вскинулся было оскорбленно, но тут же передумал, не без восхищения присвистнув. — Скажи, пожалуйста, я почти сумел забыть, какая ты красавица. В темноте разве разглядишь. Шла бы ты замуж, Оль, что ли.

— Я уже сходила, но за предложение спасибо. — Ей сделалось неловко под его оценивающим взглядом.

Намерения Любавского могли в любой момент измениться. Вон он даже узел галстука ослабил, заметно повеселел и сделал пару шагов к ней. Ну, совершенно пустой человек, что тут скажешь! Попытаться проскользнуть мимо него к шкафу или к кровати возможности не было никакой. Влад ситуации не упустит, и все начнется снова. Повторения Ольга не хотела, это уж точно.

За дверью на гвоздике висел старенький халат

матери. Выцветший, ситцевый, с отпоровшимся до середины карманом. Все никак не доходили руки выбросить его. То окна в нем мыла, то уборку делала. Потом бросала в стирку, намереваясь пустить на тряпки, но всякий раз отглаживала, и снова вешала за дверь. Надевать его сейчас значило нарываться на очередной язвительный выпад. Снова пройдется по ее представлениям об истинном счастье. Но и не надевать было нельзя. Глаза у Владика полуприкрылись веками, а это верный знак.

Ольга сдернула с гвоздя халат, с трудом попадая в рукава под его пристальным взглядом, надела. И, не успев завязать на талии пояс, услышала:

— Ну, вот! А что я говорил? Вот оно твое благополучие, все как на ладони! В этом дурацком старом халате! Тьфу ты, просто все настроение испортила.

Обогнув ее так, словно боялся замараться, Любавский прошествовал в прихожую, нарочито громко шлепая тапками. Там он демонстративно бережно пристроил их под вешалкой. Обулся, натянул пальто и, взяв в руку борсетку, поманил Ольгу пальцем к себе.

— Что еще? — Она и не думала двинуться с места, подперев стену прихожей плечом.

— Я должен чмокнуть тебя в лобик, дорогая, перед уходом, — заявил он с самодовольной ухмылкой, видимо, вид Ольги в затрапезном халате приводил его в неописуемый восторг.

— Обойдусь и без поцелуя. И вообще, тебе давно пора, а то как бы жена не кинулась на поиски. — По тому, как нервно заходил его кадык, стиснутый тесным воротом сорочки, Ольга поняла, что упоминание о жене принесло ей победное очко. — Счастливо

тебе, Владик Любавский. Я ничего не перепутала? И... и привет супруге.

Он хотел что-то сказать ей в ответ. Что-то не менее язвительное, но потом передумал. Махнул рукой, промычал что-то нечленораздельное, скорчив при этом гримасу, могущую означать что угодно, и ушел, забыв попрощаться.

Ольга быстро выключила свет во всей квартире и прильнула к окну в гостиной. Три томительных минуты она ждала, пока Влад выйдет из подъезда. Потом, не отводя взгляда, наблюдала за тем, как он очень осторожно, боясь запачкать ботинки и кромку брюк, пробирается к машине. Он даже штанины поддернул, боясь вымазаться в грязи. Скажите, какая аккуратность! Это был заметный прогресс. Раньше такого за ним не замечалось.

Машина моргнула фарами, впуская хозяина в теплое дорогое нутро, приятно пахнущее автомобильной косметикой, тоже наверняка не дешевой. В этом Ольга плохо разбиралась и утверждать наверняка не могла. Менее чем через минуту двор опустел.

Ольга слезла с подоконника, одернула тюль, занавесила штору и включила свет. Какое-то время ходила по своей маленькой гостиной, прижав стиснутые в кулак пальцы к губам и напряженно размышляя. Потом, так ни до чего и не додумавшись, уселась в свое продавленное кресло и, подтянув за шнур старенький телефонный аппарат, набрала знакомый номер.

Долго никто не отвечал, что было и неудивительно, шел третий час ночи. Потом зуммер в трубке оборвался, что-то надсадно заскрипело, засвистело, и заспанный голос ее подруги недовольно произнес:

— Алло?!

— Ксюша, привет, — Ольга виновато шмыгнула носом. — Спишь, что ли?

— Нормально! — отреагировала Ксения, как, собственно, и должна была отреагировать. — Нет, Оль, носки вяжу, а что?!

— Ладно, не злись. Тут такое дело... — Оля вдруг испугалась и замолчала.

Говорить или нет?! Говорить или нет?! До сегодняшнего дня она никому, даже матери, не рассказывала о том, что догадывается, что смерть Попова Владислава Ивановича сфальсифицирована им же самим. А сейчас вот собиралась. А вдруг не нужно? Вдруг она ошибется, выболтав чужую тайну. Пусть часть этой тайны принадлежит и ей тоже, но... но все же стоит ли ее обнародовать?

— Ольга! — гаркнула ей в самое ухо подруга. — Что случилось?! Говори, не просто же так ты мне позвонила в двадцать минут третьего?! Что?!

— Ничего, — закусив губу, пробормотала Ольга, вдруг почувствовав неимоверное облегчение от того, что не произнесла вслух признания. — Просто мне плохо сейчас. Я сидела, сидела, таращилась в компьютер и вот решила тебе позвонить. Прости, если что...

— Ладно, проехали, — недовольно буркнула подруга и шумно зевнула. — За это завтра отведешь Мишку в сад, мне нужно на работу пораньше.

— Без проблем. — Ольга обрадовалась, что разговор съехал с опасной темы.

Минут пять они обсуждали, во что нужно одеть Михаила на случай дождя, возможных заморозков и солнечного утра, потом попрощались. И Ольга положила трубку.

Уставившись невидящим взглядом в стену напротив кресла, в котором сидела, сжавшись в комочек, она еще какое-то время прокручивала в уме события дня минувшего. Отсортировав все происшествия, она разбила их на три категории.

Первые две были из разряда обычных и необычных недоразумений. Обычные включали в себя два вызова на ковер к руководству. К необычным она отнесла то, что руководством неожиданно оказался ее почивший супруг. И еще факт внезапно возникшего интереса к происходящему ее соседки по кабинету Веры. Ей-то что с того, что Ольгу все утро дергало начальство! Однако же нервничала и расспрашивала чересчур пристрастно. Любопытство — оно, конечно, понятно, но не до такой же степени.

Но то были всего лишь недоразумения, к которым за жизнь свою она успела попривыкнуть и научилась относиться к ним с философской терпимостью. Раз так распорядилась судьба, то и нечего пытаться что-то изменить, все равно не получится.

А вот третья категория, к которой она отнесла происшествие в подземном гараже, не могла ее не насторожить.

Зачем нужно было Владу бить ее по голове или по шее, как он сам же потом и проговорился? Для чего надо было обыскивать ее сумочку? Оля без его комментариев поняла это сразу по тому, в каком беспорядке находились там ее вещи. Что, спрашивается, искал? Деньги все целы, да он бы и не польстился на ее гроши. Что-то плел ей про какого-то парня, который никак не смог бы попасть в их гараж, не нарвавшись на бдительную охрану. Причем приметы указал просто смешные. Подумать было над чем...

На кухне раздался упреждающий скрежет, и че-

рез мгновение старая кукушка трижды крякнула простуженным от долгих лет службы голосом. Судя по всему, времени на размышления у нее на сегодня не осталось. Утренние подъемы ей и так давались нелегко, а завтрашний обещал быть еще тяжелее. Ксюша просила отвести Михаила в садик, а это ни много ни мало, а час в запасе иметь нужно.

Оля вылезла из кресла, потянулась со стоном и зябко передернулась. Когда только отопление собираются в дома подавать, утром сил просто нет выбираться из-под одеяла. Ольга уже и окна заклеила, пытаясь сохранить хоть какое-то тепло в квартире, но спасало это мало. Ее угловой пятый этаж прекрасно продувался ветрами всех направлений. Спасти могли только горячие батареи, а проблемы на линии обернулись почти месячной задержкой. Она на всякий случай потрогала холодную гармошку радиатора и, в который раз убедившись в том, что тепла так и нет, побрела в спальню.

Надо постараться выспаться. Прямо с ходу упасть в кровать, укутаться в одеяло и, зарывшись лицом в подушку, забыться спасительным сном. Ни к чему бередить себе душу и таращить глаза в темноту, пытаясь воссоздать на простыне рядом с собой знакомый силуэт. Нет там ничего. Ничего нет, остались одни воспоминания, радоваться которым она тоже не могла.

Не бил он ее, как же! Так она ему и поверила! Позерство сплошное. Выход героя-любовника на авансцену. Вот как это называется. И думать тут больше не о чем. Просто так предложить ее подвезти он ни за что бы не смог. А вдруг она посмеет отказать, это же какой удар по самолюбию! Как же с этим жить-то ему потом! А вот обставить все это дело с таким тра-

гизмом это как раз в его стиле. Эффектное исчезновение и не менее эффектное возвращение.

— Ох, Попов, когда ты только станешь нормальным человеком... — прошептала Оля со всхлипом и закрыла наполнившиеся слезами глаза.

Нельзя плакать. Плакать ни в коем случае нельзя. Утром глаза будут покрасневшими, веки набрякшими, и никакой косметикой положения не исправить. А вдруг завтра с утра он снова возжелает ее лицезреть. Каким удовлетворением наполнится его подлая душонка, когда поймет, что она проплакала остаток ночи после его ухода. Нет, доставлять удовольствие этому мерзавцу она не станет. Она просто уснет, досчитав до сотни или до тысячи, а может, и до десяти тысяч, но, досчитав, уснет непременно. И думать о нем не будет больше никогда, чтобы он ни пытался предпринять.

ГЛАВА 4

— Что она сказала? — сильно округлившийся живот Лизы сместился немного влево, давая ему возможность протиснуться в узкую дверь ванной.

— Да ничего особенного. — Влад пустил теплую воду в раковину, оперся о ее край и, подняв взгляд, посмотрел на себя в зеркало. Широко открыв рот, он высунул язык, затем снова его спрятал и, несколько раз повторив эту манипуляцию, проговорил с отвращением: — Ну и рожа! Просто протокольная, скажу тебе, Лизок, рожа! А ты чего это не спишь, Лизок? Нехорошо. Тебе режим нужен, покой и все такое...

— Заткнись, лучше. И давай рассказывай. — Ее живот, обтянутый ярко-розовым трикотажем пижамы, сместился теперь в другую сторону, и в зеркальном отражении, куда он взирал с напряженным вниманием, появилось недовольное, заспанное лицо его супруги. — Итак, что скажешь? Как она?

— А никак! — И он рассмеялся совершеннейше глупым пустым смехом, заведомо зная, как Лиза ненавидит этот его дурацкий квакающий смех.

— Что никак?! Как никак?! Я что, из тебя по слову буду выуживать, идиот?! — Любавская сделала резкий выпад в его сторону и припечатала подошвой тапки ему по заду. — Что никак?! Она даже не удивилась, увидев тебя живым и здоровым?

— Нет. Почти нет. Удивилась моей новой фамилии, имиджу, положению, может быть. Она же не могла себе представить, что их новый генеральный — это я. А в том, что я жив... Нет, пожалуй, что нисколько. Я же говорил тебе, что она догадывалась, что я не погиб. Догадалась, правда, уже потом, после того, как имела на руках свидетельство о моей смерти. — Влад вдруг нагнулся и сунул голову под мощную струю воды, разметав вокруг себя целый ореол брызг.

Лиза терпеть не могла подобных его водных процедур. Как многого не терпела в нем самом. Но обстоятельства, которые иногда оказывались сильнее ее, заставляли стискивать зубы и молчать... временами. Сейчас был не тот самый случай, и Лиза разразилась длинной руладой крепких словечек, отпрянув от плескающегося в раковине супруга.

Ограничившись этим, она хлопнула дверью в ванную и ушла. Ничего, он еще свое получит сполна. Сейчас ей не до того, чтобы пускать в ход кулаки.

Еще, чего доброго, может получить отпор, а рисковать она не имеет права. Она теперь не одна...

Лиза была очень умной женщиной и понимала, что это своеобразная акция протеста с его стороны. Своего рода маленькая месть ничтожного человечка, который временами забывал, где его место. Ничего, пусть сейчас он злится, пусть даже бесится, оттого что снова пришлось идти у нее на поводу. Но это пройдет. Он сумеет переломить себя и смириться с неизбежностью. Так было всегда, так и будет впредь.

Может быть, в чем-то Лиза и перегибала палку, например, в том, что заставила Влада работать в этом долбаном отделе культуры при местной мэрии. Чего-чего, а работать тот не любил, хотя и мог. Возможно, можно было обойтись и без этого внедрения, но... катастрофически не хватало времени. Его просто-напросто ни на что уже не осталось. Оно поджимало, отсекая все возможные отсрочки. Поэтому ему и приходилось день за днем таскаться на службу и всячески изображать деловитость. Хотя истинная цель его деятельности заключалась совсем в другом.

Ольга... Брошенная им когда-то Ольга, сохранившая свою странную фамилию Шустикова, стала для них теперь вожделенной и труднодосягаемой мечтой.

— Знал бы, что так будет, не спешил бы умирать, — пробормотал он несколько месяцев назад, совершенно обезумев от потока информации, свалившейся на них в одночасье. — Что же нам теперь с тобой делать, Лизок?!

— Не нам, а тебе, милый, — проговорила ласково Лиза и, поймав его за кончик галстука, притянула к себе поближе.

Тогда она еще не была столь безобразно толстой и могла позволить себе всякие вольности типа бешеного секса на кухонном столе или на подоконнике. Влад экстрим любил, за что, может, любил и ее тоже. В тот день он хрипел, задыхался и все пытался спросить сквозь долгие протяжные стоны, в чем же именно заключается его роль. Лиза не позволила ему этого сделать. Она измотала его, оставила без сил с судорожно открытым ртом, хватающим воздух, и остановившимся взглядом. Мог ли он хоть что-то соображать в тот момент, отвечая ей «да»?..

Лиза ушла в столовую. Села на широкую, обитую бархатом скамейку и, прислонившись ноющей поясницей к мягкой спинке, потянулась к вазе с фруктами. Ей почему-то в последнее время постоянно хотелось есть. Все равно что, будь то бутерброд с толстым ломтем осетрины или пучок зеленого лука с черным хлебом, она жевала и жевала, совершенно забыв о проблемах лишнего веса.

— Вы очень интенсивно поправляетесь! — воскликнул тот глупый доктор, к которому позавчера ее возил Влад. — Так же нельзя! Вы превратитесь в тумбу после родов! Что скажет ваш муж?! Вы перестанете казаться ему сексуальной, следите за собой, уважаемая.

Тебе-то какое дело?! Мне на все плевать! На все, понял?! И вообще, пошел ты к черту! Сам на кого похож, урод!..

У нее просто язык чесался высказаться. Просто выплюнуть, что хотелось, в его физиономию со всей его похрустывающей при ходьбе крахмальной одежонкой. Шарахнуть пинком по сверкающему подносу со сверкающими страшными железками, которыми он манипулировал внутри ее целых пять

минут. И уйти, звонко хохоча при этом. Она сдержалась, хотя на ладони и остались следы от впившихся в кожу ногтей.

Влад ждал ее в коридоре. Он сразу понял, что произошло что-то неладное там, за красивой пластиковой дверью. Что-то нехорошее, что заставило его Лизу разнервничаться и придираться к нему по мелочам весь остаток дня. Но расспрашивать он не решился. Да она, может, и не рассказала бы ему, хотя друг от друга у них почти никогда не было секретов. Он не спросил, а она не рассказала. Но на другой день, дождавшись, когда супруг уедет на службу, Лиза скинула с себя всю одежду и очень долго и очень пристально рассматривала себя в зеркале.

Она и в самом деле стала безобразной. Ноги превратились в столбы. Бедра и грудь сплошь в растяжках. Целлюлит не замедлил явить себя, изрубцевав ее кожу противными пористыми складками. Лицо пострадало ничуть не меньше. Губы и нос припухли, глаза, лишившись приятного живого блеска, сделались мутными. Как она со всем этим будет жить потом?!

Лиза расплакалась.

С отвращением отвернувшись от зеркала, она ушла в свою спальню, упала лицом в подушку и проплакала до вечера, проклиная тот день и час, когда решилась стать матерью. Самое ужасное заключалось в том, что ей некого было обвинить в собственном уродстве. Это целиком и полностью было ее решение. Влад детей не любил. Всякий раз, когда она об этом заговаривала, он морщил нос, небрежно встряхивал кистями рук, словно пытался сбросить с них еще не обретенную тяжесть. Потом, правда, ему пришлось смириться и принять ее беремен-

ность как факт свершившийся. Но Лиза-то знала, что ситуация с ребенком была снова ею ему навязана, как очень-очень многое в их альянсе...

Влад вышел из ванной минут через десять. Лиза успела к тому времени съесть два банана, абрикос и огромный ломоть бородинского хлеба, нашлепав на него кусками масло и сыр. И куда только это все в нее влезает...

Быстро проглотив остатки бутерброда, она уставилась на мужа, который, повернувшись к ней спиной, исследовал сейчас содержимое кастрюль на газовой плите.

— Суп остыл. Убрать в холодильник? — спросил он, не поворачиваясь.

— Убери. — Лиза сверлила взглядом его спину, обтянутую темным махровым халатом, и подозрения, которые она всячески гнала от себя, черным осклизлым гадом поползли ей прямо в сердце. — Ты спал с ней?!

Вопрос настиг Влада уже у холодильника. Он только-только приоткрыл дверь двухметрового «Евролюкса» и придерживал сейчас ее ногой, намереваясь сунуть на полку кастрюлю с гороховым супом, как она задала свой дурацкий, по его мнению, вопрос.

Он не ответил. Двинул коленом дверцу холодильника. С грохотом обрушил кастрюлю на пластиковую полку. Недовольно перебирая губами, захлопнул холодильник и снова вернулся к газовой плите. К ней он так и не повернулся. Широкие плечи под халатом напряглись. Левая нога принялась подрыгивать в такт постукивающим по кромке газовой плиты пальцам.

Любил он барабанить пальцами — все равно по чему, любил. Ему было все равно, где молотить мор-

зянку, будь то подоконник, стол или ее колено. Про колено он, правда, в последнее время почти забыл, укладываясь спать в соседней спальне.

— Ты с ней спал?! — снова повторила Лиза вопрос, отодвигаясь от спинки скамейки и налегая на стол отяжелевшей грудью. — Сволочь, ублюдок, скотина!!! Признавайся, ты с ней спал?!

Взгляд Лизы мгновенно охватил его всего от голых, розовых после ванны пяток до взъерошенных влажных волос на макушке. Он не просто намочил голову, он принял ванну! Он потому и принял ванну, что переспал со своей бывшей женой. С этой блеклой ханжой, которая ничего не смогла добиться в этой своей никчемной постной жизни, кроме как строчить сценарии детских праздников и водить хороводы с кучей сопливых детишек на их дурацких утренниках.

— Сволочь! — сипло выдохнула Лиза, дотянулась онемевшей враз рукой до вазы с фруктами и запустила в его широкую спину апельсином. — Ненавижу тебя!

Апельсин угодил Владу аккурат между лопаток. Удар не был сильным, в другое время он бы никак на это не прореагировал, дурашливо начав браниться. Но то было прежде. Сейчас оставлять без внимания ее злобный выпад он был не намерен.

Он поворачивался к ней нарочито медленно. Влад любил нагнетать обстановку, умело сопровождая такие вот драматические моменты искрометными взглядами, негодующим свистящим шепотом или просто недоуменным всплескиванием рук. Прибегал он к этому в крайних случаях. Только тогда, когда был абсолютно и стопроцентно уверен в собственной правоте или всепрощении. Сейчас был как раз

тот самый случай, и Влад решил разыграть его по полной программе.

Медленно повернувшись к ней и сунув руки, мгновенно сжавшиеся в кулаки, в карманы халата, он так же размеренно подошел к столу, за которым она сидела. Не меняя внушительной позы, пододвинул ногой стул и сел на него, прямой, как жердь.

— Что ты сказала только что, дорогая, я не понял? — скулы нервно заходили под гладкой холеной кожей щек. — Я ослышался или ты мне предъявила какие-то обвинения? Не повторишь ли?

В такие моменты он даже начинал ей нравиться. Черт побери! И в самом деле значимая фигура, хоть и ясно, что выпендривается.

Сейчас Владик неторопливо выпростает кулаки из карманов халата. Уложит руки на стол, при этом комично дернет шеей, словно поправит сбившийся с холки хомут. Затем трехминутное разглядывание маникюра. Вот ведь стервец, ни о чем таком не забывает, а у нее вторую неделю ногти омерзительные. И под занавес те же самые вопросы, можно в другой последовательности, с непременным сопровождением тяжелейшего из тяжелых взглядов, которым он собирался ее испепелить. Все это уже было, и ей порядком наскучило. Может, и не наскучило бы, и даже возбудило, не носи она в своем обезображенном брюхе его наследника. Сейчас Лизе Любавской было не до сценических экзерсисов подобного рода. Ее душила ненависть к этому нахлебнику, которого она зачем-то тащит на своей шее который год и с которым все никак не находит сил расстаться, а вот еще и родить надумала.

— Ты спал с ней? — без особого энтузиазма спро-

сила Лиза, поймала его за кисть руки и больно сжала, вонзив в нее ногти.

Влад дернулся и болезненно поморщился. Физической боли он не терпел, моральная ему была неведома. Попытавшись вырвать у жены руку, он лишь сильнее расцарапал кожу.

— Что ты делаешь, идиотка?! — неожиданно озверевшим голосом завопил он, что абсолютно не вязалось с его привычной манерой скучающего альфонса. — Что ты себе позволяешь вообще, я не пойму?! Спал ли я с ней? Конечно, переспал! Причем мы трижды занимались любовью, трижды!!! Что еще тебе хочется узнать? Хороша ли она в постели?

— Думаю, что не очень, — вдруг совершенно спокойным голосом произнесла Лиза и даже ухмыльнулась давно забытой улыбкой: шкодливо-вызывающей.

Раньше это действовало на него безотказно. Стоило ей вот так дернуть губами, как Влад мгновенно начинал расстегивать штаны. Но то было раньше. То было тогда, когда ее талию он легко обхватывал руками и захлебывался от восторга, когда она упиралась в его грудь отвердевшими от желания сосками. Сейчас это не сработало. Владик по-прежнему болезненно морщился и силился выдернуть свою руку из ее цепких когтей. Она не отпускала.

— Слушай, хватит уже! — заорал он и, применив силу, освободился от нее, тут же отодвинулся вместе со стулом подальше от стола и от нее. — Психопатка! Что ты хочешь от меня, Лиза?! Ольга была твоей затеей, не моей. Не так ли?

— Так, — не могла не согласиться Лиза, с ненавистью глядя на упругие завитки волос на его гру-

ди, нахально вылезающие в вырез халата. — Но я не просила тебя с ней спать.

— Да?! — Влад недоуменно заморгал, глядя на Лизу так, словно видел ее впервые. — Во-он как! А за каким фигом ты тогда втиснула меня в это дурацкое директорское кресло?! Тебе сколько это стоило?! Страшно даже представить, какие бабки ты отвалила за то, чтобы я там оказался! И назначения ждал! Сколько прогинался и унижался. За каким чертом, ответь?!

— Так было нужно.

— Кому?! Мне? Ольке? Ей по фигу, кто я, поняла! — Он вдруг вскочил на ноги так стремительно, что зацепился полой халата за спинку стула, повалив его на пол. Но не сделав попытки поднять его, принялся скакать по кухне, драматично заламывая руки и громко выкрикивая: — Ты фиговый сценарист, Лизка! Это полная жопа, а не сценарий!!!

Она была с ним не согласна, потому что до сих пор пребывала в уверенности, что сценарий ее был безукоризненным.

Целью их последней, как они решили для себя, операции была Ольга. Та самая Ольга, от которой он сбежал, чуть не свихнувшись от ее нравственности и целомудрия.

Все, что от него требовалось до сего времени, это вести за ней наблюдение, не давая при этом усомниться коллективу в своей функциональной пригодности. Второе у него получалось великолепно. Когда того требовали обстоятельства, Влад мог быть виртуозно изворотливым. Но вот наблюдение давалось ему с трудом. Постоянные дерганья на ковер к вышестоящему руководству, корпоративные посиделки и прочие профессиональные обязательства

забирали у него массу времени. Он психовал, капризничал, грозился бросить все к чертовой матери. Время шло, а к Ольге он не приблизился ни на шаг.

— Почему мне просто не встретить ее у подъезда ее дома и не поговорить? — возмущался он всякий раз.

— Потому что все должно быть естественно! Без тени сомнения, что все это подстроено. Вся наша затея разыгрывается по схеме: начальник — подчиненная. Так и только так мы сумеем загнать ее в угол. А когда она там окажется, то сделает все. Не только подпишет нужные нам бумаги, она их нам на блюдечке с голубой каемочкой принесет и еще умолять станет, чтобы мы все это из ее рук приняли. Ну, не мы, конечно, а ты...

Ситуация была очень щекотливой и тонкой, но игра стоила свеч, и они рискнули... в который раз.

Лиза почему-то изначально была уверена, что, играя на чувствах Ольги, они никогда ничего не добьются. Та начнет ломаться, вспоминать все прошлые обиды и в лучшем случае пошлет его к черту. О худшем думать не хотелось. Потому и был ею придуман этот умопомрачительный план.

Он руководитель, властвующий и повелевающий. Она подчиненная, хрупкая и безвольная, цепляющаяся за свою работу, потому что больше ничего не имеет и не умеет.

Дальше должно было последовать что?.. Ах, да, совсем запуталась в этой фигне.

Он должен был вызвать ее к себе в кабинет, что сегодня и случилось. Об этом он успел сообщить Лизе по телефону. При этом обставить дело так, что вопрос о ее назначении на другую, более высокооплачиваемую должность все сочли бы вопросом

решенным. Потом ему следовало поручить этой бледной поганке какое-нибудь ответственное задание, заведомо обреченное на провал. Да не просто провал, а с угрозой приговора по какой-нибудь статье Уголовного кодекса. И тогда, загнанная в угол, трепещущая от страха перед разоблачением, Ольга делает все, что они ей диктуют. Выбора у бедняги просто-напросто не оставалось.

Всего и делов-то!!! Все грамотно, профессионально, и, самое главное, ничего личного, и ничего преступного. Все добровольно, пусть немного и принудительно.

Так нет же, этому козлу зачем-то потребовалось все испоганить. Все, чем она жила последние месяцы и чем лечила свои расшатавшиеся нервы.

— Ты хоть понимаешь, что, возможно, швырнул все кобелю под хвост? — наливаясь злобой, прошипела Лиза, снова нацеливаясь на вазу с фруктами. На этот раз ей приглянулся хвостатый ананас. Они оба не любили ананасов, ни она, ни Влад, но всегда клали в вазу для букета. Сейчас он мог ей пригодиться...

— Почему ты так думаешь? — У него даже хватило сил нагло разулыбаться ей в лицо, что снова удивило ее своей новизной и необычностью поведения, даже сумело насторожить. — Что помешает мне ее повысить в должности, а потом подставить, а, Лизок? Секс? Считай его легкой импровизацией. Подумаешь, переспал со своей бывшей женой! Проблема! Мне же нужно было к ней присматриваться, сама же велела. Время уходило, а присмотреться так и не удавалось. Вот случай и представился. К тому же, думаю, что все будет не так просто, как ты думаешь. Она... Она бедна как церковная мышь, Лизок.

— И что с того?

— А то! Думаешь, она за здорово живешь захочет расстаться с тем, что мы хотим у нее забрать?!

— Я так не думаю, придурок! — Лиза презрительно фыркнула, неловко поддерживая живот, выбралась из-за стола и пошла в свою спальню, на ходу приговаривая: — Она не расстанется с этим за здорово живешь, никто так и не думал. Я, во всяком случае, так никогда не думала. Она сделает это во имя спасения своей собственной шкуры, понял?! Она сама должна прибежать к тебе, нет, не прибежать, приползти. И умолять, умолять...

Когда она вот так начинала говорить, Влад ей всегда верил. Было ли в ней что-то от дьявола или от бога, разбираться ему было недосуг. Но в девяносто девяти случаях из ста его Лиза оказывалась права. Ни один ее план не закончился провалом, хотя каждый из них поначалу казался ему чистой воды дешевой авантюрой. Как это он ей сказал десять минут назад: это не сценарий, а полная жопа? Да, так, кажется. Так прямо и сказал, потому что так он говорил ей почти всегда. В канун всех их грандиозных операций Влад отчаянно нервничал, бесился, иногда даже без видимой на то причины. Но потом все шло именно так, как предсказывала Лиза. И чем невероятнее бывал ее план, тем оглушительнее оказывался успех.

— Ни один мент, мой милый глупый Владик, до такого не додумается! Ни один! — хохотала его Лиза, запрокидывая красивую голову. — Он запутается на втором пункте и сочтет, что все это вымысел сумасшедшего. Поверь мне на слово, я знаю, что говорю!..

Она всегда знала и всегда могла предугадать от-

ветный ход или проделать брешь огромных размеров в оборонительной линии противника. Ее бы ум да во благо! Но, видимо, богам было так угодно, что Любавская Лиза стала великим махинатором только что зародившегося тысячелетия. Во всяком случае, Влад ее считал именно таковой. До недавнего времени... До того самого момента, как она решила оставить ребенка. Он просил, умолял, грозил, ничего не помогло. Тогда он смирился и стал ждать... окончания их счастливой любовно-авантюрной истории. Вот-вот, сейчас, еще пара месяцев или, может быть, лет, и все рухнет. Весь их сокрушительный и безнаказанный успех сойдет на нет. А вместе с ним и все блага и средства, которыми они успели обрасти за эти годы.

Влад с брезгливой гримасой смотрел на удаляющуюся спину своей беременной жены и мысленно чертыхнулся. Ну вот кто просил ее?! Кто заставлял превращать себя в кенгуру?! Обрюзгла, растолстела, от былого шарма и красоты не осталось и следа. И это за какие-то четыре-пять месяцев. С ума можно сойти от одного ее внешнего вида, а что уж говорить о претензиях! Она же извела его своими глупостями! То не так он смотрит на нее, то не так смотрит на проходящих мимо женщин, то спать должен ложиться непременно в ее спальне и в ее постели. А он не может с ней спать!!! Не может, черт бы все это побрал!

Лиза на мгновение задержалась у двери, ведущей в ее спальню. Повернула голову и вопросительно вскинула брови. Это могло означать только одно: ты идешь? Он не пошел! Он не мог ничего с собой поделать, как бы ни старался. И дело тут было даже не в Лизе и не в Ольге, из чьей кровати он так

стремительно выскочил час назад. Секс был, да, но не такой оглушительный, как ему того хотелось бы. Все прошло как-то так обыденно, будто и не он исчез несколько лет назад из ее жизни, а кто-то другой. А он — вот он, всегда был и есть рядом. И сегодня привез ее — Ольгу — в своей машине со службы. И они пили чай на ее кухне с ненавистными ему сушками. А потом валялись в ее кровати и говорили обо всем и ни о чем. Ему хотелось взрыва, фейерверка чувств, судорог в сплетенных пальцах, а получил он всего лишь прозаичную постельную сцену уставших за много общих лет друг от друга супругов. В чем дело?..

Этот вопрос занимал Влада всю дорогу, пока он месил дорожную грязь широкими протекторами джипа, добираясь до своего дома.

Он устал от жизни? Нет, это вряд ли. Жизнь он любил. Причем не какую-нибудь, а красивую жизнь. С непременным свежеотжатым соком в высоком тонкостенном стакане по утрам. С парной телятиной и беконом вместо дешевых сосисок и пельменей из пачек. С обязательными выездами в свет, где мужчины щеголяют во фраках, а женщины слепят глаза бриллиантами. Нет, от жизни он не устал, это точно. Тогда что с ним происходит? Что засело занозой в сердце в тот самый момент, когда он мял пальцами засахарившийся от времени финик, сидя на шаткой табуретке в Ольгиной кухне? О чем-то он подумал тогда? О чем-то важном. Мысль о том, что Ольга его использует в каких-то своих скрытых интересах, посещала его в тот момент, но быстро отпустила. И была, точно, была какая-то еще, так же быстро ускользнувшая, но много важнее той, предыдущей. Что же это было?! Она, только она не давала ему по-

коя потом, сбивая со сладостного ритма в постели, и мешала, и злила...

Влад все так же стоял посреди кухни, когда дверь в спальню Лизы с грохотом отлетела в сторону, ударившись о стену. Его жена, к тому времени уже успевшая переодеться в широченную ночную сорочку с водопадом кружев на ее огромной груди и по подолу, медленно, как привидение, двинулась в его сторону. Взгляд у нее при этом был безумный, а рот перекошен в дикой злобе. Это была именно злоба, а не физическая боль, о чем он поначалу, струхнув, подумал. Рожать ей было еще рано. Лиза была именно в ярости.

— Только попробуй, сволочь!!! — свистящим шепотом проговорила она, не доходя до него и останавливаясь в полуметре от того места, где Влад продолжал вгрызаться в свои мысли, пытаясь найти единственно важную и нужную. — Только попробуй, сволочь, кинуть меня!!! Я же вижу по твоей роже... Я сразу догадалась: что-то тут не так... Тебе не было нужды спать со своей анемичной Олькой! Никакой нужды не было! А ты взял и переспал с ней... И что теперь?

— Что? — с интересом переспросил Влад, глядя прямо в ее перекошенный от бешенства рот. Глядишь, его умная женушка и сумеет разобраться в истинной причине его необъяснимого беспокойства и все расставит по своим местам.

— Ты теперь решил, что можешь соскочить, да?! — Лиза вдруг ринулась прямо на него, с силой вцепилась в его волосы и принялась трепать его, брызжа слюной прямо в лицо: — Я теперь тебе не нужна буду, так?! Так, мразь, отвечай?! Ты что-то

ведь задумал! Я не могу ошибиться! Я никогда не ошибаюсь! Никогда!!!

Он мог бы возразить, сказав ей, что всегда что-то случается впервые. И на старуху бывает проруха или что-то подобное из той же серии. Но Влад потрясенно молчал, безропотно позволяя ей таскать себя за волосы.

Нет, Лизка все же шедевр генетики, а не человек! Надо же, как она... Ведь с лета уловила, все переосмыслила и тут же все поняла. Он сам про себя ничего не понял, а она мгновенно. Пусть не совсем так, но времени с того момента, как она скрылась за дверью своей спальни, прошло всего ничего, минут десять.

— Ты ведь не посмеешь, так?!

Она вдруг обессиленно уронила руки вдоль туловища, потом обняла себя и поежилась, словно ее бил озноб. На Влада она больше не смотрела. Не потому, что не хотела больше его видеть, а потому, что боялась уловить в его лживых глазах подтверждение собственным подозрениям.

Ему бы следовало, конечно, обнять ее. Прижать к себе или хотя бы накрыть ее вздрагивающие плечи чем-нибудь, но он не решился. Будет только хуже. Она ни за что не поверит в его заботу и внимание.

Влад еще какое-то время с жалостью глядел на жену, во всяком случае, старался, чтобы его взгляд выражал именно жалость, а не что-нибудь еще, ликование, например. Потом перевел взгляд на свои пальцы, они заметно подрагивали. Поднял руки к своей голове и осторожно коснулся своей шевелюры. Кажется, не пострадала, хотя кожа головы горела, будто на нее плеснули горячим маслом. Истеричка! Истеричка и психопатка! Однако умна... Слов нет, умна...

Он стоит и ломает голову, а у нее уже ответ готов.

Как это она сказала: соскочить?! Именно соскочить, Лизок! Именно! На кой ляд ты теперь нужна?! Надобность в тебе отпала в тот самый момент, когда он понял, что будущее за Ольгой. Милой, умненькой и чистенькой. Чистенькой во всем. От мыслей до заношенного халата с отпоровшимся карманом.

Зачем ему теперь Лиза?! Генератор идей, твою мать! Ну, пусть генератор, пусть, но все должно когда-нибудь закончиться. Их отношения не исключение. Они закончились давно, в тот день, когда она заявила, что хочет оставить ребенка. С того момента и до дня, вернее, ночи сегодняшней он все мучился, все метался в поисках истины. А она, оказывается, на поверхности. Она так проста — формула его истины. Ему не нужна Лиза с ее преступным мировоззрением, с массой диких идей в голове, трезвой холодностью в сердце и нежеланным ребенком в брюхе.

Ему нужна Ольга! Интеллигентная, образованная, привлекательная и без пяти минут... миллионерша. Пусть только кто-нибудь посмеет сказать ему, что все дело как раз в этих самых ее миллионах, пусть только попробует. Это не так! И он только сегодня, кажется, созрел для того, чтобы это понять и утвердиться в этой мысли окончательно. В тот самый момент, когда разминал в пальцах тот злополучный финик. Когда смотрел невидящим взглядом на злосчастные сушки и отхлебывал пахнущий полынью чай. Ее тонкие изящные пальцы, которые даже в жару оставались холодными, порхали над столом и все сбивали его с толку. Потом ее пальцы нежно гладили его кожу и снова сбивали с толку. Ни нежности ее, ни заботы не хватило на то, чтобы он

прозрел. А вот Лизкина необузданная ярость мгновенно привела его в чувство.

Ольга и только Ольга! Как это она сказала так умно?.. Дескать, достигнув того, к чему стремился, он не обрел того, чего желал?! Именно!!! Именно, умненькая ты моя, чистенькая Оленька! Желал он совсем не того, к чему стремился. Совсем не того! Но теперь все, все будет по-другому. Теперь у него снова есть Ольга. А уж она-то вмиг разберется, к чему и какими путями ему надо стремиться. А Лизка пусть идет к черту!!! Три ха-ха!!! Пусть плодится и размножается. Того состояния, что они успели сколотить, на десять его отпрысков хватит. Пусть пользуется, он не жадный. Ему хватит того, что преподнесет ему его Оленька в качестве приданого. А она преподнесет, Любавский был в этом уверен.

Существовала, правда, одна проблема, которая могла стать небольшой заминкой на пути к их общему совместному счастью, которое он не сумел оценить несколько лет назад. Тот парень в подземном гараже... Он мог стать проблемой, но... ведь не его же проблемой, а Олькиной. А она со всем разберется. Ну, а уж когда разберется, тогда и его время придет. Он терпеливый, он подождет...

ГЛАВА 5

Дом, где жила Ольгина подруга Ксюша, стоял в окружении старых-престарых лип, которые в ветреные дни переплетались обезображенными временем ветвями и надсадно скрипели вековыми ство-

лами, упакованными в изъеденную насекомыми кору, словно в проржавевшие латы.

Ксюша липы эти не любила. Солнца в ее окна не пропускали. В ненастье стучали артрозными сучьями по окнам, норовя разбить хрупкое стекло. И пусть сегодняшним утром ничто это самое ненастье не предвещало, Ксюша тем не менее взирала на деревья с неудовольствием.

— Насажал дурак какой-то, — буркнула она, поздоровавшись с Ольгой и хмуро оглядывая липовые насаждения. — Сырость от них одна. Теперь вот листву сгребай из-под окон.

Листвы под окнами уже не было. Грянули морозы, которые в один миг сдирали с деревьев их тревожно перешептывающееся убранство. Листья давно сгребли, но Ксюша все равно брюзжала. Так сказать, напоследок...

— Привет, Леля, — солидно поприветствовал Ольгу Михаил и тут же сунул ей в руку свою лодочкой сложенную ладошку. — Ты не на машине? Опять сломалась? Идем пешком, пошуршим...

Оставив замечание «не на машине» без комментариев, тем более что Ксюша не обратила на это никакого внимания, Ольга тяжело вздохнула. Пошуршать на Мишкином языке значило идти пешком, а не ехать на автобусе, останавливаться у каждой кучи листьев, сметенной с тротуаров дворниками, с разбегу впрыгивать в самую серединку кучи и отчаянно болтать там ногами, заставляя листья вспыхивать потускневшим золотом и шуршать прибойной волной. А это... а это, как правило, грозило ей опозданием.

— Ты чего это сама его вывела? — спросила Ольга у недовольной подруги, успев улыбнуться и со-

гласно кивнуть Михаилу, который задрал подбородок в ожидании ее ответа. — Что-то случилось?

Ксюша снова недовольно покосилась на деревья, словно они и только они были виноваты в ее утреннем плохом настроении. Потом шмыгнула точеным носиком и мгновенно севшим голосов произнесла:

— Чего я там забыла, дома? Мы встали пораньше с Миханом, позавтракали, оделись — и на улицу, тебя дожидаться. Зачем нам слушать чужой храп, да, сынок? Чужой храп, в этой гребаной квартире...

Ольга мысленно ахнула и от дальнейших расспросов воздержалась. Спрашивать нужды не было. Все и так ясно: среди ночи явился муж и отец. Явился после почти полуторамесячного отсутствия. В карманах его при этом должен был гулять ветер. Состояние гардероба должно было оцениваться как плачевное. А уровень амбиций и претензий к жизни, Ксюше и народной власти непомерно высоким.

Именно поэтому Ксюша выскочила на улицу с сыном задолго до ее появления. Стояла, переминаясь латаными сапогами в луже у подъезда, и хмуро оценивала состояние всех своих дел на сегодня. Сапоги ее наверняка к этому времени успели промокнуть, ноги озябнуть, а сердце заледенеть в предчувствии «веселого» семейного ужина.

— Как всегда? — с сочувствием спросила Ольга и погладила Ксюшину яркую куртку в районе плеча.

— Нет, ты знаешь, — ошарашила та ее неожиданным заявлением: — Трезв, культурен, симпатичен. В совершенно новом прикиде. Хотя, может, и не новый, но мне так спросонья показалось. Явился ближе к пяти утра. С гостинцами, которыми завалил весь кухонный стол. И с непомерным желанием

утвердить себя в потерянной роли любящего мужа и отца... У-у, сволочь! Ненавижу!

Маленький Мишка вскинул на мать недоуменный взгляд. Тут же понял, что она не шутит и не разделяет его восторгов по поводу папиных подарков. Насупленно свел крохотные светлые бровки домиком и, подхватив с земли обломившийся липовый прутик, принялся с ожесточением ворочать им в самом сердце грязной лужи.

— Мишка, перестань сейчас же, обрызгаешься! — раздраженно воскликнула Ксюша и сильно дернула сына за руку, пытаясь оттащить от лужи. — Такой же упрямый, стервец, как и папаша! Пошли, что ли, Оль, провожу вас немного, время еще есть...

Стиснув озябшие ладошки Михаила в своих руках, подруги медленно пошли со двора. Какое-то время они шли молча, вслушиваясь лишь в звуки проснувшегося города.

Повизгивали сигнализации на автомобильных стоянках. Хлопали двери подъездов. С нарастающим гулом трогались автобусы с остановки. Дворники с громким улюлюканьем гоняли от мусорных бачков стаи собак. К соседней булочной подкатила хлебовозка, тут же загремев и залязгав открывающимися дверями и выпуская на волю аромат горячего, только что вынырнувшего из печи хлеба. Все, как всегда. За исключением одного... Муж Ксюши не должен был вернуться трезвым и уж тем более с подарками и претензиями.

— Что произошло, как думаешь? — спросила Ольга, раз и два покосившись на подругу и так и не дождавшись от нее никаких объяснений. — Может, он того... за ум взялся?

— Ага! Взялся! За что-нибудь, может, и взялся. Только ума там отродясь не было, поэтому за него он взяться не мог ни при каком раскладе, Оль. — Ксюша прошла чуть дальше автобусной остановки, минуя утреннюю толпу, переминавшуюся в ожидании городского транспорта. Остановилась с подветренной стороны, подняла воротник куртки, зябко дернула плечами и пробормотала отрешенно: — Ненавижу эту слякоть... Ты знаешь, я сначала опешила, увидев его таким. Подумала, может, у него кто-нибудь появился. Ну, ты понимаешь, что я имею в виду.

Ольга лишь молча кивнула и тут же сморщила носик. В голове как-то не укладывалось, что кто-то мог клюнуть на Ксюшиного Лешку. Полтора месяца назад, перед тем как исчезнуть из квартиры вместе с Ксюшиной зарплатой и Мишкиным детским пособием, он производил впечатление особи, переступившей финальную черту человеческой деградации. И тут вдруг такие метаморфозы...

— Потом я поняла, что что-то не так, — продолжила Ксюша после паузы, все глубже зарываясь в болоньевый шуршащий воротник. — Он бы не стал тогда ко мне приставать прямо с порога, а тут прямо с маниакальной настойчивостью... Мне пришлось ему даже по физиономии съездить, чтобы отстал.

— А он?! — Ольга испуганно заморгала. Трогать Лешку было нельзя. Трогать его было смерти подобно. Он не прощал даже косого Ксюшиного взгляда, не то что рукоприкладства.

— А он ничего, представляешь!!! — зашипела Ксюша, округлив и без того большущие глаза. — Улыбнулся. Щеку потер и говорит: я тебя понимаю, дорогая...

— Дорогая??? Так прямо и сказал???

Можно было бы шлепнуться сейчас в лужу, Ольга и шлепнулась бы непременно, настолько велико было ее изумление. Но памятуя о том, что далее ей надлежало быть на работе, где никакая неопрятность в одежде не проходила незамеченной, на ногах она устояла.

— Ксюш, он же таких слов не знает! — таким же зловещим шепотом, что и подруга, прошипела Ольга, стиснув Мишкину ладошку с такой силой, что он захныкал. — Прости, малыш, я не рассчитала... Дорогая! Ксюша, здесь точно что-то не так. Слушай, а может, это не он?!

— Ага! Клон Лехин ко мне явился под утро, чтобы прожить со мной долго и счастливо и сдохнуть потом в один день! — фыркнула Ксюша и, углядев вынырнувший из-за поворота двадцатый номер автобуса, засуетилась. — Ладно, Оль, я это... Наверное, у тебя сегодня переночую. Не хочу я домой. Страшно мне с ним встречаться на одной территории. Ночь была просто кошмарной! Сначала твой звонок меня разбудил, потом этот клонированный идиот явился. Как отработаю, не знаю!..

Ксюша мазнула губами по Мишкиной щеке, потом приложилась к Ольгиной. И тут же побежала, застучав стоптанными почти вдрызг набойками сапог, к остановке. Повиснув на нижней ступеньке автобуса, она поспешно обернулась и крикнула в их сторону:

— Мишку я заберу. Заскочим домой за вещами, а потом к тебе, но я позвоню предварительно. Пока!

Ксюша уехала в свою поликлинику, где пятый год работала медицинской сестрой, не считая полутора лет, которые просидела дома с маленьким Мишкой.

— Мама сердится, — неожиданно заявил сын ее подруги и поднял на Ольгу совсем не по-детски опечаленные глаза. — А папа не пьяный, почему мама сердится?

Потому что мама боится любых перемен в твоем папе, дорогой, хотела было сказать Ольга, но передумала. Он был еще слишком мал, чтобы что-то понять. Они и сами ничего не поняли, а куда уж ему.

— Идем, а то Лариска с Валеркой снова выпьют твой кисель, — улыбнулась ему Ольга умильной улыбкой, малыша своей подруги она обожала. — Идем.

Какое-то время они шли молча. Ольга внимательно следила за тем, чтобы Мишка не черпнул воды в ставшие ему короткими сапожки. Сам же он о чем-то напряженно размышлял. Не иначе ищет кучу листьев, решила Ольга, оглядываясь по сторонам. Как назло, ни одной не попадалось.

— Ты чего это пригорюнился, малыш? — не выдержав, она присела перед ним на корточки и с удовольствием потрепала пухлые щечки. — Пошуршать мы с тобой еще успеем. Смотри сколько листьев еще на дорожках. Скоро их все сгребут, мы соберемся и пойдем с тобой в парк и вот там...

Мишкины кристально чистые глаза кристально чистого бирюзового оттенка вдруг наполнились слезами. Пухлые губы задрожали и поползли куда-то вбок. Он выхватил из рук Ольги свои ладошки и с силой прижал их к лицу.

— Папа принес конфетков, колбасы и пряников, — жалобно пискнул он из-под ладошек и вполне отчетливо всхлипнул. — А мама сердится! Почему, Леля?! Папа меня целовал и говорил, что все

будет хорошо, а мама сердится! Она его гонит, а я не хочу! Я хочу с папой! Он теперь хороший!

Ольга готова была разреветься вместе с ним. Упасть теперь уже на колени прямо в мокрые осклизлые листья, местами устилающие тротуар, и реветь беспомощными бесполезными слезами.

Детское горе было много ощутимее и сильнее взрослого. Его было не объять и не вымерить. Оно больно жалило в самое сердце и заставляло ощущать себя безжалостным и грубым.

Как??? Как объяснить ему, что его мама не сердится. Мама просто очень боится. Боится любых перемен в его папе, который ни разу за совместно прожитые годы не потрудился сделать свою семью счастливой. Какие нужно знать слова и как суметь сложить их в предложения, чтобы объяснить плачущему малышу эту дикую правду.

Ольга проглотила горький спазм, сдавивший ей горло. Погладила Мишку по пушистой шапке, надвинутой на самые глаза, и тихо попросила:

— Ты не плачь, Мишуня. Я... мы все тебя так сильно любим, что...

И тут Мишка отмочил такое, что Ольга все же тюкнулась об асфальт правой коленкой. Тюкнулась и тут же почувствовала, как неприятной влагой пропитались ее колготки. Но на это она почти не обратила внимания. Даже недовольная гримаса ее начальника Евгения Евгеньевича, могущего заметить беспорядок в ее одежде, не занимала ее в данный момент. Куда серьезнее сейчас оказалась прямая угроза их общему существованию, прозвучавшая в словах малыша.

— Что ты сказал, что тебе показал папа?! — прошептала она помертвевшими от страха губами.

— Пистолет! — с гордостью произнес Мишка, и слезы его вмиг растворились в кристально чистой бирюзе его глаз, словно у него имелся какой-то сообщающийся сосуд, способный очень быстро осушать его горе. — У папки есть настоящий пистолет!!! Он теперь сильный, и он нас спасет!

— От кого? — Ольге казалось, что она постепенно начинает сходить с ума. — От кого спасет? Он тебе так и сказал?

— Не-а, — Мишка улыбнулся, обозначив на пухлых щеках две совершенно очаровательные ямочки. — Он просто показал и сказал, что теперь мы будем как это... как это... как люди!!!

Это было вполне в духе бесподобного придурка Лешки. И это уже, по ее разумению, никак на недоразумение не тянуло. Это пахло бедой. Причем таких масштабов, что никакие разборки и анализы помочь не способны.

Где он сумел взять пистолет?! Кого-то убил?! Ограбил?! Или убил, а потом ограбил?! Знает ли Ксюха про пистолет? Скорее всего, нет. Иначе сказала бы ей непременно. Что все это может означать, черт бы все побрал на этом свете??? Так, так, так... Ей нужно что-то срочно предпринять. Сначала подумать, а потом предпринять. И обязательно дозвониться Ксюшке. Ее нужно предупредить. Она сказала, что заберет Мишку из сада, потом заедет домой за вещами, а потом уже к ней. Ей нельзя домой! Неизвестно, какую личину принял ее Лешка на этот раз. Неизвестно, с какой целью заявился домой с подарками и пистолетом.

Жить как люди! Что он мог знать о жизни нормальных людей, это чудовище безобразное, отребье помоечное!!! Превратившее жизнь ее подруги и их

общего ребенка в бесконечный непрекращающийся кошмар...

— Идем, Мишуня! — Ольга решительно поднялась и быстрым шагом, заставляя ребенка почти бежать рядом с ней, пошла в сторону детского сада.

Нужно было спешить. Спешить, как никогда в этой жизни. Найти Ксюшу, предупредить. И попросить помощи у... Саши.

Пускай они поругались. Пускай здоровались сквозь зубы, изредка сталкиваясь на улице. Но это всего лишь фарс. Игра в гордость, так, кажется, он ей сказал на прощание, оставляя свои тапки огромного размера под ее вешалкой. Не забрал ведь, хотя и мог. Наверняка надеялся, что еще сможет все вернуть. Она вот так не думала. Совсем не думала до теперешнего момента. Минувшая ночь так вообще все перевернула в ее душе, заставив забыть о его существовании вовсе. Теперь же... Теперь она понимала, что если ей не поможет Саша, то не поможет уже никто.

ГЛАВА 6

Евгений Евгеньевич стоял перед Любавским навытяжку и согласно кивал головой. Усердно тюкал себя подбородком в грудь и, из боязни был уличенным в несогласии с мнением вышестоящего начальства, не поднимал на него глаз. Лишь в одном месте он посмел дерзновенно прервать пафосную речь Любавского и задать один-единственный вопрос:

— А... а куда мы поместим ее стол, Владислав Иванович?

— Куда хотите! К себе в кабинет, например, поставьте. Места там предостаточно. Одному человеку даже несколько просторновато. Ну, а если вам покажется тесно, то можете писать заявление на увольнение. — Любавского просто распирало от представившейся возможности повластвовать.

Он видел, как мерзкая чиновничья душа Евгения Евгеньевича изнывает от подобострастия. Видел, как тот душит в себе желание заорать в полный голос от ненависти и невозможности ничего изменить. Видел все это и наслаждался. Причем наслаждался не только от сознания собственной значимости, а оттого, что теперь у Ольги, кажется, появился кровный враг, который при случае может взвалить на себя все самые плохие подозрения.

Что ему Лизка с ее грандиозными планами! Он и сам не дурак. Он все сделает для того, чтобы вновь быть с Ольгой вместе. Все!

— Я могу идти? — вяло шевельнув губами, поинтересовался Евгений Евгеньевич.

— Да, да, конечно. Все сделайте, как я велел, — обронил Любавский вроде как задумчиво в спину уходящего по мягкому ковру Жеки. — И пришлите ко мне Шустикову.

И вот тут Евгений Евгеньевич его удивил. Он резко притормозил. Любавский мог поклясться, что видел, как замерла в воздухе занесенная для очередного шага его нога. Потом, крутнувшись волчком, повернулся к нему и, не скрывая откровенной радости, произнес:

— А Шустиковой все еще нет на работе!

— Как нет? — Влад мгновенно озадачился. — Что за причина?

— Не знаю! — продолжал ликовать Евгений Евгеньевич. — Уже половина одиннадцатого, а ее все нет!

Весь его вид выражал искреннее недоумение по поводу ее отсутствия и, как следствие, по поводу нового назначения Шустиковой. Это же надо, что удумали: перевести ее в его заместители! Кого?! Шустикову?! Да она тут без году неделя работает! Пусть исполнительная, пусть старательная, пусть все у нее получается, но это не повод. А тут еще это опоздание!..

— Она не звонила? — вдруг спросил у него Любавский, чем снова удивил.

Чего вдруг надумал с этой Шустиковой возиться, непонятно. Личного интереса не может быть никакого. По слухам: жена красавица, должен вот-вот ребенок появиться. Что тогда? Уж не под него ли самого копают?! Надо быть поосторожнее. А то, глядишь, не успеешь оглянуться, как Шустикова из заместителей и на его место впрыгнет. Вот дрянь скрытная!..

— Нет, не звонила, — подобострастно склонил голову к левому плечу Евгений Евгеньевич. — Ни мне, ни сотрудникам. Верочка все утро на телефоне. Звонков не поступало.

— Ладно, ступайте уже! — обозлилось непонятно с чего начальство, потом, очевидно, осознав допущенную бестактность, чуть мягче добавило: — Как только Шустикова соизволит явиться на работу, пришлите ее ко мне!

Евгений Евгеньевич вышел из кабинета, неслышно прикрыв за собой дверь. Приветливо кивнул настороженно следившей за ним глазами секретарше

и почти на цыпочках вышел из приемной. В лифте он не поехал, предпочел спуститься по лестнице. Нельзя, чтобы его видели с трясущимися от ненависти губами, с растрепанным узлом галстука и расстегнутым воротом рубашки. Народ — он сообразительный, сразу смекнет: что-то произошло за дубовыми двойными дверями генерального директора. А виду подавать было нельзя. Никак нельзя! Народец, почувствовав слабину, тут же сядет на шею. Ни-ког-да!!! Он и только он руководитель их отдела. А Шустикова с ее блеклой, словно застиранный лоскут, физиономией пускай катится ко всем чертям! Что она о себе возомнила, в конце концов?! Какой из нее заместитель?! Его заместитель?! Пускай водит хороводы и песни распевает, вот это у нее очень хорошо получается. А подсиживать себя он ей никогда не позволит. И найдет способ подставить ее так, что ей вовек не очиститься! Он уже бросил в этом направлении пробный шар, сказав, что она не звонила. Ольга позвонила. Она долго лопотала что-то бессвязное, потом, оборвав свою трескотню, попросила отгул на полдня и повесила трубку. Но не докладывать же об этом Любавскому! Еще чего! Он будет гадить этой бледнолицей Ольге при каждом удобном случае. Он ее под монастырь подведет. Да что там под монастырь, под статью!!! Эта бледная поганка пожалеет о том, что захотела быть впереди планеты всей. Пожалеет и зальется горючими слезами...

Если бы Любавский сейчас знал о подлых мыслишках Евгения Евгеньевича, если бы только мог догадываться, то не стал бы в бешенстве метаться по кабинету и разбрасывать по столу папки с документами. Он бы расхохотался демоническим смехом, воздав хвалу интуиции своей теперешней

жены Елизаветы, и со спокойной душой отбыл бы на обед. Но он не мог об этом знать. Как не мог знать и о том, что никогда так близко не подходил к осуществлению своих грандиозных замыслов. Все, что он знал, так это то, что Ольга не явилась на работу сегодняшним утром. Не явилась и не звонила.

Что это могло значить?! С ней что-то случилось? Как назло, из головы не выходило вчерашнее происшествие в подземном гараже. А вдруг ее убили после его ухода?! Вдруг она и в самом деле замешана в чем-то криминальном?! Что тогда?! Пошел козлу под хвост весь его план?! О том, что план был у них с Лизой на двоих, он уже и не вспоминал.

Любавский пнул попавшийся ему на пути стул и подошел к окну. Пальцы сами собой взгромоздились на подоконник и тут же принялись отбивать чечетку. Дурацкая привычка, да уж какая есть...

Влад хмуро оглядел территорию, прилегающую к их управлению. Две аллеи пирамидальных тополей по левую и правую сторону обрывались широким лобным местом, вымощенным булыжником. Несколько тяжелых каменных скамеек, крохотный изящный фонтанчик в центре пяти ромбовидных клумб. Какие-то дурацкие статуи, которые им всучили мастера ландшафта за бешеные деньги. Крутые ступени, высоко вздымающиеся аж до второго этажа их центра культуры. Сколько денег!!! Сколько денег стонущего под игом налогообложения обывателя угроблено здесь!!! А кому все это надо?! Кому?! Занимаются ведь черт знает чем! Влад никогда бы и представить себе не мог, что этой ерундой можно заниматься всерьез и получать при этом приличную зарплату...

Едущие по проспекту машины футболили сол-

нечные зайчики ветровыми стеклами, отбрасывали слепящие сполохи на окна домов. Погода, кажется, налаживается. Хоть бы еще постояла недельку-другую. Грязное чавкающее месиво под ногами и нудно моросящий мелкий дождь всегда нагоняли на него такую тоску, что хотелось выть и крушить все подряд. Солнце — это уже что-то. Какой-то стимул для радужного настроения. И листва, не успевшая облететь, не кажется безнадежно проржавевшей старой кольчугой, а вроде даже и золотом отсвечивает. И воздух, пропитанный влагой, вдруг наполняется свежестью. Нет, солнце — это классно. Вдохновляет и настраивает на позитив. К тому же... кажется, из только что подъехавшей «Волги» выбралась Ольга и, суетливо поправляя юбку, заспешила к крутым ступенькам управления.

Проспала! Вдруг прозрел Любавский и заулыбался ей навстречу, словно она могла видеть его и ответить ему тем же.

Конечно, она проспала! Ушел он от нее в третьем часу, плюс-минус полчаса. Пока она промучилась в мыслях, пока обнимала и гладила подушку, на которой он возлежал... Что обнимала и гладила, Влад не сомневался. Пока считала до бесконечности, еще могло пройти час или два. Вот и ответ на вопрос. И напрасно тут перед ним Евгений Евгеньевич комедию ломал, пытаясь изобразить недоумевающее сочувствие. Ну да, ему простить можно. Он же не мог знать, что Ольга когда-то была его законной женой. Пусть недолго, но была. И уж конечно, он не мог даже догадываться, что Влад сегодняшней ночью переспал со своей подчиненной...

Он все еще продолжал улыбаться спешащей на работу Ольге и не сразу обратил внимание на то, что

«Волга», которую он поначалу принял за такси, не уезжает. Насторожился он лишь в тот момент, когда дверца водителя открылась, и из машины выбрался мужчина. Из окна не было видно, молод он или нет, хорош собой или урод. Но его внезапное появление остановило спешащую на работу Ольгу и, несомненно, привлекло ее внимание.

Мужчина ее явно окликнул, потому что его бывшая жена остановилась так внезапно, будто наткнулась на неожиданно возникшую на пути преграду. Полуобернулась и что-то сказала. Это Влад понял по безмолвному шевелению ее губ. Потом помахала мужчине рукой и теперь уже пошла к входу в здание, не оборачиваясь. Водитель «Волги», кем бы он ни был: другом, братом, сватом или просто таксистом, широко и призывно улыбался Ольге в спину. Потом, словно спохватившись, сел на свое место и укатил.

Влад потрясенно застыл у окна.

Проспала, значит... Только вот вопрос: с кем она проспала?! Уж не с тем ли услужливым таксистом, что привез ее на работу? Кто такой, черт возьми?! Как... как он вообще посмел появляться с ней рядом, когда у него на Ольгу такие далеко идущие личные планы! Тут снова некстати вспомнились тапки, в которых он вчерашним вечером намеренно громко шаркал по Ольгиной квартирке. Не его ли?! Наверняка...

Любавский с силой оттолкнулся от подоконника. Пружинящим шагом дошел до дверей и, выглянув в приемную, без тени улыбки приказал секретарше:

— Шустикову ко мне, и быстрее!..

Ольга зашла в их с Верой кабинет и потрясенно застыла у входа.

— А-а! А где мой стол?!

Она покрутила головой в надежде обнаружить стол переставленным в какое-нибудь другое место, но его точно не было и быть не могло. Все помещение прекрасно просматривалось от входа, а прятать стол в стенном шкафу ни у кого бы фантазии не хватило.

— Вера, ты что-нибудь понимаешь?! — Ольга перевела взгляд на коллегу, насупленно перебирающую какие-то бумаги. — Объяснишь, нет?

— А чего тут объяснять, все и так понятно! — фыркнула та громко и с ненавистью, с которой не сумела справиться, воззрилась на Ольгу. — Перепутали ее, понимаешь! Чего ты мне тут вчера заливала?! Я так и знала, что будут проблемы! Так я и знала!!! Я же больше тебя здесь работаю, а вот поди же ты!..

— Ты о чем? — Ольга непонимающе покосилась на стеклянную перегородку, от нее только что отпрянула какая-то тень.

Не иначе Евгений Евгеньевич отслеживал момент ее возвращения и теперь готовится сделать ей внушение на предмет неурочного появления на работе. Так она же звонила ему и отпросилась. Он отнесся к ее просьбе с должным пониманием и... все же, где ее стол?

— Шустикова, зайди, — проскрипел ей в спину начальник.

Ольга стянула с себя куртку, пристроила ее в шкафу на чужих плечиках, собственные таким же странным манером, что и стол, исчезли. Пригладила волосы перед зеркалом. Одернула свитер, поправила юбку и лишь потом направилась на зов руководства, не терпящего лишних складок и заломов на одежде.

— Добрый день, Евгений Евгеньевич! — поприветствовала его Ольга, переступая порог его аквариума, в котором он томился целыми днями, как огромный одуревший от безделья сом.

— Ага, здравствуй, Шустикова, еще раз, — Евгений Евгеньевич развел губы в улыбке, хотя глаза смотрели настороженно и холодно. — Проходи и усаживайся на свое место.

Вот только тут Ольга рассмотрела наконец в крохотной нише у окна, образованной недостроенным шкафом и подоконником, свой злосчастный стол, который исчез из их с Верой комнаты. И стол, и компьютер на нем, и светильник. Все было привычным и своим, кроме места, где все это обосновалось.

— Евгений Евгеньевич! — непривычным повышенным тоном обратилась к начальству Ольга, тут же попеняла себе за смелость и чуть тише продолжила: — Евгений Евгеньевич, как это понимать?! Почему мои вещи здесь?!

— Ладно тебе, Шустикова, дурочку тут передо мной ломать. — Его разведенные в улыбке губы странным образом съехали влево. — Знала ведь о повышении! Еще вчера знала, а ничего не сказала! Что же ты так, Шустикова?! Разве же так можно?!

Повышении?! В который раз за сегодняшний день ноги отказывались ее держать. Значит, все же — повышение!!! Ай да Владик! Ай да молодец! Повысили в должности, стало быть!

Ей бы радоваться и ликовать, о таком даже мечтать было страшно.

Не ей одной было известно, что штатную единицу заместителя начальника их отдела не так давно сократили, а вместе с ней и добрую половину сотрудников. И тут вдруг... ее вновь вводят, эту самую еди-

ницу. И назначение получает не кто-нибудь, а именно она, Ольга! Что это могло значить? Это могло значить очень многое. Это и прибавка к зарплате, и дополнительные дни к отпуску, и привилегированное премирование, и еще куча всяких мелких и не очень преимуществ.

Ей бы радоваться и ликовать, только Ольга вдруг испугалась.

Неспроста, ох неспроста все это затеял Владик. Что же все-таки ему от нее нужно?! Что-то же ведь нужно, не стал бы он огород городить ради сомнительного удовольствия их вчерашнего стремительного секса. О любви тоже речи не шло. Это поначалу она думала, что он способен на искреннее сильное чувство. Но потом поняла, что если это самое чувство и имеет право на существование в его душе, то оно направлено только на него самого. Никого Попов Владислав Иванович не любил в этой жизни с такой же силой и самоотречением, как себя драгоценного...

Застыв в изумлении посреди кабинета своего непосредственного начальника, Ольга пыталась понять, что происходит, но объяснения не находилось.

Все вроде бы просто на первый взгляд...

Их пути с Владиком неожиданно снова пересеклись. Он растерян и подавлен этой встречей. Находит какой-то дикий способ затащить ее к себе в машину, отключив ее ударом по шее в их подземном гараже. Но это ее почти не удивило, он всегда любил совершать неординарные поступки. Потом они занимаются любовью, говорят, спорят, расстаются абсолютно недовольными друг другом... Он, возможно, испытывает чувство неловкости, а может быть, и стыда за то, что так подло обходится с нею. И вот утром он решает хоть как-то компенсировать свою

подлость... повысив ее в должности. Тем более что вчера она неоднократно намекала, что от прибавки к жалованью не откажется. Что просила, то и получила! Вроде бы так. На первый взгляд. Но ведь это только на первый!..

Ольга знала, что так не бывает! Не бывает таких случайных пересечений в этой жизни, а уж в ее жизни тем более. Ее жизнь полна недоразумений, Владик не стал исключением. А если он посодействовал тому, чтобы ее перевели из районного отдела культуры в их управление? Перевели... Затем следует вызов к нему в кабинет, где он начинает давить ей на психику, озвучивая свои пламенные чувства к своей жене и еще не рожденному ребенку. Зачем он это делает? Пытается дать ей понять, чтобы она не питала никаких надежд на его счет? Так она и не собиралась... Ну, подумаешь, понравился он ей в своем новом обличье. Ему-то об этом неведомо. Или он догадался? Или расчет на это и был?

Ох, Владик, Владик... Что же ты опять затеял? Какую цель преследуешь? Ведь брякнул что-то такое, уходя, а уточнять не стал. Что за всем этим кроется?

— Шустикова! — вклинился в ее разбредшиеся овечьей отарой мысли голос Евгения Евгеньевича. — Ты чего встала-то?! Проходи, присаживайся. Ты ведь теперь вроде как тоже хозяйка этого кабинета.

Хозяйка?! Какая, к черту, хозяйка?! Она даже собственной жизнью не может распоряжаться по своему усмотрению. Вернее, распоряжалась до недавнего времени. До тех самых пор, пока ей как снег на голову не свалился почивший несколько лет назад ее супруг. А стоило ему появиться, и все тут же пошло наперекосяк.

А ведь было время, когда она разыскивала его! Да как разыскивала! А он вот сам нашелся и снова начал что-то такое вытворять, что понять никак невозможно.

Ольга вдруг поняла, что довольно странно выглядит с вытаращенными от изумления глазами посреди кабинета своего начальника. Интересно, сколько времени она так простояла? Пять минут, десять? А может, и всего-то ничего, а так показалось. Да, денек сегодня, однако...

То Лешка Ксюшин со своим пистолетом, то Влад со своим назначением, то Саша со своими претензиями. Хотя... Хотя во многом тот, конечно же, прав. Какому мужику понравится, что его будущая жена (а расчет был именно на это) встает из-за праздничного стола прямо посреди торжества и, озабоченно глядя на время, мчится на работу?! У них ведь все проблемы начались именно с этого. Ольга не понимала, злилась, считала его жалобы на одиночество плебейскими придирками и непониманием ее забот. Но потом поняла, что в чем-то он, возможно, был прав. Или нет?..

Думать об их давней ссоре сегодняшним утром ей было недосуг. Ей срочно понадобилась его помощь, и она поехала к нему. У нее хватило бы ума не просить помощи у того же Влада, например. Стоило бы тому услышать о пистолете, с которым явился домой после почти двухмесячного отсутствия муж ее подруги, как Любавский зашипел бы на нее по-змеиному и в мягких и не очень выражениях попросил не вмешивать его в чужое дерьмо. А вот Саша так не сделал. Пусть и выслушал без энтузиазма. Пусть старательно прикрывал дверь в комнату, словно пытался спрятать от нее наложниц, которых

успел завести за то время, что они не встречались. Но выслушать выслушал и даже подвез потом до работы, старательно опять-таки выпроводив из собственной квартиры. Все мутные какие-то...

Ну и пусть! Пусть он выглядел излишне натянутым и где-то даже настороженным. Это объяснимо. Они долго не встречались. Сталкиваясь, лишь холодно кивали друг другу. Но лишь бы помог. Лишь бы не бросил их с Ксюшей и Мишкой на пороге грядущей беды. А что Леха нагрянул, притащив на своих потрепанных крыльях беду, Ольга не сомневалась.

Зачем же иначе ему пистолет?..

ГЛАВА 7

Остаток рабочего дня тянулся бесконечно долго.

Не успела Ольга присесть на собственный стул в чужом углу, не успела положить локти на стол, как влетела запыхавшаяся секретарша Любавского.

— Ольга! Тебя срочно наверх! Звоню, звоню, ни один телефон не отвечает. Вымерли вы здесь, что ли, все! Евгений Евгеньевич, а где ваш-то секретарь?! — И, не дождавшись его невнятного ответа, улетела снова к себе наверх, не забыв еще раз поторопить Шустикову.

Влад вопреки ожиданиям встретил ее очень сдержанно.

Долго и нудно выяснял причину ее опоздания. Никак не хотел верить, что опоздание свое Ольга обставила предварительным звонком. Заручился

ее ознакомительной подписью в приказе о назначении. И в тот самый момент, когда Ольга совсем уже было собралась покинуть стены его кабинета, вдруг спросил:

— Что ты делаешь сегодня вечером?

— Я?.. — Такого вопроса она не ждала, даже более того, считала, что он не имел никакого права ей его задавать, а он вдруг задал. Зачем?

— Ты, ты! Что, здесь есть кто-нибудь еще?! — Его язвительный тон говорил сам за себя: чем-то она его прогневала. Чем, интересно?

— Я... пока не знаю, что именно я собираюсь делать... — Ольга лихорадочно соображала и отчаянно тянула время, мямля что-то маловразумительное. — До вечера... еще далеко, Владислав Иванович...

И тут, о боги, Влад оторвал свой зад от стула и с самой любезной улыбкой, которую Ольга знала и ненавидела, так как она обычно предшествовала моменту расстегивания штанов, двинулся прямо к выходу, то есть к ней.

— Влад, ты... Послушай, ты меня вчера, наверное, неправильно понял... — Она отступала до тех пор, пока не стукнулась спиной и макушкой о дверь.

В тот же самый момент Влад оперся руками о дверь по обе стороны от ее головы, прижался к ней так, чтобы она непременно почувствовала его возбуждение, и жарко зашептал ей на ухо:

— Олька, не смей так смотреть на меня! Слышишь?

Такие его приемы она тоже знала и тоже ненавидела. Здесь было предсказуемо все: от его штучек до ее реакции. А реакция была такая, что ее вовсе как бы и не было. Она напрочь отсутствовала, пото-

му что Ольга переставала быть самой собой в такие моменты. Влад всегда пользовался этим. Его горячее дыхание обдавало ухо. Слова входили грубым буром прямо в мозг, парализуя какую-то неведомую ей точку, что отвечала за волю и способность соображать. А тело становилось мягким и податливым в его руках. Сейчас Владик даже к помощи рук не прибегнул, продолжая нашептывать ей в самое ухо:

— Девочка моя... Как же так?! Я так ждал нашей встречи. Успел соскучиться, а ты.

— Что я? — Ей все еще хотелось хоть что-то предпринять, оттолкнуть его или хотя бы сделать попытку упереться в его грудь руками.

Она ничего этого не сделала. Глаза прикрылись веками. Руки и ноги сделались тяжелыми, а мысли неповоротливыми. Ах, да, по ним уже прошелся своим словесным буром ее бывший муженек. Она должна его слушать и соглашаться на встречу. Не должна! Нужно было срочно зацепиться хоть за какую-то оставшуюся в живых мыслишку, чтобы суметь возвести оборонительные укрепления. Чтобы он не мог так вот с ней...

— Ольга! Посмотри на меня! — почти приказал ей Влад и, взяв за подбородок, поцеловал. — Открой глаза немедленно!

Что-то же она запланировала на вечер?! Что?! Это было что-то очень важное, и откладывать это никак было нельзя. Ольга панически боялась такого вот его умения творить с ней все, что ему угодно. Но послушно распахивала глаза и приоткрывала рот навстречу его губам. И даже готова была сказать ему, что тоже хочет его и ждет непременно вечером у себя. Но какой-то участок ее мозга все же оказался не задетым. И он отчаянно сигнализировал ей из

самых глубин подсознания. Сигнализировал и дергал за оставшиеся в живых нервные окончания.

Ксюша!!! Слава тебе, господи, вспомнила!!! Ксюшу надо спасать! Какое, к черту, может быть свидание, если сегодня вечером она ждет к себе Ксюшку с сыном, чтобы помочь им укрыться от ока любящего мужа и отца! И Сашу тоже ждет, который обещал подумать, как им можно помочь. Они будут сидеть на ее крохотной кухне и пить чай с сушками, которые Влад так ненавидит. Саша при этом будет комично дергать левой ногой, которую всегда закидывает на правую. Тапка при этом у него раз десять спадет с ноги, но он упрямо будет надевать ее снова и снова, дрыгать ногой и снова ронять. При чем тут вообще Влад?! У него даже тапок своих в ее квартире нет...

— Не сегодня! — вдруг выпалила Ольга, и руки сами собой оперлись в накрахмаленную белоснежную сорочку Любавского.

— Почему? — Его голос все еще был полон нежной обволакивающей неги. — Что так? Какие-то планы?

— Да. У меня сегодня ночует подруга с сынишкой, — абсолютно честно сказала Ольга, подныривая под его руками и сразу оказываясь в относительно безопасном пространстве. — Извини, Влад. Это правда.

— Так, значит, да... — Его взгляд недоуменно скользнул по его расставленным на двери рукам. — И никак иначе... Ну, ну, Оленька... А может... А может, все дело в том дюжем молодце, что привез тебя на работу с таким опозданием? Не из-за него ли ты так припозднилась, дорогая?

Ревновать Влад не мог в принципе, потому что не

мог любить. Но собственнических замашек ему было не занимать, поэтому его вопросы не показались Ольге странными.

— Нет, не из-за него, — спокойно ответила она и очень внимательно посмотрела на своего бывшего мужа. — И опоздала я не из-за него, Владик. Дело в том, что у моей подруги проблемы.

— Но не у тебя же! — воскликнул Любавский, чем ничуть ее не удивил, и шлепнул себя по бедрам жестом, выразившим его дикое возмущение. — Вечно ты лезешь мир спасать! Оно тебе надо?! Я не хочу, чтобы у нас с тобой возникали какие-то проблемы!

— Их нет, Владик, потому что нет никаких «нас»! Не пойму, о чем ты? — сейчас она тоже говорила искренне, стараясь не думать и не вспоминать о том, как реагировала только что на него.

Он не забыл и тут же напомнил ей об этом, снова встав от нее в опасной близости.

— Скажи мне, где я был не прав? — закончил он свою обличительную речь, посмотрев на нее исподлобья так, как мог смотреть на нее только он. — И после этого ты хочешь сказать, что никаких «нас» нет?! Черта с два я тебе поверю.

Комментировать его монолог Ольга воздержалась. Влад был прав в девяти пунктах из десяти, чего уж... Но, невзирая на всю его правду, Ксюшу бросить в беде она не могла.

— Да кто она такая вообще?! — уже не на шутку вспылил Любавский, ероша свою шикарную шевелюру, схваченную нынче сзади резинкой. — Разве стоит она того, чтобы...

— Остановись, Владик! — Ольга, старательно держа дистанцию, обошла его стороной и взялась

за ручку двери, на всякий случай. — Я не могу по-другому, это раз.

— А что два-с?! — Ее спасительный маневр с дверной ручкой не остался им незамеченным, что опять-таки давало ему фору: спасается бегством, значит, не уверена в себе, боится быть сломленной. — Что два-с, Оль?! Твое целомудрие и порядочность? Так минувшей ночью ты не очень-то кисла на предмет своей добродетели. Разве я не прав?

— Оставь в покое мою добродетель, Влад! — Ольга строго повела бровями и, чуть приоткрыв дверь, скороговоркой произнесла: — В свете последних событий ты совсем позабыл о своей беременной жене и о не рожденном ею ребенке. Им ты тоже представишь свидетельство о собственной смерти, переехав ко мне?..

Я сумела! У меня получилось! Я не тряпка! Не слабая влюбленная дура, я человек — это... как это у Горького, — звучит гордо.

Гордости, вопреки предсказаниям классика, она не испытывала. Было противно и пусто. Пусто до пугающей гулкости в голове и во всем теле. И дело было не столько в изощренной манере Влада подчинять ее себе, сколько в ощущении собственной неспособности противостоять ему.

Ведь нормальная же она! Нормальная, когда дело касалось ее работы, например. Вполне осознанно противилась придиркам Александра, который запилил ее за чрезмерное рвение к службе. Почему же не получается быть такой же нормальной с Владом?! Что за дурь такая? Умом она все прекрасно понимает, а сердце все равно заходится в лихорадке, стоит ему посмотреть на нее.

Промучившись остаток рабочего дня над дилем-

мой: как освободиться от тлетворного влияния на организм флюидов обаяния бывшего мужа, Ольга так и не смогла ничего придумать

На помощь неожиданно пришел Евгений Евгеньевич. Полдня просверлив ее макушку красноречивыми взглядами, он закончил рабочий день философским изречением, что жизнь-де все расставит по своим местам и всем нам, и ей, надо полагать, в том числе воздастся по заслугам.

Расставит так расставит, утешилась мгновенно Ольга. Сложила все бумаги в стол и, одевшись, заспешила в гараж.

Машины Любавского к тому времени уже не было, значит, использовать ее как прикрытие было нельзя. Но, несмотря на это, открывая свою малютку «Оку», Ольга настороженно озиралась.

В том, что на нее никто не напал, не оглушил и не ударил, она не увидела ничего странного. Раз нет на месте Любавского с его крутой машиной, значит, нет и не может быть угрозы нападения.

Она выехала на улицу. Миновала шлагбаум и, не обращая внимания на спешащий по аллеям народ, вырулила на проспект, удачно вклинив свою малолитражку между автобусом и самосвалом. Все ее мысли сейчас были заняты предстоящим разговором с Ксюшей и Александром. Как-то так само собой получилось, что отошли на задний план не канувшие в Лету вместе с несостоявшимся браком их непонятные отношения с Владом. Почти мгновенно забылся саркастический настрой Евгения Евгеньевича, под прожектором которого она проработала остаток дня. И уж конечно, ее не мог взволновать тот факт, что машину ее сейчас провожает взгляд, полный жгучей ненависти. Если и успела Ольга за-

метить мешковатый женский силуэт, выныривая из-под взметнувшегося к небу шлагбаума, то тут же о нем и забыла. Все, что ее сейчас волновало по-настоящему, это как бы быстрее добраться до своего дома, где ее могли заждаться Ксюша с Мишкой.

Шел шестой час, к этому времени Ксюша должна была забрать из садика Михаила, потому что заканчивала работу где-то около четырех, успеть заехать домой за вещами и двигать прямиком к ней. Ольга до нее не дозвонилась, хотя и старалась. Найти Ксюшу, снующую по этажам клиники, было делом бесполезным. Ну да ладно. На все про все у нее уйдет час-полтора, никак не больше. Надо было ключ ей отдать, посетовала Ольга на свою непредусмотрительность. Наверняка шуршат сейчас по двору опавшей листвой, с надеждой встречая каждую выруливающую из-за угла машину. Промерзли небось. А Мишка страсть как не любит мерзнуть.

Подгоняемая заботой о подруге, Ольга обнаглела настолько, что дважды пересекла сплошную и свернула на кирпич. Плевать! Ей нужен был запас хотя бы в десять минут. Темнело стремительно. Холодало в той же прогрессии. А ее ждут...

Ксюхи с Мишкой во дворе не было. Ольга приткнула машину в дальний угол стоянки, впопыхах схватила сумку. Включила сигнализацию, галопом помчалась к подъезду. Но не успела она нырнуть в черный провал подъездной двери, как дорогу ей преградили.

— Саша!!! — взвизгнула она, через мгновение узнав человека, сумевшего ее напугать. — С ума сошел?! Я же испугалась!!!

— А я промерз, — совершенно будничным тоном оповестил он ее и, подхватив под локоть, потащил

к двери. — Идем быстрее, у меня зуб на зуб не попадает.

— Давно ждешь? — поинтересовалась Ольга, заученно ставя ноги на скрытые темнотой ступеньки. — Ксюху не видел с Мишкой? Может, они приходили и, не дождавшись, ушли в магазин. Это так на нее...

— Нет, — оборвал ее трескотню Александр, то и дело спотыкаясь в темноте и беззлобно чертыхаясь через каждое слово. — Стою около часа. Ходил, ходил от угла до угла. Замерз страшно. Ключей-то... Ключей-то у меня теперь нет!

— Ах, да! — запоздало спохватилась Ольга. — Я и забыла тебе их дать!

Не забыла, не забыла, язвительно пискнуло внутри. Умышленно умолчала о ключах. Он не спросил, а ты не напомнила. После того как объявился Владик, раздавать ключи направо и налево она остерегалась.

Ольга почувствовала, как краснеет, и тут же благословила подъездную темноту — не заметит.

— Никого не было, Оленька, — обстоятельно объяснял ей Саша, медленно поднимаясь по лестнице. — Оксаны не было с Михаилом. Я бы не проглядел.

Ох, как ее раздражала эта его манера размеренного разговора. Он словно обсасывал каждое слово, пробуя его на вкус. И имена он никогда не корежил. Единственное, на что его хватило, так это уменьшить ласкательно ее, Ольгу. Ксюха, ее близкая и любимая Ксюха, всегда у него была Оксаной. А Михаил никогда не опускался до Мишуни или Михана... Ну да бог с ним, с Сашей. С ним все же как-то спокойнее. Кто там знает, что у Лехи на уме...

— Оленька, у тебя звонит телефон, — назидательно, словно объяснял ей урок, произнес Саша, стоило им остановиться у двери в ее квартиру.

— Я слышу!

Она психовала, слыша непрекращающееся дребезжание телефона из-за двери. Связка ключей все норовила выскользнуть из пальцев. Замочная скважина не хотела находиться. Словно пришел кто-то досужий и, пользуясь ее отсутствием, забил ее намертво.

— Оленька, ты нервничаешь, — не то спросил, не то просто констатировал Саша. — Потому у тебя и не выходит. Позволь мне...

Оля послушно сунула ему в руку ключи и посторонилась. Пусть открывает, раз уж такой умник. Может, и правда, все дело в ее нервозности, а темнота подъездная тут и вовсе ни при чем.

— Входи, — Саша распахнул дверь менее чем через минуту, тут же включил свет в прихожей, одним движением сдвинул с ног туфли и моментально, как по волшебству, оказался в своих тапках. Посмотрел в сторону ее гостиной и озадаченно произнес: — Телефон... Я подойду?

— Не надо, я сама! — вдруг окриком остановила его Ольга и, не снимая сапог, кинулась к телефону в гостиной. — Да! Алло!!!

— Ольга? — на том конце провода, казалось, опешили от ее крика, но быстро справились с замешательством и тут же еще раз спросили: — Оля, это вы?

— Да! А кто меня спрашивает? Что случилось вообще? Это вы так долго звонили? — Она видела, как от входа в комнату ей укоризненно качает головой Саша, удивленный ее несдержанной скороговоркой, но поделать с собой ничего не могла.

— Оля, это Тамара, Мишина воспитательница, — терпеливо объяснили ей после тяжелого понимающего вздоха. — Мы с вами виделись сегодняшним утром.

— Да, Тамарочка, извините меня, бога ради. — Оля даже руку приложила к груди, норовя вымолить извинение у милой приятной девушки, которой сегодня с рук на руки передала маленького Мишку. — А... вы почему звоните, что-то случилось?!

Тамара или ее сменщица, Ольга сейчас уже не помнила точно, кто из них двоих, звонили ей домой лишь однажды. Тогда Ксюше нужно было выполнять роль хирургической сестры, и она задержалась на работе, забыв предупредить ее лично. Воспитательницы вызвали ее в детский садик звонком, где Мишка размазывал слезы по несчастной мордахе, стоя на коленках на стуле у самого окна.

Что теперь?!

— За Мишей никто не пришел, Оля, — терпеливо, как своей маленькой подопечной, начала объяснять ей Тамара. — Мы позвонили Оксане, его маме, на работу. Но там сказали, что она давно ушла. Домашний телефон не отвечает. Вот и пришлось звонить вам, вы уж простите.

— Без проблем, — прошептала Ольга, оседая в кресло.

Итак, она все же опоздала! Все ее меры оказались бездейственными, потому что кто-то все продумал заранее, кто-то сумел все предугадать и опередить ее. И, кажется, она догадывается, кто именно...

— Оля! Вы заберете Мишу?! — Голос Тамары звенел от напряжения, видимо, она не первый раз задала ей этот вопрос, а Ольга его просто-напросто пропустила, пытаясь вытравить предательский хо-

лодок, промчавшийся у нее внутри. — Сейчас уже почти шесть вечера, и мой рабочий день почти закончен...

— Да, непременно. Дайте мне десять минут, — перебила ее Ольга, прекрасно понимая молодую воспитательницу, которую наверняка встречает какой-нибудь ухажер, нетерпеливо поглядывающий на часы. — Я сейчас приеду, только у меня к вам одна просьба, Томочка! Никому, слышите, никому, кроме меня, не отдавайте Мишку!

— А-а... а если за ним вдруг приедут его родители? — оторопело пробормотала Тамара и вполне отчетливо хихикнула, цыкнув на кого-то невидимого Ольге, очевидно, ее предположения о нетерпеливом ухажере были не беспочвенны.

— Если вдруг заявятся его родители, пусть ждут меня!

Она с силой швырнула трубку на старенький аппарат во избежание дальнейших дебатов с Мишкиной воспитательницей и задумалась.

Что могло произойти?! Ксюше вдруг понадобилось домой и, не забирая Мишку, она пошла в свою квартиру? Там ее встречает разъяренный Леха и, угрожая пистолетом, начинает... А что начинает-то? И почему, собственно, разъяренный, если с утра простил ей даже пощечину? Телефон опять же домашний не отвечает, может, их и дома нет.

— Он может просто к нему не подходить и ее не подпускать, — тихо проговорил от двери Александр, задумчиво разглядывая ее согбенную фигурку в кресле.

Оказалось, что думала Ольга вслух. И Александр, услышав ее рассуждения, счел нужным внести коекакие дополнения.

— Что делать-то, Саша?! — Глаза ее тут же наполнились слезами. Ольга с надеждой посмотрела на него, такого надежного, такого обстоятельного и незыблемого, как смена времен года за окном, и снова пискнула: — Что делать-то?!

— Ну, для начала... — начал он медленно, неприятно затягивая паузу между словами. — Нам, кажется, нужно забрать из садика Михаила. Об этом тебя просили по телефону?

— Да, да! — Ольга обрадованно закивала, вскочила с кресла и пронеслась мимо Саши в прихожую. — Ты прав! Мишка! Его нужно забрать! Ты едешь или тут нас подождешь?!

— Нет уж, дорогая. — Саша так же молниеносно переобулся в туфли, вложил ей в руки сумочку, перехватил из ее подрагивающих пальцев ключи и почти вытолкал из квартиры со словами: — Тебе нужно успокоиться, Ольга! Нельзя же так расходиться из-за малейшего недоразумения. Тем более что Оксана обладает, как бы это сказать... некоторыми характерными особенностями, могущими объяснить и эту задержку тоже.

Чушь! Много ты знаешь про нее, умник! Шел бы лучше смотрел себе под ноги да помалкивал, тем более что тебя никто за язык не тянет...

А вот это было неправдой. Сама же попросила его о помощи. Сама вызвала к себе вечером на совет. Сама уповала на него как на беспристрастного арбитра, чего тогда злиться-то?!

Но Ольга вопреки всем законам логики злилась. Злилась на то, как он шумно дышит ей в шею, спускаясь следом по лестнице, погруженной в темноту. Злилась на рекомендации, которые он проговаривал нудным голосом. Да и на сам его голос злилась тоже.

До чего же противным он ей сейчас казался! И голос у него противный и монотонный — просил ли он ее почитать ему перед сном или говорил о чем-то интимном и сокровенном. Всегда ровно, без всплесков и модуляций. Как робот!..

— Это пройдет, Оленька, — тихо проговорил он, вдруг запнувшись на одном из пунктов своего дидактического монолога.

— Что пройдет? — Она не поняла да и не старалась, успев к тому времени добежать до машины и завести ее.

— Злость на меня пройдет. — Саша сел рядом с ней и неожиданно погладил ее по щеке. — Ты сейчас злиться готова на кого угодно, а я просто рядом.

— А, по-твоему, я злюсь? — Его проницательность ее удивила и заинтересовала.

— Бесспорно, — спокойно ответил Саша и кивнул на светофор. — Нарушать я тебе не советую. Вон за тем углом я видел парней с полосатыми палочками, они при исполнении, знаешь ли...

Ольга снова удивилась несказанно. Откуда он угадал, что она собирается проскользнуть на красный, поскольку проспект в этом месте казался ей безлюдным. Логик, твою мать!

— Ты злишься, поскольку не можешь разобраться в ситуации, которая кажется тебе безвыходной, — принялся Саша речитативом объяснять причину ее недовольства. — Ты паникуешь. А это делать совсем не обязательно. Объяснение может быть до смешного банальным.

— Конечно! Тебе легко говорить, это ведь не твоя подруга пропала! И не к тебе рано поутру заявился муж, вооруженный до зубов. И не твой ребенок оказался непонятно по какой причине забытым на

сегодняшний час. — Ольга со скрежетом притормозила у ворот детского садика. — Подождешь или со мной пойдешь?

Саша согласился подождать в машине. Не забыв, правда, напутствовать ее парочкой благоразумных советов типа: держи себя в руках, не позволяй ситуации выйти из-под контроля или что-то в этом духе. Финал его умной речи Ольга не услышала. Она уже мчалась, не разбирая дороги, к крыльцу детского садика.

Мишка с Тамарой маялись в ожидании уже на улице, пересчитывая ступеньки крыльца и скамеечки с песочницами.

— Оля! — обрадованно воскликнула воспитательница и тут же без лишних слов вложила потную ладошку малыша в ее руку. — Слава богу! А то я и так уже опаздываю...

Ухажер и в самом деле имелся. Ольга заметила его нетерпеливый марш на соседней аллее. В какой-то момент он вскинул левую руку к свету из окна, обнажил запястье и тут же громко присвистнул, что явилось сигналом к бегству Мишкиной воспитательницы. Оля еще поправляла на Мишке куртку с шапкой, не иначе сам одевался, как ее уже и след простыл.

— Леля, а где мама? — сердито спросил мальчик и дернул ее за руку. — Почему ее нет?

— Мама? — Ольга запаниковала.

Врать про работу ему было нельзя. Наверняка эта Тамара звонила при Мишке и так же наверняка комментировала ему каждый свой звонок. Поэтому Ольга ограничилась сумбурным объяснением про мамину занятость, искренне надеясь, что так оно и обстоит на самом деле.

А ну как и правда у Ксюши дела? Она могла звонить ей на работу днем, совсем не предполагая, что Ольга теперь сидит в другом кабинете, неожиданно получив повышение. Верочка могла из вредности наплести ей что-нибудь и ни слова не сказать Ольге о звонке. Непросто же так она весь остаток дня смотрела мимо нее и почти не отвечала на вопросы, игнорируя ее неожиданный статус. Может, и прав Саша и проблема на поверку выеденного яйца не стоит? И они все вместе посмеются над ситуацией! Хорошо, коли так. Но для начала не мешало бы все же наведаться на квартиру к подруге и узнать, что там и как. И если Леха дома, задать ему пару вопросов.

— Ты сошла с ума, — снова не то спросил, не то констатировал Саша и сердито завозился в ее маленькой машинке, словно огромный медведь в тесной берлоге.

— Почему? — спросила Ольга. Просто так спросила, от его ответа ничего не зависело, она упрямо выруливала на улицу, соседствующую с домом, где жили Ксюша и Мишка.

— Зачем тебе лишние проблемы? — поинтересовался Саша, очень сильно напомнив ей сейчас их дневную дискуссию с Владом. — А если этот Леша дома, что тогда?

— Это очень упростит дело, если он дома. — Ольга как раз въезжала во двор, освещаемый лишь окнами квартир, как и большинство дворов их города. — Поговорю с ним.

— О чем?! — Кажется, впервые за вечер Саша начал проявлять какие-то признаки беспокойства. — О чем можно говорить с опустившимся человеком?!

— Папа хороший! — раздалось неожиданно с заднего сиденья.

За всеми спорами они совсем забыли про Мишку, который совсем по-взрослому следил за их дебатами.

— Извини, — серьезно обронил Саша, чуть повернув голову в сторону заднего сиденья. — Я совсем не то хотел сказать... Просто, папа подолгу не жил с вами, так?

— Папа хороший! — снова воскликнул Мишка, и теперь в его голосе отчетливо зазвучали слезы. — И мама хорошая! У нее дела, Леля сказала. А у папы... а у папы пистолет! Он вам задаст!

— Кому вам? — вкрадчиво поинтересовался Саша и теперь уже всем корпусом развернулся к Мишке.

— Вам! Дураки вы все! — И Мишка заревел отчаянно и зло, размазывая слезы и сопли по расстроенному лицу.

Не жалея колодок, Ольга снова с визгом притормозила у Ксюшиного подъезда. Выскочила на улицу, захлопнула дверцу и, не боясь запачкаться, прислонилась к ней, содрогаясь от слез.

Ей было очень жаль бедного Мишку, душа которого разрывалась от того, что его привычный мир рушился. Ей было очень страшно за Ксюшу, которой не было дома, поскольку окна ее квартиры не светились. И еще ей было очень страшно, она боялась того, что могло произойти уже через несколько минут и к чему она никак не была готова.

— Идем? — Саша выбрался из тесной для него кабины на улицу и стоял теперь по другую сторону ее машины. — Мальчика запри. Пусть сидит здесь.

Ольга молча послушалась, быстро объяснив за-

плаканному Мишке, что ей нужно попытаться разбудить папу, который сейчас, возможно, спит, и взять кое-что из его вещей. Мишка к ее словам отнесся серьезно и с пониманием, правда, напоследок жалобно попросил:

— Леля, только ты быстрее...

Ольга, откинув сиденье, расцеловала чумазую мордочку Мишки, приказала не волноваться и ждать их возвращения. Затем заперла машину и, кивнув Александру, пошла к подъезду, где на первом этаже и была Ксюшина квартира.

Поднявшийся к вечеру ветер поскрипывал стволами старых лип, тех самых, которые так не любила Ксюша. Листья сыпались с ветвей вместе с промозглой изморозью, которая, как ни силилась, все не переходила в дождь. Волосы у Ольги тут же пропитались ледяной сыростью, попало и за воротник. Она поежилась, поймала в темноте Александра за руку и сильно сжала его пальцы своими заледеневшими.

— Чего ты так боишься? — удивился Саша, очень удачно перемахнув лужу у подъезда. — Осторожнее, Оленька, промочишь ноги. И так продрогла совсем.

От его обыденной заботы ей вдруг сделалось спокойно. Ольга попыталась повторить его маневр, но левый сапог, который немного протекал, все же черпнул воды.

— Ничего, — снова успокоил ее Саша, обнимая за талию и привлекая к себе. — Скоро будем дома. Примешь горячую ванну, выпьешь чаю. Да, Оленька? Все будет хорошо, чего ты так трясешься, не пойму.

Она и сама не понимала. Не понимала, пока они поднимались по четырем щербатым ступенькам на Ксюшин первый этаж. Не понимала, пока настойчи-

во жала кнопку звонка, отзывающегося бесполезной трелью в недрах Ксюшиной квартиры. И лишь когда в сердцах толкнула дверь и та вдруг непонятно с чего распахнулась, все для нее сразу встало на свои места.

— Все, — на удивление ровным, лишенным истеричных ноток, голосом произнесла Ольга. — Это конец. Надо увезти Мишку и вызвать полицию...

ГЛАВА 8

Совещание в кабинете полковника шло уже второй час. Все устали от его бесполезности, невозможности хоть как-то продвинуть гиблое дело с мертвой точки. И от тихой ярости полковника.

Он не швырял в подчиненных стаканами, не изрыгал ругательства, не ломал в сильных пальцах карандаши, но лучше бы он все это делал, чем ровным, лишенным выражения голосом раздавал им ненужные указания.

Уже через час стало понятно, что дело об убийстве в гостиничном номере приезжего судопромышленника — «глухарь». Нет, нужно было еще шестьдесят минут мусолить эту бесполезную тему, и раз за разом зачитывать показания обслуживающего персонала гостиницы, и перечислять вещественные доказательства, которых было — кот наплакал.

Сыщики пыжились, чесали в затылках, пытались дедуктивно мыслить, но тщетно. Дело было гиблым.

Ситуация до боли знакомая Валерию Лапину, который присутствовал на совещании в роли при-

глашенного. Вернее, в роли напросившегося. Не так давно он и сам таким же манером потел перед своим начальством, пытаясь свить в единый клубок разрозненные и запутанные в хлам нити того или иного преступления. Сейчас для него многое изменилось, многое, но не все.

Он сменил должность, но не сменил род занятий. Бывший майор полиции превратился в начальника службы безопасности одной весьма солидной страховой компании. Компании, в которой не так давно застраховал свою жизнь ныне почивший господин. Все бы было ничего, умри он иной, указанной в договоре, смертью и не застрахуй свою жизнь на такую баснословную сумму. Но господина застрелили, а сумма страховки имела такое количество нулей, что руководство фирмы от ужаса хваталось за голову. Они, конечно, могли бы откреститься от выплаты страховки, так как смерть в результате огнестрельного ранения не оговаривалась. Но она также не значилась и в пункте исключений, что поделаешь, раз не предусмотрели такой вариант. Типовой договор страхования жизни, сохранившийся еще с социалистических времен, не содержал в себе статью о заказном убийстве. Страхующийся господин такой возможности также не рассматривал, поскольку его компаньонам было выгодно, чтобы он жил долго. Платить страховку, получалось, необязательно, но это значило покрыть компанию позором на веки вечные, так как любой захудалый адвокат мог оспорить право выплаты. Посему лично ему — Валерию Лапину — нужно было вывернуться, изловчиться и доказать, что смерть господина была на руку одному лишь человеку. Он и только он стоит за этим заказным убийством. И, доказав его причастность

к данному преступлению, он тем самым избавит компанию от лишних проблем. Спасет ее репутацию и заработает солидную прибавку к зарплате и приличный гонорар, причитающийся ему за это дело.

Его снабдили документами частного сыщика, якобы нанятого родственниками погибшего, и откомандировали в этот город. Истинная цель его командировки тщательнейшим образом скрывалась. Как скрывался и сам факт страхования. Пока что никто не явился со страховым полисом и ничего не потребовал, но опасения, что это рано или поздно произойдет, все еще имелись.

В городе, где произошло убийство, Валера Лапин прозябал вот уже второй месяц, так и не сдвинувшись в своих расследованиях ни на дюйм.

Нет, он, конечно же, проделал колоссальную работу по сбору информации. Поскольку прекрасно знал: кто владеет информацией, тот владеет ситуацией. Но в его расследованиях это ему не помогло. Валера зашел в тупик. И теперь, второй час кряду слушая нудные до бестолковости объяснения сыщиков, он не без злорадства думал, что в такой же тупик попали и они. Дело можно было смело класть на полку.

Почти никто ничего не видел и не слышал. Показания портье о мужчине, который рвался в сто тридцать четвертый номер, еще больше запутывали дело. Номера тот не заказывал, как впоследствии оказалось, деньги не вносил, что тогда ему было там нужно?..

Валера на первых порах попробовал было высказать предположение, что этот мужик с плащом на руке и был киллером, которого кто-то более расторопный опередил. Но местная полицейская братия

его высмеяла, объяснив ему, что ни один уважающий себя убийца не станет обнаруживать свое присутствие подобным образом.

Да, если, конечно же, он не рассчитывал именно на такой неординарный ход, который и запутает следствие, и к тому же если не был в ярости, от того что его оставили с носом, хотелось возразить Валере. Но он свое мнение приберег для себя. Пусть умничают, коли им охота. Он лично уверен, что так оно и было.

Кто-то опередил профессионального убийцу. Кто-то заперся в номере сто тридцать четвертом раньше его и, не успев удрать, стал изображать обслугу. Именно об этом рассказывал портье. Мужчина, с его слов, был разгневан уборкой, которую затеяли в номере. А кто мог это делать, если ни один человек из обслуживающего персонала не был занят на то время уборкой? Кто?! Ясно же, что лицо сугубо постороннее. А чего ему было надо в номере? Да того же, что и тому парню в черном... Кстати, его фоторобот, который был составлен со слов портье, прекрасно подошел бы к большей половине присутствующих сейчас в кабинете полковника. Но об этом Валера тоже умолчал, а сделал еще один вывод: тот, кто завел разговор с портье, знал об этом. Знал, что его никогда не найдут по приметам, которые запомнит суетливый малый за стойкой. Кстати, он не оставил ни единого отпечатка в номере, что еще раз утвердило Лапина во мнении: парень с плащом был киллером. Киллером, которого опередили и который был в ярости от этого.

Но это все догадки и эмоции, которые к делу не пришьешь, так говаривало ему его прежнее руководство. Ищи доказательства, а предположения свои и доводы интуиции держи при себе!

Валера был очень талантливым сыскарем, но эта вот убогая загнанность в рамки законности его частенько порядком угнетала. Шагу не ступи без санкции прокурора. А коли, не выдержав, ступишь, то можешь потом и не отмыться. И вот из-за этих ограничений часто получалось так, что преступники разгуливали на свободе.

Уже через пять лет службы в органах он твердо усвоил, что нераскрытых преступлений нет и быть не может. Были такие, которые не должны были быть раскрыты по соображениям, ему недоступным. Такие, что могли быть раскрыты, но считались закрытыми за недостаточностью улик. И такие, что раскрывались почти с ходу. К последним, как правило, относились преступления, совершенные на бытовой почве. Либо касающиеся сильных мира сего.

И еще кое-что усвоил Валера Лапин, дослужившийся до майора в доблестных органах внутренних дел.

Девяносто процентов раскрытых преступлений раскрывались по наводке. Оставшиеся десять процентов делили между собой поровну ментовское трудолюбие и случайность.

В теперешнем деле наводок не будет, он это прекрасно чувствовал своим профессиональным нутром. И случайностей тоже не жди, это он тоже понимал. Оставалось уповать на трудолюбие. А это значило по крупицам собирать сведения, вести наблюдение и ждать... Ждать, когда кто-нибудь из этих двоих убийц проявит себя. В том, что убийц было двое, причем каждый действовал самостоятельно, он не сомневался.

Уверенности прибавляло то, что следы уборки в ванной номера сто тридцать четыре на самом деле

имелись. Как имелись следы абразивного моющего средства в номере этажом выше. Стало быть, человек, умело изображавший горничную, успел побывать и там тоже. Так же, как и мужчина с плащом. Его запомнили две молоденькие дежурные по этажу и даже фоторобот узнали, но фоторобот Лапина они узнали бы с той же долей вероятности.

Итак, их было все же двое...

— Что скажете, Валера? — вдруг обратился к нему полковник, сломав-таки в сильных пальцах тонко отточенный карандаш. — Вы до сих пор не проронили ни слова. Есть какие-нибудь соображения на этот счет?

Соображения были, но обнародовать их он не собирался. Пришлось бы раскрыть свое инкогнито, а это значило потерять высокооплачиваемую работу. Поэтому он ограничился лишь тем, что снова повторился:

— Я настаиваю на том, что убийц было двое. Каждый действовал самостоятельно, пытаясь опередить конкурента.

— Хорошо, — полковник недовольно пожевал губами. — Пусть так. Что нам это дает? Почему их пути пересеклись именно в этом месте? Что, убить этого бедного малого в другом месте было нельзя?

— Очевидно, интерес представлял не он, а содержимое кейса, который был затем обнаружен сотрудниками полиции выпотрошенным, — скромно вставил Валера. — По моему мнению, один из убийц каким-то образом узнал о намерениях другого. И решил во что бы то ни стало опередить его.

— Чушь какая! — прошептал кто-то из личного состава возмущенным шепотком. — Самодеятельность!

— Может, так оно и было, — Валера приветливо улыбнулся, в случае необходимости он мог быть добрым малым. — Если предположить, что один из них был профессионалом, а второй дилетантом, то...

— И «ху из ху», по-вашему? — это уже снова начал раздражаться полковник. — Кому, по-вашему, повезло?

— Новичку! — Лапин продолжал лучезарно лыбиться. — Новичкам, как известно, везет. Непросто же так этот парень в черном домогался у портье, куда подевался жилец из сто тридцать четвертого.

— Ничего подобного он у него не спрашивал, — недовольным баском возразил кто-то из сыскарей.

— Это я так... иносказательно, — пояснил Валера, хотя был уверен в том, что истинной целью парня с плащом была как раз информация об исчезнувшем жильце.

— Хорошо. — Полковник потер покрасневшее лицо и нервным жестом потянулся к стакану с водой. — Имеются два убийцы. Один, по-вашему, профи, второй так себе, погулять решил с пушкой, поразмяться. Каждый интересуется бумагами или чем-то там, что привез погибший. Я вас правильно понял, Валера?

— Абсолютно, — подтвердил он, хотя и не особенно был уверен в этом. Дело могло быть в чем-то еще. В чем-то таком, о чем он и знать не знал и ведать не ведал.

— Так... Тогда вот вам премерзкий вопрос, Валера, — полковник хищно прищурился. — Какого черта устраивать покушение с разницей в минуту?! Они же могли лоб в лоб столкнуться! Какого черта одному из них не явиться раньше?! Представляете

себе картину: эти оба киллера сталкиваются лоб в лоб?! Это же что тогда было бы?!

И на этот вопрос у него имелось объяснение из разряда интуитивно угаданных.

— Думаю, что одному из этих двоих, скорее всего, новичку было не все известно. Временные координаты или что-то в этом роде. Типа того...

— Вот, вот! Все у вас так: типа того! Это же уголовное преступление, а не самодеятельность! Меня второй месяц начальство трясет как грушу! Что я ему должен отвечать, что, типа того, один другому наступал на пятки?!

— Это не так уж далеко от истины, товарищ полковник! — Валера так обрадовался, словно выиграл джек-пот в лотерее. — Предположим, что новичок, назовем его так, узнал о том, что нужный ему человек прибывает в гостиницу этого города, скажем, в десять утра. Убийство должно состояться в десять минут одиннадцатого. Что ему остается? Крохотный промежуток времени, в который он должен успеть уложиться.

— Ваши слова, Валера, — полковник снисходительно усмехнулся и переглянулся со своими коллегами, — должны подразумевать то, что этот самый новичок знал все о готовящемся убийстве?

— Думаю, да, хотя это и не факт. Они могли вести охоту совершенно самостоятельно, но, если честно, я не верю в такого рода случайности. Тот человек знал все о готовящемся убийстве и решил во что бы то ни стало опередить конкурента, чтобы завладеть бумагами, — пояснил Валера, не покривив душой. Он и в самом деле был в этом уверен. Счет, по его мнению, шел на минуты в тот день. Кто кого, одним словом...

— Хм-м... — Полковник надолго задумался. Отпил воды из стакана, переломил в крепких пальцах еще один карандаш и лишь затем произнес: — Возможно, вы правы. Но откуда?.. Откуда этот человек мог об этом узнать?

— Он мог прослушивать его телефонные разговоры, — нехотя предположил Лапин, будучи в этом совсем не уверенным.

— Ага, давайте еще скажем, что это агент спецслужб. Или женщина, с которой киллер спит и которой тот поверяет все свои тайны, — полковник возмущенно фыркнул. — Это уже из области фантазий. Голливудская история прямо-таки!

— Почему? — спросил Валера, ему и в самом деле было интересно, почему полковник отвергает эти версии, ему-то они тоже приходили в голову, чего уж...

— Агента спецслужб этот судопромышленник никак не мог заинтересовать, уж больно мелко плавал, мы проверяли. В криминал не лез, конкурентов не травил, с компаньонами состоял едва ли не в родстве. — Хозяин кабинета вдруг похлопал себя по карманам кителя, бросил беспомощный взгляд на подчиненных и чуть ли не жалобно сказал: — Дайте сигаретку, что ли! Мои все жена прячет. Все карманы проверит, елки, лишь бы я не закурил! Вроде я купить не могу!

По гладкой поверхности стола заскользили сигаретные пачки, обгоняя друг друга. Полковник, не глядя, вытряхнул из первой подоспевшей сигарету и с удовольствием затянулся. Какое-то время он курил, задумчиво глядя на Валеру Лапина. Потом с сожалением затушил бычок в пепельнице, крепко сцепил пальцы и снова заговорил:

— Соединив разрозненные сведения о подозреваемом, ваши и наши, могу с убеждением сказать, что ни с кем такой человек делиться информацией не станет. Психологический типаж не тот. Он самоуверен, амбициозен. Тот факт, что его оставили с носом, привел его в такую ярость, что, невзирая на опасность, он спустился в вестибюль и заговорил с портье. Так, что еще... Он неплохо разбирается в людях, оставив бедному малому единственно стоящую примету о себе: нервное поддергивание очков на переносице. Наверняка отрепетированная привычка, раз акцент был сделан на этом. Так, что еще... Еще очень дерзок и смел. После беседы с портье поднялся на пятый этаж и вошел в номер, где нами затем был обнаружил труп. Он ли его убил или нет, я не знаю. Вашей убежденностью я не обладаю. Извините, возраст не тот. Да и с фантазией у меня не так хорошо дело обстоит. Я привык все больше на факты опираться. Они, как известно, вещь упрямая. А их у нас... и нет, кроме этого малого с плащом, который мог всю эту дребедень с уборкой и всем прочим просто-напросто сам придумать, а потом озвучить.

— Зачем? — спросил Валера, нетерпеливо поглядывая на часы. Совещание затягивалось, а у него на сегодня еще кое-что было намечено.

— Затем, чтобы запутать нас. Затем, чтобы мы крутились как белки в колесе, пытаясь найти того, кто его обставил. Я же сказал, что он очень хитер. — Полковник тоже глянул на часы, лицо его удивленно вытянулось. — Да, засиделись мы... Все свободны. Валера!

Лапин снова сел, едва приподнявшись.

— Нет, нет, я вас не задерживаю, просто хотел

вам сказать, что в этой истории ничего не нужно сбрасывать со счетов. Вы как-то уж слишком зациклились на одной версии, а их может быть очень много. Кстати, я отдал распоряжение проверить местные банки на предмет движения больших сумм накануне того убийства. Глядишь, что-нибудь да выльется.

С ним могли расплатиться наличными, что, скорее всего, и было сделано, едва не выпалил Валера, но благоразумно промолчал. Речь полковника произвела на него впечатление, но совсем не то, на которое тот рассчитывал. Тот хотел указать ему его место, ткнуть носом в ошибки, которые он якобы по молодости допускает. Валера же, выслушав его внимательно, еще больше утвердился в собственном мнении. Не мог киллер, если тот на самом деле профессионал высокого уровня, совершать такие глупые поступки: убирать ванную, потом спускаться вниз, устраивать сцену, следом подниматься наверх и... Чушь! Единственной причиной, толкнувшей его на то, чтобы обнародовать свое присутствие в гостинице, могла быть только дикая, безудержная ярость...

Валера попрощался с полковником, кивнул зло косящимся в его сторону сыскарям и двинул к выходу.

Он вырвался из душного кабинета в мутные сумерки ноябрьского вечера и, остановившись у машины, вздохнул полной грудью. Уставший за день ветер с тоскливым шепотом перебирал редкую листву на деревьях. В грязных лужах тускло отражались разноцветные огни города. А за воротник сыпало и сыпало мерзкой липкой влагой. Но даже это не испортило Валере настроения.

Нет, все-таки хорошо, что он ушел из полиции. Там же никакого тебе творческого размаха, сплошные ограничения. Его теперешнее руководство совершенно не волнует, какими фактами подкрепляются импульсы его интуиции и на основании каких разрешений он добывает те или иные улики. Им нужен и важен конечный результат, пусть даже к нему он подойдет не совсем, мягко говоря, законным путем.

Это Валеру вполне устраивало и вдохновляло. Размер его зарплаты возрастал прямо пропорционально его успехам. Пускай в этом городе он вынужден ездить на старенькой машине, предоставленной ему напрокат его приятелем. Это же было временно, в интересах дела. Дома-то, дома его ждала красавица «Шкода»...

Лапин отпер «Жигули» пятой модели, с протяжным вздохом уселся в продавленное кресло и завел мотор.

Остаток вечера было решено посвятить отдыху. Он сегодня и так весь день носился по городу как сумасшедший, наводя справки, сличая разрозненные сведения. Потом еще это совещание бесполезное. Два часа толкли воду в ступе, а ни с места. Нет, коекакой результат все же имелся: Лапин еще раз утвердился во мнении, что убийц было все-таки двое. Это тоже результат, а сейчас отдых...

Он вырулил на проспект, пристроился в длинный ряд автомобилей и тут же потянулся за мобильным телефоном. Его новая пассия, которой он также обзавелся в интересах дела, ответила тут же, словно весь день только и делала, что ждала его звонка. А может, она и ждала...

— Привет, Нинок, — пропел он нежно в труб-

ку, представив, как изогнулись сейчас от удовольствия ее непозволительно порочные полные губы. — Ты как?

— Привет, — томно прошелестела она в ответ и улыбнулась. — А я никак, а я жду.

— Так я еду! — «Пятерку» слегка тряхнуло на выбоине, и Валере пришлось сосредоточиться на дороге. — В магазин только заскочу.

— Ага. Уж заскочи. У меня сегодня был трудный день, Валерочка. Ты уж постарайся. А потом и я... постараюсь...

Валера отключился и тут же помимо воли довольно улыбнулся.

С Ниной ему повезло. Это была не женщина, а находка во всех отношениях. Красива, умна, расторопна, сексуальна. Он устал бы перечислять все ее достоинства, соберись это сделать. Хоть одна приятность в этом его безнадежном деле. С предыдущей дамой ему не так подфартило...

Мысль использовать женщин в своих интересах посещала его с тех незапамятных времен, когда он еще работал в доблестных органах. Напрасно полковник ругал Голливуд, ох напрасно. Во многих их раздутых детективах и боевиках рациональное зерно всегда имелось. Там детективы сплошь и рядом пользовались помощью осведомителей, причем делалось это в основном через постель.

Используй людей, если не хочешь, чтобы они тебя использовали... Так Лапин перефразировал судьбоносную фразу на свой лад. Использовать кого ни попадя не хотелось, хлопотно и не всегда эффективно. А вот женщины... Здесь все обстояло по-другому. Это было в его стиле, это ему нравилось. И если за такие дела его бы из полиции поперли в два счета,

лишив всех регалий, то теперешний его статус такими ограничениями не обладал.

Валера не хватал всех подряд. Он выбирал. Выбирал тщательно и придирчиво. Женщина должна была быть осведомлена в той мере, в какой его это интересовало на определенном этапе. Она непременно должна была быть одинокой, ну и... обладать привлекательной внешностью, конечно же. Дурнушек Валера всегда обходил стороной. Получать информацию он должен был, получая удовольствие, благо его внешность тоже к тому располагала. Он был высоким крепким голубоглазым блондином. Вслед ему оглядывались, а навстречу улыбались.

— Тебе в кино сниматься надо, майор, а не дерьмо преступное разгребать, — частенько говаривала ему Танюшка, их кареглазый старший лейтенант, к которой он очень долго и безуспешно пытался подобраться. — Красоты в тебе столько же, сколько и артистизма. Тебе бы все это да на пользу дела!

Сказала, как обрекла. Он и принялся использовать данные ему природой достоинства по служебной части.

Приступая к тому или иному делу, он прежде всего определял для себя круг подозреваемых. Потом их возможное окружение. И уж когда с тем и другим определялся, выискивал в этой среде какую-нибудь разговорчивую симпатичную киску и начинал порционно выуживать из нее информацию. И всегда оказывалось, что и овцы были целы, и волки сыты. К последним он причислял себя, конечно же...

За полтора месяца пребывания в этом городе Валера успел сменить трех партнерш. Ниночка оказалась четвертой. Первые две прошли у него почти строем, не задерживаясь, так как ничего не могли

сообщить ему толкового о человеке, с которым уже не работали вместе. Отметили отзывчивость, трудолюбие, определенную скрытность, граничащую с замкнутостью, и все.

Следующая... Ох уж эта следующая! Крепким оказалась орешком. Валера на первых порах прощал ей ее замкнутость, так как Верочка была виртуозна в постели. Но потом все это затянулось, и Валера ушел, не простившись.

Дело стояло на мертвой точке. Его информированность была на нуле. Не особенно-то потчевали его сведениями бывшие собратья по оружию. И тогда в его гениальной, красивой голове созрел план...

Городская единая диспетчерская служба! Вот то, что ему нужно! Он знал, что эта служба питалась сведениями со всего города, начиная от прорыва канализационных труб и пожара и заканчивая неопознанными трупами на улицах и оставленными в троллейбусах сумками.

Он три дня ходил туда и ждал. Должна же была там работать хоть одна разведенка! Не может быть, чтобы не работала. Их везде пруд пруди, потому что терпением их матерей современные барышни не обладают. Всем подавай идеальных и засахаренных мужей, а чуть что не так, — до свидания, дорогой.

Ниночка заступила в тот памятный день с вечера, и он едва ее не прозевал. Но, узрев своим наметанным глазом, сразу сообразил — она!

Валере не пришлось даже утруждать себя, придумывая достойную легенду, хотя у него всегда их имелось про запас десятка с полтора, тут все зависело от кандидатуры. Ниночке ничего этого не требовалось. Все, чего ей хотелось, так это валяться с ним в постели, глотать без устали шампанское

и заедать его виноградом. От такой гремучей смеси лично у Валеры начинало так жутко урчать в желудке, что впору записывать эти звуки на пленку для устрашения врагов. А Ниночке хоть бы хны. Она лакала шампанское, швыряла в красивый пухлогубый рот виноградину за виноградиной и снова и снова опрокидывала его на лопатки.

Если честно, то ее сведения такого напряга не особенно требовали. Порой ему начинало казаться, что он выдыхается. Но Ниночка обладала не худшей интуицией, чем он, она мгновенно ослабевала натиск и принималась варить ему борщ и жарить мясо с картошкой. А под это прозаичное, настраивающее на безмятежный лад занятие, начинала делиться с ним городскими новостями. И вот тут-то Валера воздал хвалу своей сообразительности, что натолкнула его искать себе киску в такой вот службе. Это была не просто единая диспетчерская служба города, это был многоотраслевой канал всех городских сплетен.

Именно от Ниночки Валера узнал, что в день убийства в центральной городской гостинице — единственно приличном месте, где обычно селились приезжие, — произошло еще одно чрезвычайное происшествие, вызвавшее недоумение всего персонала. То есть кто-то, переодевшись горничной, устроил уборку в номере, который убирать не следовало. Причем средствами воспользовались гостиничными, которые оставлялись в дежурных комнатах и запирались только на ночь. Перчатки не взяли, а вот щетками не побрезговали. Вспомнить кого-либо постороннего, разгуливающего по гостинице с чужими щетками и порошком, никто не смог. Кто-то обмолвился, что встретил толстую женщину

в коридоре в форменном халате с длинными рукавами. Гостиничная униформа была с короткими рукавами. Но на него быстро зашикали представители администрации. Еще не хватало лишних разборок с полицией из-за пропажи каких-то дурацких щеток! Полицию эти сведения обошли, а вот его — нет.

И Валера возликовал. Значит, был все-таки еще один человек! Был!!! И если верить слабому возгласу очевидца, это была толстая женщина. Кое-что его, правда, насторожило. Почему у халата были длинные рукава? Но потом он быстро успокоился. Может, с коротким на такую массивную фигуру не нашлось.

Теперь ему оставалось вновь пропесочить всех, кто хоть как-то соприкасался с его подозреваемым, отыскать среди них толстуху, и можно было бы праздновать победу. Все остальное оставалось делом техники. Выбить показания (именно выбить, поскольку обычные законные методы допроса здесь были неуместны), представить отчет, и все... деньги в шляпе!..

Проблема пришла из ниоткуда. Проблема свалилась, как кузнечный молот на его бедную красивую голову. Не было толстух!!! Хоть убей, не было! Все окружение как на грех стройные, не обремененные лишним весом люди.

Кто??? Кто это мог быть???

Мысли не хотели поворачивать вспять и что-то еще придумывать, подгонять и сопоставлять. Все же было так стройно, так логично, и тут вдруг опять дыра!.. Может, он и правда молод и непрофессионален, как сегодня отметил полковник? Или все дело в том, что он спешит?

Но нет! Валера верил, что разгадка лежит на по-

верхности. Стоит только чуть подальше протянуть руку, и ее можно даже пощупать. Такую прохладную и упоительную, до которой дотронувшись, сразу понимаешь, что не зря коптишь небо на этой грешной земле. Разгадка где-то рядом. Не рядом с ним, нет. Рядом с тем человеком, из-за которого он уже столько ночей подряд не спит...

Он купил обязательное шампанское. Две подернутые влажной дымкой виноградные грозди продавец упаковал ему в мягкую, едва осязаемую в руках бумагу. Подумав, Валера схватил с прилавка еще и палку сырокопченой колбасы. Виноград, оно, конечно, хорошо, но кушать хочется. Недолго колеблясь, к колбасе он присовокупил еще и килограмм помидоров, больших и мясистых. Которые просто просились, чтобы их порезали крупными ломтями, залив сметанкой. Банку сметаны он купил тоже. Сегодня Ниночка вряд ли побалует его борщом и котлетами. Тон ее был многообещающим в другом, а вот ждать от нее сегодняшним вечером кулинарного рвения не приходится.

Валера обреченно вздохнул. Нет, какой-то процент вредности все же в его теперешней профессии имеется. Назовем это издержками...

Сейчас бы в мягкие домашние туфли, банальные спортивные штаны с полинявшей футболкой и утонуть в глубоком кресле. Приткнуть огромное блюдо многослойных бутербродов на столик рядом с креслом, бутылку пива туда же и попялиться бы в телевизор. Ни о чем таком не говорить, не изображать из себя охваченного страстью Казанову. Нет, он совсем не противник женских ласк, но... Но в такую вот мерзкую мглистую погоду так хочется просто тепла, кошку в ногах. Пусть даже будет женщина.

Пусть она будет. Но тоже такая же домашняя: в халате, тапочках, в тюрбане из полотенца на вымытых только что волосах и с банальной пилочкой для ногтей в руках. И тоже у телевизора.

Они бы хлебали пивко из одной бутылки, откусывали бы от одного бутерброда и обсуждали бы, скажем, ведущую новостей. Ее манеру держать спину прямо, чуть склонять голову к правому плечу и мило улыбаться в момент освещения приятных событий... Татьяна тогда еще сказала, что улыбается она заученно... Стоп! При чем тут Татьяна?!

Валера неожиданно споткнулся у самой кассы. И, кажется, даже покраснел. Вот ведь вспомнилось так некстати! Идет на свидание к одной женщине, а мечтает о другой. Мечтает ли?.. Шут его знает! Татьяна, может, потому и вспоминалась, что никогда не пыталась соблазнить его. Как же они в тот вечер оказались на одной территории? Что-то произошло в тот день...

Точно! Они были на задержании, случилась перестрелка. И молодого парня из их отдела подстрелили. Не серьезно, он даже все время был в сознании и, пока они везли его до больницы, пробовал шутить. Но Танюшка тогда перепугалась сильно. То ли за парня, то ли просто оттого, что пули летали совсем близко над их головами. Валера попытался было поревновать, но потом счел, что это глупо и неумно. Неумно ревновать женщину, которая тебе не принадлежит и никогда принадлежать не будет, что бы он себе ни напридумал. Ревновать он не стал, а вот утешить попытался. И не получилось у него это совсем. И сам себе он показался тогда неумелым и неделикатным. Мямлил что-то маловразумительное. А под конец и вовсе сморозил такое, что Татьяна,

перестав плакать, подняла на него припухшие глаза и с вечной своей укоризной пробормотала:

— Ты неисправим, Лапин...

— А че, Тань. — Его уши стали пунцовыми в тот момент. — У меня колбаса есть «Докторская», сыр, рыба какая-то копченая. Посидим, пивка попьем, телик посмотрим.

— Пивка, говоришь... — Она с трогательной задумчивостью посмотрела ему в переносицу и вдруг согласилась: — А поехали. Дома одной сейчас мне никак нельзя. Я там точно свихнусь или начну строчить заявление об увольнении. Ведь не трусила же никогда, а сегодня что-то на меня нашло...

Они поехали к нему. Там она сразу запросилась в душ, с отвращением сбрасывая с себя выпачканную в грязи и чужой крови куртку. И когда вышла оттуда в его халате, с этим дурацким тюрбаном на голове и, осторожно ступая босыми крохотными ступнями по его неделю не метенным полам, прошла мимо него к дивану, Лапина пробрало...

Так его не возбуждала еще ни одна женщина. Ни одна!!! А Танюшке хоть бы что. Вытащила из недр своей сумочки пилочку, пристроилась с ногами в углу дивана, и все свое внимание сосредоточила на ногтях. Он ушел в кухню и занялся бутербродами. Не потому, что обещал ей их, а потому что не мог спокойно смотреть на нее. Просто смотреть и не трогать.

Потом было пиво, бутерброды, нескончаемые передачи по телевизору, которые они обсуждали обыденно и как бы между делом. И больше ничего... Ничего после этого не случилось. Она ушла в спальню, оставив его в гостиной. Заперлась изнутри, подставив стул к ручке. И ни разу больше не высунула от-

туда носа. А утром она, конечно же, удрала, пока он спал.

Такая вот у них с Танюшкой получилась любовная история, которая ни разу больше не имела повторения. Они встречались на службе, трепались обо всем и ни о чем, справлялись о здоровье и успехах, но никогда не заговаривали о том, что произошло. Хотя это он считал, что произошло, потому что это его пробрало, не ее. За нее-то он ничего не мог сказать. Никогда не спрашивал, хотя, может, и стоило, дураку.

Потом было его увольнение, долгое метание в поисках себя, и Танюшку он как-то из виду упустил. Когда встретил, она была уже замужем. Кстати, за тем самым парнем, которого они отвозили в больницу...

Ниночка жила в новом трехэтажном доме в центре города. Чистые лестничные клетки с непременными кадками живых цветов на каждой площадке. Стильные почтовые ящики. Дежурная на первом этаже. На Лапина она посмотрела строго и где-то даже с подозрением.

— В девятнадцатую, — доложился Валера и, обезоруживающе улыбнувшись, пошел к лифту.

Ему в спину раздалось характерное шипение на предмет шляющихся подозрительных субъектов, после ухода которых пропадают личные вещи. Лапина это позабавило, не более.

Ниночкина дверь распахнулась, едва он поднес палец к кнопке звонка.

— У-у, противный! — мяукнула она, мазнув его по щеке поцелуем и хищно нацеливаясь на пакет. — Чего же ты так долго? Я все жду, жду.

Единственное, с чем было тяжеловато у Ниночки,

так это со словарным запасом. Все остальное было в порядке. Сегодня как никогда. Валера скользнул по Ниночке взглядом и плотоядно улыбнулся.

Длинноногая, грудастая, с грацией дикой кошки, Ниночка способна была сразить наповал уже с первого взгляда. Глаза, губы, скулы, лоб — все было вылеплено создателем с любовью и старанием. Ниночкой же все это использовалось в полную силу, о чем свидетельствовала уютная квартирка в элитном районе, дорогая стильная мебель и модные наряды.

Сейчас на ней почти ничего из этих нарядов не было. Крохотные шортики, открывающие нижнюю часть аккуратной упругой попки. Таких же приблизительно размеров топик, скрывающий разве что одни соски.

— Шикарно выглядишь, — убирая куртку в шкаф, произнес Лапин, пригладил влажные волосы и двинулся следом за Ниночкой в столовую. — Что у нас в программе вечера? Я, если честно, проголодался.

— Я поняла. — Она была молодец, она и правда все понимала с полувзгляда. — Помидоры, колбаска... Я к тому же, пока тебя ждала, поджарила на гриле картошки. Любишь?

Он сейчас все любил. Даже Нину с ее вульгарно вихляющейся задницей. Она сейчас помогала ему избавиться от неприятных воспоминаний и от чувства, что он опоздал с Танюшкой, проморгал, одним словом, нужный момент. Как было не любить за это Нину? Сейчас она его покормит, приласкает, может, что-нибудь дельное сообщит. Хотя нет... О делах он сегодня думать не намерен. Он решил сегодня отдохнуть.

Очень сноровисто Ниночка нарезала помидоры.

Красиво уложила их в салатник и залила сверху сметаной. В мгновение ока настрогала тонюсенькими лепесточками колбасу. Поставила перед ним картошку в очень стильной глиняной тарелке. Села напротив и, кротко сложив руки на столе, принялась смотреть, как он укрощает свой голод.

— А ты чего? Не хочешь? — спросил запоздало Валера с набитым ртом.

— Я голодна, но не в той связи, — молвила Ниночка и вдруг обвела кончиком языка контур своих губ.

Это должно было выглядеть очень эротично, не вспомнись ему так некстати сегодня тот единственный вечер с Танюшкой в его квартире. Сейчас его от надуманной сексуальности Ниночки замутило. Зачем же уж так-то?! И так всего отмерено в достатке, к чему прибегать к таким излишествам...

— Ты сегодня не в духе? — быстро смекнув, Ниночка произнесла свой вопрос будничным тоном, без характерных вибрирующих модуляций.

— Устал! — обронил Валера, не поднимая на нее глаз от тарелки. — Вся эта частная практика меня порядком достала, так что ты извини, если что не так. Сплошные тупики, елки зеленые...

Для Ниночки он также был частным детективом. Рисковать с другой легендой он не стал, однажды заметив, как она роется в его карманах. Ее это устраивало и интриговало, потому и старалась выболтать ему как можно больше.

— Я тоже устала сегодня. — Ниночка потерла переносицу, зевнула, вздохнула и начала рассказывать: — Уже под самый конец смены началось такое...

— Что? — Это был его дежурный вопрос, не задай он его, она продолжать не станет.

— Алкаш какой-то окочурился в своей квартире. Вызвали полицию, «Скорую»...

— А вы тут при чем?

— Так он там целый потоп устроил! То ли краны забыл закрыть, то ли утопиться хотел, черт его знает! Пришлось и нашим ребятам по вызову ехать. — Ниночка вдруг замолчала и загадочно замерцала красивыми глазами. — А там не все так просто оказалось.

— И что там оказалось?

История с опившимся беднягой его занимала мало. Валера наелся, мысли приняли совсем другое направление, да и Ниночка начала вести себя более чем прилично, так что самое время было бы пойти с ней в кровать. Но ей очень хотелось довести свой рассказ до конца. Он видел, что ее просто распирает от желания поделиться с ним последними новостями.

— А там труба дело! — весело воскликнула его осведомительница и любовница в одном лице. — Алкаш этот в дымину пьяный оказался, а не мертвый. Плавает себе по квартире в луже воды, потому что забыл закрыть краны или сорвал их в припадке бешенства.

— Почему бешенства? — вяло поинтересовался Валера, потому что должен был поинтересоваться. Ниночка снова замолкла, стало быть, ее разговорчивость следовало простимулировать наводящими вопросами.

— Оказывается, он застрелил свою жену! Застрелил ее, куда-то спрятал, а сам напился пьяный, открыл краны или сорвал их, не знаю, и уснул. Правда, перед этим еще все углы посшибал.

— Как это? — Лапин отодвинул от себя тарелку и чуть внимательнее посмотрел на Ниночку, что-то в ее рассказе ему не понравилось. Надо было срочно выяснить: что именно. Пока она еще не отвлеклась и не начала приставать к нему с ласками. — Чем же он их посшибал, углы эти?

— Башкой своей беспутной, — оповестила его Ниночка с бесшабашной улыбкой. — Там такая рана в голове, что мячик теннисный влезет.

— Ты видела, что ли?

— Да, — не отказав себе в удовольствии, брякнула она не подумавши, но, заметив, как перекосилось от брезгливого удивления его лицо, быстро поправилась: — Да меня ребята на дежурном диспетчерском автобусе домой потом повезли. Они поехали по вызову, я с ними напросилась. Ну а пока они течь устраняли, воду откачивали, я и... понаблюдала, так сказать.

Ниночка стушевалась под его пристальным изучающим взглядом. Быстро среагировав, начала убирать со стола, на разный манер демонстрируя ему свои неприкрытые прелести. Потом вытащила из пакета шампанское и сунула его в холодильник. Вымыла виноград, уложила его в вазу для фруктов и потянулась к полке с хрусталем. Все, стало быть, вступление закончено, переходим к основной части нашей программы...

— Слушай, Нинок. — Валера расслабленно наблюдал за ее метаниями по кухне-столовой, пытаясь настроиться, как и она, на романтический вечер. Пока ничего не выходило. — А с чего решили, что он жену застрелил да еще и спрятал, он же сам не мог об этом рассказать, раз валялся в луже воды с ды-

рой в голове? Что, кто-нибудь из соседей слышал выстрел?

— Да нет вроде. — Она остановилась посреди комнаты, словно споткнулась, и начала перечислять все, что ей было известно: — Выстрела никто не слышал, потому что пистолет был с глушителем.

— А где же он этот самый пистолет взял?! Да еще с глушителем? Он же алкаш, ты сказала! — История про пистолет, да еще с глушителем, ему совсем, совсем не понравилась.

— Уж где взял, не знаю, но в руке его держал, это точно.

— Как держал?! — Валера почувствовал, как у него вытягивается лицо. — Он же полумертвый был, как же он мог держать его...

— Вот так и держал! — Ниночка раскинула руки в стороны, а правую ладонь свернула кукишем. — Крепко держал. Валялся лицом вниз с пробитой головой, а в руке у него пистолет с глушителем. Из него он жену свою и того...

— Ничего не понимаю. — У него голова пошла кругом от нелепости рассказываемой ею истории и от нее самой — такой разяще привлекательной и откровенной. — Про жену-то ты откуда взяла, раз ее там нет?! Она что, звонила с того света?!

— Валера! — губы Ниночки вдруг скривились, делая ее похожей на большую разобиженную куклу. — Ты чего это, а?! Так говоришь со мной, будто я в чем виновата?!

— Ну, прости! — запоздало спохватился Лапин и, встав с места, полез с поцелуями.

Ну, все, регламент, как говорится. Пора и честь знать, не затем же пришел, чтобы ее допрашивать. Ведь собирался же посвятить вечер отдыху. Ну, да

она сама виновата, что он вспылил. Обычно даже дурацкие сводки о происшествиях освещала более толково. Все по пунктам, с чувством и расстановкой. А тут мелет ересь какую-то. Может, ей проще запротоколированные происшествия пересказать, чем самой сложить увиденное и эмоции в предложения? Черт его знает! Может, просто перепугалась. Чего тогда поперлась туда? Из любопытства?..

— Я хотела быть тебе полезной, — нежно всхлипнула Ниночка, очень быстро забывшись в его объятиях. — Как услышала в сообщении о пистолете с глушителем, дай, думаю, съезжу. Может, это как раз тот самый убийца из гостиницы. Там тоже выстрела никто не слышал, значит, был глушитель.

Рациональное зерно во всех ее рассуждениях, конечно же, было. Но что-то слабо верилось Лапину, чтобы какой-то законченный алкоголик поперся в гостиницу с целью убийства, причем так хорошо спланированного убийства. Да нет же, конечно, нет! Там же была женщина, причем толстая!

— Он, этот парень с пистолетом, — не унимался Лапин, увлекая Ниночку в ее роскошную спальню, — он какой из себя? Худощавый, толстый?

— Толстый! — Ниночка утробно хохотнула, освобождаясь от топика. — Какой толстый?! Дрыч он! Как есть дрыч!

Значит, снова мимо...

— А как все-таки про жену-то узнали? Видел, что ли, кто? — Это был последний вопрос, который он успел задать, прежде чем упасть на лопатки в ее широченную кровать.

— Нет. Подруга жены там была. Ее допрашивали. Она сильно плакала и все кидалась на носилки, на которых этого пьянчужку выносили. С ее слов и ре-

шили, что жену он укокошил. Пропала она, что ли, куда-то... Валерочка, мы забыли шампанское! Неси скорее, я так хочу тебя!!!

На этом с докладом о происшествиях в городе было закончено.

Валера принес охлажденное шампанское с бокалами, вернулся за вазой с виноградом. Потом умело стрельнул пробкой в потолок, и все пошло по известному заранее сценарию.

История, которую поведала ему Ниночка, взволновала его мало. Мало ли такого происходит сейчас? К нему она не имела никакого отношения. Пускай этим делом местные пинкертоны занимаются. У него своих невпроворот. Не станет он больше этим интересоваться.

Наутро, простившись с Ниночкой и поцеловав ее в припухшую со сна щеку, он ни о чем таком и не помышлял вовсе. Но когда через час ему позвонили из местного отдела и сказали, что пойман подозреваемый в убийстве его клиента да еще с поличным, ему сделалось нехорошо...

ГЛАВА 9

Владик Любавский сильно нервничал. Нервозность свалилась на него как ком рыхлого снега на голову. Свалилась со вчерашнего вечера и никак не хотела отпускать. Как мог, пытался развеяться. Сегодняшним вечером после работы поехал в элитный ресторан. Заказал себе кучу разной еды, останавливая свой выбор на самых изысканных блюдах. Го-

роховый суп его Елизаветы уже не лез ему в горло. А она словно нарочно продолжала готовить его изо дня в день.

Он лениво понаблюдал за полуголыми артистками на крохотном пятачке эстрады. Нашел, что из четырех лишь одна достойна внимания. Потом с полчаса слушал пожилого пианиста, поаплодировал ему, выкурил дорогую сигару. И лишь после этого поднялся из-за столика. В гардеробной ему подали его дорогое пальто. Пристроив его на плечи, не вдевая в рукава, Влад вышел на улицу. И вот стоило ему только переступить облицованный мрамором ресторанный порог, как приятная нега улетучилась, словно ее и не бывало. Опять то же самое неприятное ощущение, скользящее морозом по затылку.

«Неужели за мной следят?» — подумал Влад, открывая машину и устраиваясь на водительском кресле. Кто? Хорошо, если это Лизка. Та в последние дни просто с катушек спрыгнула от ревности и недоверия. Могла она начать за ним слежку, руководствуясь этими причинами? Могла!

С утра они почти не разговаривали. Она угрюмо следила за тем, как он без аппетита поглощает вязкую овсянку, запивает ее соком и, поспешно сунув в рот бутерброд с колбасой, вылезает из-за стола. Он не поблагодарил ее за завтрак, не поцеловал перед уходом, как делал это прежде. А зачем? Он уже успел поставить крест на их отношениях, к чему тогда делать хорошую мину при плохой игре. Днем он, правда, дважды пытался дозвониться домой, но Лиза трубку не взяла. То ли отдыхала, то ли ее просто-напросто не было дома. Второй вариант Владу подходил больше. Если ее нет дома, значит, она запросто могла за ним следить. Уж лучше пусть

это будет она, чем кто-нибудь другой. Возможность второго варианта нагоняла на него такого страху, что мгновенно покалывало сердце и начинал ныть правый бок.

Зачем за ним кому-то следить? Он никому дорогу не перебегал. Никого не трогал. То, что собрался развестись со второй женой и уйти к первой, еще не причина для того, чтобы совершить над ним насилие. А он это чувствовал! Каждым нервом своим чувствовал: что-то затевается. Уж чем-чем, а звериным чутьем Влад точно мог похвастаться.

Он задолго начинал ощущать сгущающиеся тучи над своей головой. Это его прославленное чутье помогло ему остаться живым в то время, когда он еще был женат на Ольге. Он сразу понял, что пора сваливать. Как знал, что его непременно будут искать, убеги он без легенды. Вот и пришлось прикидываться покойником. То есть план этот возник у него голове как-то сам собой, стоило ему наткнуться на того утопленника. Корчась от рвоты и болезненных спазмов в желудке, стараясь не смотреть в изъеденное раками лицо, он переодел труп в свои тряпки и снова пустил по течению.

Все! Теперь он покойник. Теперь его уж точно никто не станет искать. И его долг спишется на этого несчастного малого, что утонул за него или для него в этой реке.

Вернуться к жизни ему труда особого не составило. Сделать документы он сумел без проблем, продав кое-что из Ольгиных вещей и побрякушек. Потом встретил Лизу и понял: это то, что ему как раз и нужно на тот момент.

Она была такой же авантюристкой, как и он. Только с куда большим опытом, средствами и умением

плавать в таких высших сферах жизни, что у него порой даже дух захватывало от ее бесшабашной удали. Но все сходило. Все шло успешно. И тут вдруг такой удар судьбы...

Влад медленно ехал по улице, то и дело просматривая в зеркало пространство за своей машиной. Вечерняя улица была пустынна, но ощущение, что ему кто-то дышит в затылок, не проходило.

А могла Лизка, скажем, задумать избавиться от него?! Сила ее ненависти прямо пропорциональная силе ее страсти, это он знал не понаслышке. Но вот могла она, наплевав на их общее прибыльное дело, пустить все под откос из-за этой самой ненависти?! А черт его знает! Он же никогда прежде не имел дело с беременными бабами, кто знает, что может быть у них на уме...

Влад долго колесил по городу. Подолгу простаивал на светофорах, пока сзади ему не начинали отчаянно сигналить. Поднимал каскад сверкающих в свете фонарей брызг, омывая протекторы в самых глубоких лужах. Дважды останавливался у супермаркетов и снова с напряженным вниманием просматривал улицу. Никого он не заметил. Никого! Тогда что так гложет его душу?! Что за дрянь такая выедает ему внутренности, уж не совесть ли? Тут Влад помимо воли тихонько рассмеялся. Нет, с совестью у него было как раз все в порядке, у него ее просто-напросто не было. Отсутствует совесть, как всегда говорила о нем его Ольга.

Вспомнив об Ольге, он снова поскучнел. Какого черта понадобилось ему тогда с ней так поступать?! Она бы все поняла и все простила, расскажи он ей правду о своей жизни и смерти. Нет же, счел это лишним тогда, хотя и был удивлен силе ее горя.

Скольких бы проблем он был лишен сейчас, не числись с тех пор официальным покойником.

Влад не помнил, когда и как он машинально завернул к дому, где жила Ольга. Он подъехал к стоянке и тут же увидел крохотную малолитражку напротив ее подъезда. Свет в ее окнах горел.

Дома, подумал Любавский и неожиданно почувствовал странное волнение, как если бы собирался на первое свидание с девушкой своей мечты. Смешно! Может, он и мечтал сейчас об Ольге, но совсем не в той связи, чтобы вот так волноваться. Да и свиданий у него с ней было без счету. К тому же назвать свой теперешний визит к ней свиданием он не осмелился бы. Ни тебе цветов, ни какой бы то ни было бутылки вина.

— Черт! — молвил в раздражении Любавский и забарабанил пальцами по баранке руля. — Надо было подготовиться.

Подготовиться следовало бы, если задумал осуществить свой план в обход Лизки. Ольга ведь не железная, хотя и корчит из себя непонятно что. Она быстро растает под его натиском. Она еще не знает, каким он может быть. А он будет, ему так надо! Да и ей, дурехе, тоже. Она же, как говорится, счастья своего пока не знает. Так он направит ее. Подскажет, если возникнут вопросы.

А цветы... Цветы, конечно же, надо было купить. Но не ехать же теперь обратно, коли уже стоит напротив ее подъезда. Как-нибудь потом, в другой раз купит. И вина, и конфет. А сейчас ему просто некогда возвращаться за покупками. Да и Ольгу не терпелось увидеть как можно скорее. Она умная, она подскажет, если что. Да и утешить она может. А ему этого сейчас ох как не хватало. Жжение-то в затыл-

ке не проходит, а это верный признак того, что надо ждать беды.

Влад выбрался из машины. Тихо захлопнул дверцу и, отключив звук, поставил машину на сигнализацию. Ни к чему шуметь. Лишнее внимание ему не нужно. Он поднял глаза к ее этажу. Свет попрежнему полыхал во всех окнах. Чего-то ей сегодня не спится. Добрая половина дома была погружена во мрак, что было и неудивительно, время двигалось к полуночи. А у нее свет везде горит...

Осторожно ступая по двору, старательно избегая освещенных мест, Влад двинулся к подъезду, в котором жила Ольга. Грязь противно чавкала под ногами. С неба сыпало той непременной ноябрьской мгой, что оседала на лице холодной липкой маской. Влад поежился и вдел руки в рукава пальто. Дошел до подъезда, потянул на себя скрипучую дверь и тут же в страхе отпрянул к самой стене. Прямо на него из подъезда выдвинулось что-то огромное и темное, устрашающе и шумно дыша. Теперь уже не только затылок, а все тело сковало морозом, а легкие перестали выдавать дыхание. Воздух просто-напросто застрял в горле, которое распухло в считаные секунды.

Кто-то ломился из подъезда с силой буйвола. Ломился прямо на него. Кто это мог быть?!

Влад так испугался, что не мог допустить мысли, — да кто угодно! Любой из жильцов любой квартиры любого из этих «хрущевских» пяти этажей. Либо жилец, либо гость.

Он так не подумал. Он подумал о другом. Ему сразу вспомнилось жаркое лето на уральской реке и горячие парни, решившие начать большой бизнес почти на голом месте. И еще вспомнилось, как он ки-

нул этих самых парней с их надеждами, с их мечтами об обеспеченном будущем. Кинул и затем обвел вокруг пальца. А ведь так же боялся, как и сейчас. Так же покрывался мерзким липким потом, когда бежал той ночью из поселка, вслушиваясь в шелест листвы придорожных кустов и жесткой саблевидной травы.

Сейчас он не бежит. Он стоит, плотно прижавшись содрогающейся от ужаса спиной к шершавой бетонной стене дома, и ждет. Какого черта ждет, он и сам не знает. Надо бежать! Бежать, как и той ночью, не оглядываясь и оставляя за собой все свое перечеркнутое прошлое.

Исчезнуть! Вот то, что ему сейчас было нужно! Исчезнуть, сдохнуть, как в прошлый раз. Сдохнуть и переждать какое-то время, пока тут все без него разберутся. Ольга, Лиза, кто-то еще, кто крепко дышит ему в затылок и мешает жить в предвкушении обеспеченной старости. А ее может и не случиться, этой самой старости, если он...

Звериное чутье Влада Попова, ныне Любавского, никогда его не подводило. Оно всегда помогало ему выжить и упредить опасные темные силы. Оно заранее предупреждало его о надвигающейся беде. Заранее... Нужно было просто не пропустить, уловить этот сигнал. Любавский не сумел.

Он все правильно понял, но ничего не сумел предпринять.

Огромное бесформенное тело, кажущееся ему черной глыбой, ударило с силой о дверь, вываливаясь из подъезда. Наверняка ногой ударил, успел подумать тогда Влад. Точно ногой, потому что он еще успел заметить летящий ему в лицо тупорылый носок мужского ботинка.

За секунду до того, как хрустнули хрящи его великолепного носа, Любавский не к месту подумал, что Ольга теперь наверняка расстроится...

ГЛАВА 10

После смерти Попова, которую она пережила тяжело и остро, Ольга и думать не могла, что в ее жизни может случиться что-то еще более ужасное. Что-то такое, что придавит ее к земле, уложит на обе лопатки, распластает и сделает такой уязвимой и никчемной, что весь мир покажется крохотной светящейся точкой в конце глубокого нескончаемого тоннеля...

Все именно так и произошло.

Стоило им с Александром зайти в квартиру Ксюши и увидеть на полу бездыханного Леху с пистолетом в руке, как Ольга тут же поняла — вот оно, настоящее горе, вот оно случилось. Все, что было прежде, оказалось мелким и несущественным перед лицом трагедии, которую пока еще не в состоянии был осмыслить ее мозг.

Она что-то говорила Александру, куда-то его отсылала. Кричала на него и била, кажется, в его тугую грудь, упакованную в кожу, крепко сжатыми кулаками. Потом долго и бестолково объяснялась с полицией. Наверное, сильно плакала и обвиняла Леху в убийстве Ксюши. В нее тут же вцепились сотнями вопросов, на которые она, увы, не могла ответить.

Что она могла знать?! И что сказать?! Что не напрасно у нее ныло сердце? Что она что-то подобное

предчувствовала? Так это для них — для полицейских — всего лишь эмоции, не подкрепленные фактами. Им нужны были факты! Доказательства! А этого у нее как раз и не было. Одни разодранные горем в клочья эмоции. Она совсем забыла про бедного Мишку, который сидел запертый в машине и страдал. А когда вспомнила, то горе ее стало во сто крат сильнее.

Еле выпросив разрешения у оперативников на то, чтобы взять личные вещи ребенка, она на негнущихся ногах пошла к своей машине.

Мишка успел задремать, то ли от переживаний, то ли от усталости. Он свернулся клубочком на заднем сиденье. Сладко посапывал в сложенную лодочкой шапку и ни о чем не догадывался. О том горе, которое свалилось на него, не предупредив, так рано.

Дверь машины, которую Ольга со всеми предосторожностями открывала, его разбудила.

— А где мама, Леля? — первым делом спросил он у нее, потирая кулачками заплаканные глаза. Конечно, ему было тут страшно без нее, и он, конечно, плакал, а потом уснул.

— Маме пришлось уехать, Мишуня, — быстро проговорила Оля и завела машину, ей необходимо было как-то отвлечься сейчас и от собственной боли, и от того горького непонимания, которым сразу наполнились Мишкины глаза.

Она быстро поехала со двора.

— Дядя Саша не подходил к машине? — спросила она у ребенка, чтобы просто услышать его голос.

Дядю Сашу она отослала еще до прибытия полиции, к машине она ему тоже запретила подходить. Он долго спорил с ней и пытался остаться, но Ольга настояла на своем.

— Ты представляешь себе, что такое полицейский допрос?! — заорала она на него, отчаявшись прогнать.

— Нет, Оленька, не представляю. А ты? — Он жалобно, как на больную смотрел на нее, на ее истеричные метания по подъезду и по двору, пытался что-то говорить и делать, но все было бесполезно. Достучаться до ее сознания он не сумел, она сейчас больше напоминала безумную, нежели всегда спокойную хорошо знакомую ему Ольгу. — Ты хочешь сказать, что ты знаешь, что такое полицейский допрос?

— Да! Знаю! И потому тебе лучше здесь не быть! Убирайся!!!

И вот тут она начала бить его.

Била больно, зло, с силой опуская ему на грудь крепко сжатые кулаки и без конца повторяя, чтобы он убирался. Кричала, что полиции только дай повод и она тут же начнет требовать от него алиби. Какой-то резон в ее словах был, потому что у нее лично про ее местонахождение в предполагаемый момент разыгравшейся трагедии спросили сразу же.

Саша послушался и ушел. А она потом пожалела, что отпустила его. Как только вошла в свою квартиру, раздела Мишку и разделась сама, так сразу и пожалела.

Тишина в квартире была угнетающей. Ольга включила телевизор, но Мишка попросил выключить, сказав, что у него болит голова и глазки. Сел в уголок ее дивана, сложил ладони на коленках и принялся настороженно следить за тем, как она мечется из комнаты в комнату не в силах вспомнить, что же собиралась сделать.

— Леля, я кушать хочу, — вдруг сказал Миш-

ка и полез с дивана на пол, беря направление на ее кухню, где ему был известен каждый уголок.

Оля обрадовалась хоть какому-то занятию, способному ее отвлечь.

Они вытащили из холодильника пакет молока, масло, решив, что станут варить манную кашу. От сосисок и замороженных котлет Мишка решительно отказался, остановившись на манной каше с вареньем. Ольге есть не хотелось, но, ради отвлекающего маневра, начала жарить котлеты, выкладывая их со сковороды, шипящей маслом, огнедышащей горкой в глубокую миску.

Мишка давно поел. Набрал игрушек, которые специально для него держала в своем доме Ольга, и ушел в ванную купаться. Там он мог просидеть от часа до трех, если его не вытащить. Обычно ему такая вольность не прощалась, но сегодня все было по-другому. Ольга лишь вбегала время от времени, чтобы добавить ему в ванну горячей воды.

Гора котлет все росла, масло в бутылке убывало, а... Ксюша все никак не возвращалась.

Начав жарить эти проклятые котлеты, которыми регулярно ее снабжала мама, Ольга упрямо вынашивала в душе надежду, что вот сейчас она закончит с готовкой и Ксюха явится. Явится, шмыгая аккуратным носиком и заправляя за уши непослушные пряди шикарных волос. Будет виновато коситься на нее и благоразумно помалкивать. Потом проскользнет мимо нее, ворчащей, в кухню и начнет хватать котлеты прямо с блюда и есть их, обжигаясь, прямо так, без хлеба. А потом они вместе ввалятся к Мишке в ванную и, поймав обрадованный сияющий всплеск в его детских глазах, начнут та-

щить из воды. Путаясь руками, станут кутать его в полотенце и теплый Ольгин халат...

Ничего этого не будет. Ни Ксюши, ни радости Мишкиной не будет. Ничего! Ксюша не вернется, потому что с ней случилась беда. Откуда эту самую беду нанесло, Ольга не знала.

Был, конечно же, Леха с пистолетом, распластавшийся в луже воды на собственном полу. Было предположение, что он что-то такое сотворил страшное. Но все это уже было в прошлом.

В тот момент, утром, когда Мишка рассказал ей о пистолете, она мгновенно уверовала в то, что Леха способен на что-то страшное. Когда увидела его в его же собственной квартире, она все еще верила в это. И даже полиции сбивчиво твердила о чем-то таком. Но сейчас... Сейчас, когда первый шок от всего происшедшего у нее начал понемногу проходить, Ольга вдруг поняла, что не верит этому.

Острая, отдающая в подреберье боль постепенно сменилась тупой и не проходящей, что разлилась сейчас по всему телу и выкручивала ей мышцы и суставы. Такое с ней было и после Попова. Врачи долго лечили ее, пичкали всякой дорогостоящей лекарственной дрянью, совсем не понимая, что самым лучшим лекарством для нее было совсем другое. Огромную бы порцию откровенной радости, помноженную на хорошую дозу облегчения, вот тогда бы все сразу встало на свои места. И тело бы не ныло, словно его пропустили через камнедробилку. И глаза бы не щипало от невыплаканных слез. Только где ее взять сейчас, эту радость?..

— Леля, спать хочу, — заявил Мишка, когда она потащила его из ванны, закутав в свой халат с голо-

вой. — Молока и спать. Только я с тобой буду спать, я боюсь.

Я тоже, хотелось ей добавить, но она лишь ободряюще улыбнулась мальчику. Вернее, ей хотелось так улыбнуться ему, а уж как вышло, бог его знает.

Оля быстро разобрала свою кровать, надев на Мишку пижаму, уложила у стенки. По самый нос укрыла его одеялом и еще с полчаса рассказывала потом ему сказки. Наконец он уснул, и Ольга пошла в ванную. Выловила из остывшей воды все его игрушки. Вытащила пробку и долго наблюдала за тем, как стекает в образовавшуюся воронку мыльная вода. Потом приняла душ, натянула на себя теплую байковую пижаму в крупную клетку, на ноги шерстяные носки и, накинув на плечи пуховую мамину кофту, пошла на кухню.

Котлеты стояли нетронутыми на обеденном столе. С ними надо было что-то делать. Она растерянно постояла у стола, потом взяла себе тарелку с вилкой, попутно поставила чайник на газ. Есть совершенно не хотелось, но съесть следовало хоть что-нибудь. Ей нельзя теперь расслабляться, она теперь не одна, у нее теперь Мишка. Завтра нужно не проспать и отвезти его в садик. Вечером не забыть забрать. Еще нужно было отработать целых восемь часов, старательно делая вид, что ничего не случилось.

А этот Евгений Евгеньевич как в воду смотрел, брякая что-то насчет того, что всем воздастся. Накаркал, стало быть!..

Чайник давно призывно посвистывал. Развороченная котлета вместе с хлебными крошками лежала нетронутой на тарелке и безнадежно остывала, а Ольга все сидела, не шевелясь.

Первый раз с того дня, как мама переехала жить

в деревню, она пожалела, что осталась одна. Раньше ее это вполне устраивало. Первое время она просто наслаждалась одиночеством. Она могла проспать до полудня в выходной день. Могла не вымыть с вечера посуду. Или ограничиться бутербродами в обед, а не готовить обязательный борщ или лапшу. Лапша, кстати, непременно должна была быть домашней. Ее следовало замешивать с вечера, долго натирать, потом раскатывать и тоненько строгать и сушить затем на большой деревянной доске. И лишь за час до полудня следующим воскресным днем засыпать в свежий золотистый куриный бульон... Ольга так не могла. Она не была ленивой никогда, но такая размеренная обязательность нагоняла на нее тоску. Сейчас ей отчего-то так не казалось...

Ее мама была очень непростым и очень проницательным человеком. Чье-то слово или чей-то поступок она всегда подвергала тщательному анализу. Находила мотив и подводила под ею же самой выдуманную формулу, определяющую истинную сущность человека. Ольгино изумление она игнорировала. А вопрос: зачем ей это нужно, оставляла, как правило, без ответа. Наверное, она просто не могла по-другому. Или это было ее своеобразным хобби. Кто-то коллекционировал открытки, кто-то машины, а ее мама коллекционировала человеческие поступки и мотивы, их спровоцировавшие.

Что бы она сказала, узнай о случившемся? Каким бы мотивом руководствовалась, анализируя Лешкин поступок?

Ольге вдруг до зуда в ладонях захотелось ей позвонить и рассказать обо всем. И о Ксюшке, и о Мишке, который спит сейчас в ее постели, уткнувшись пухлыми щеками в ее подушку. И про

Влада не смолчать. И даже про то, что переспала с ним, Ольга непременно бы ей рассказала. Мать бы наверняка ее поняла. Она же все и про всех понимала. Поняла бы и про нее. Про то, что Ольга до сих пор по-своему привязана к этому мерзавцу. Может, даже и любит его, правда, совсем немного. Почему немного? Потому что, кажется, частично унаследовала от матери ее великолепную особенность рассуждать здраво.

Он бессовестный, бесчестный человек. Она не может и не должна... даже думать о нем. Но почему же тогда, черт возьми, думалось?!

Нет, надо позвонить маме и все ей рассказать. Такую ношу нести в одиночестве она не способна. Не настолько она сильна, чтобы выдержать все это в одиночку. Мама непременно во всем разберется сразу.

Разобралась...

— Мама!!! Ну что ты такое говоришь?! — Ольге на глаза навернулись слезы, такой разбор полетов ей был не нужен. О таком она даже в самых страшных своих предположениях не могла помышлять. — При чем тут Ксюша?!

— При том, что никто ее не убивал, дорогая. Тебе нужно успокоиться и взять себя в руки, — продолжила свою назидательную речь мама, методично постукивая пальцем по телефонному аппарату. Была у нее такая привычка, сопровождать свой менторский диалог постукиванием указательного пальца.

Перед этим она молчала долгих пять минут, слушая сбивчивый рассказ Ольги о постигшем их с Мишкой горе. Про Влада она рассказать ей так и не успела. И ни разу потом не пожалела об этом,

потому что мама начала говорить ей страшные вещи про Ксюшу, подкрепляя при этом каждое свое слово разумным объяснением. Ольге сделалось жутко от того, что она ей говорит, и еще более жутко от того, что мать может оказаться права, как всегда.

— Она не могла!!! Мама, ты просто ее не знаешь!!! — Ольга нервно дернула за телефонный шнур и едва не свалила аппарат со своих коленок.

— Это ты так думаешь, дорогая, — спокойно парировала мать, продолжая постукивать пальцем. — Я уже давно для себя составила приблизительный портрет твоей подруги. Поэтому с твердым убеждением могу заявить тебе, что этот несчастный алкоголик ее не убивал. А как раз наоборот.

— Что наоборот?! Ну что ты такое говоришь?! Она не могла!!! У нее же есть Мишка!!! — Она начинала по-настоящему злиться на мать, но закончить разговор, сославшись на нехватку времени, тоже не могла. Она сама подняла мать с постели в половине шестого утра, теперь приходилось терпеть и слушать.

— У нее есть ты, дорогая, прежде всего. Она знала, что ты его не бросишь. К тому же ты слышала про состояние аффекта? — Не дожидаясь ответа дочери, она начала объяснять: — Это когда поступки или преступления совершаются в очень возбужденном состоянии, которое провоцируется...

— Мама! Прекрати! Я все знаю про состояние аффекта! — повысила голос Ольга, она терпеть не могла, когда мать начинала цитировать ей толковый словарь Даля. — Ксюше некогда было впадать в это самое состояние! Она же была на работе!

— Да, а после поехала домой за вещами. Она же собиралась?

— Да, собиралась. Но собиралась вместе с Мишкой, — выдвинула Ольга слабый довод, который совсем не являлся фактом.

— Ничто не мешало ей передумать. Как раз наоборот, умная женщина не потащила бы в дом ребенка, заведомо зная, что в доме может быть его отец в невменяемом состоянии. Ксюша умная женщина, — мать упорно не говорила о подруге своей дочери в прошедшем времени. — Она поехала домой одна. А там муж в состоянии, которое стало для него нормой с некоторых пор. К тому же еще и с пистолетом, который он неизвестно где мог взять и использовать непонятно как. Он же долгое время отсутствовал перед этим, так кажется?

— Да. — Ольга прислушалась к неясному шуму за дверью спальни и чуть понизила голос: — Он постоянно пропадал. А возвращался, как правило, в куда худшем состоянии, чем прежде. В этот раз все было по-другому. Он вернулся шикарно одетым, в прекрасном настроении и к тому же еще с подарками.

— Вот видишь, дорогая! Я права! — сразу обрадовалась ее мать и, на минуту прервав постукивание пальцем по аппарату, подавила невольный зевок. — Извини, я так рано не поднимаюсь... Так о чем мы с тобой?.. Ах, да! То, что ты мне сейчас сказала, еще раз свидетельствует в пользу этого бедняги. Леша не виновен в исчезновении твоей Ксюши. Скорее всего, она убежала, испугавшись того, что убила его. И сейчас где-нибудь скрывается. А Леша всего лишь жертва.

— Ма, ну я прямо не знаю... — Оля озадачилась, потом снова бросила короткий взгляд на дверь спальни. Шум оттуда стал ощутимее. Видимо, Мишка проснулся и теперь ворочается без сна, дожида-

ясь ее возвращения. — Если Лешка жертва, то откуда у него пистолет, да еще с глушителем?

— А вот этого я не знаю, — серьезно заявила мама. — Об этом было бы удобнее всего спросить у него, но раз он в бессознательном состоянии, это вряд ли возможно. Но это опять-таки объясняет многое. Первое — его рану на голове. Наверняка твоя подруга, испугавшись его с пистолетом в руке, приняла какие-то меры предосторожности. Может, он угрожал ей или что-то в этом духе... Н-да, пистолет, конечно же, все портит... Мне нужно подумать, дорогая. Сейчас еще очень рано, мысли путаются. И я опять-таки не знаю всех обстоятельств. Одно могу сказать с полным убеждением — с твоей Ксюшей все в порядке. Не переживай за подругу, собирайся на работу. Тебе нужно быть пособраннее, раз ты теперь на виду. Ты у меня молодец, дорогая! Я всегда знала, что толк из тебя будет. В личной жизни, правда, не все так складывается, как мне того хотелось бы... Но, думаю, у тебя все еще получится. Кстати, ты не помирилась с Александром?

О романе дочери с Сашей мама знала и всячески приветствовала развитие их отношений. Саша казался ей стабильным, серьезным и вполне способным содержать семью в нелегких теперешних условиях. Она не понимала, почему Ольге ее единственный и главный довод о том, что за ним она будет как за каменной стеной, не кажется серьезным. Она отметала любые возражения дочери, находя их романтическими бреднями.

— Ты любила Попова, что тебе это дало? — восклицала она, когда Ольга начинала свое вечное нытье о чувствах, вернее, об их отсутствии. — Кроме горя, ничего! А Саша...

И Сашины достоинства начинали возноситься до небес.

Когда мать так вот говорила о нем, Ольге и впрямь начинало казаться, что не все так плохо. Что пройдет какое-то время, и все изменится, и она привыкнет. Его неторопливость перестанет раздражать ее. Она стерпится с его внешностью, которую мать в свойственной ей манере мягко именовала неяркой. И даже тот факт, что ей не нравилось ложиться с ним в постель, не будет казаться ей столь пугающим. Но время шло, а ничего не менялось. Нет, рядом с мамой все было нормально. Но стоило Ольге вернуться к себе в городскую квартиру и снова увидеться с Сашей, как неприязнь липкой паутиной снова опутывала ее с головы до ног.

— Оля, что ты молчишь? Я, кажется, задала тебе вопрос! — мать слегка повысила голос и громче забарабанила по телефону. — Вы не помирились с Сашей?

— Я не знаю, как это называется, мам. Я попросила его о помощи, он откликнулся. Считать ли это перемирием или нет... Да мы и не ссорились особенно. — За дверью спальни раздался глухой стук об пол, и Мишкины босые ноги отчетливо зашлепали по половицам. — Кажется, ребенок проснулся. Мы будем собираться, мам. Я тебе перезвоню...

Трубку она положила с явным облегчением. Наверное, не стоило ей звонить. Теперь, когда мать все узнала, покоя Ольге не видать. Она начнет думать, анализировать, звонить ей каждый вечер и подолгу обсуждать возможные версии. А чего обсуждать, если ничегошеньки пока не ясно?! Оставалась, правда, призрачная надежда на полицию. Может быть, они что-то сумеют узнать? Не дураки же там

сидят, в конце концов. За что-то же люди получают зарплату, звездочки на погоны, льготы и дотации от государства. Пусть иногда их методы не совсем казались ей приемлемыми, но это происходило, наверное, в полном соответствии с пословицей: лес рубят — щепки летят.

Они непременно должны что-то да выяснить. Пусть и была она в полуобморочном состоянии вчерашним вечером, когда металась из квартиры на улицу и обратно, все равно успела заметить, с какой профессиональной деловитостью подошли к делу приехавшие полицейские. И понятых сразу, и перчатки почти хирургические на руки, и осторожность при перемещении по разгромленным комнатам — все это присутствовало. Потом даже фотоаппарат был со вспышкой и эксперт-криминалист, который особенно поразил Ольгу. Она-то по наивности полагала, что все это бывает только в кино. Всякие там чемоданчики с кисточками и растворами. Оказалось, что ошиблась. Был и чемоданчик, и усталый дядечка был, поглядывающий на нее сердито, словно это она виновата в том, что ему так смазали конец рабочего дня.

Нет, они точно что-нибудь да узнают. И уже сегодняшним днем Ольге об этом будет известно. Она попросила их о встрече в свой обеденный перерыв, хотя парни с погонами настаивали на раннем утре. Ольга уговорила, сославшись на чрезмерную занятость. На самом деле ей просто не хотелось отпрашиваться у Евгения Евгеньевича. В первый день своего нового назначения опоздала почти на полдня. Во второй отпрашиваться... Нет, не нужно доставлять ему еще большую радость, чем та, которую он испытал вчера, не обнаружив ее на рабочем ме-

сте. К тому же Влад снова начнет выражать недовольство.

Ох уж этот Влад!..

Ольга мгновенно поскучнела. До сего момента она лучезарно улыбалась Мишке, которого одевала в прихожей, сидя перед ним на корточках. А тут мгновенно все заныло внутри.

Что ей с ним теперь делать, с этим Владом?! Как поступить?! Его настойчивость была сродни атаке моторизированной бригады спецназа. С ходу быка за рога. И никакие ее проблемы его не волнуют, потому что он соскучиться успел. И про жену беременную как-то уж очень быстро позабыл. И если учесть, что накануне он сильно печалился о ее спокойствии, пугаясь огласки и все такое, то потом...

Потом, не особенно мучаясь угрызениями совести, быстренько побывал в постели у первой жены. Повысил в должности, настаивает на новом свидании. Что это? Дремавшие до поры чувства вновь пробудились ото сна и всколыхнулись с новой силой? Банально звучит и неправдоподобно. Нет, может, с кем-то это могло запросто произойти. С кем-то, но только не с ее бывшим мужем. Он не мог вот так в одночасье возлюбить ее с прежней силой. Позвольте, а с какой прежней силой, если он сказал, что и не любил ее никогда, как требовалось для счастливого существования под одной крышей. Тогда что ему от нее нужно? Что-то ведь было нужно, не напрасно же он все это затевал.

Кошмар! Мало ей забот с пропавшей Ксюшкой, так еще голову ломать над тем, что затеял Владик. Ей нужно так выстроить оборону, чтобы не попасться в расставленные силки. В чем, в чем, а в этом он был виртуозом! Как вчера припер ее к двери... Знал,

мерзавец, что у нее в тот же миг коленки задрожат. Да он все про нее знает. Все, вплоть до того, что она до сих пор от него без ума. Или все напридумывала себе, одурев от одиночества в холодной пустой квартире?..

Ох, господи, дела твои тяжкие. Как же во всем разобраться? А разбираться, по всей видимости, придется. Мишка вон и тот понимает, что нельзя все это оставлять, и в свойственной его возрасту наивной манере стребовал с нее обещание непременно вернуть ему маму и папу...

Они спустились по лестнице по гулкому, заледеневшему за ночь подъезду и вышли на улицу.

— Леля, снег! — Мишкина мордаха расплылась в довольной улыбке. — Бабу будем лепить! Хорошо.

Хорошего Ольге в такой погоде виделось мало.

Снега за ночь навалило много. Он лежал тяжелыми ноздреватыми шапками на скамейках, деревьях и тротуарных бордюрах. Ее машинка сейчас напоминала маленького верблюжонка, укрытого от пронзительного ветра теплой попонкой. С крыш текло, по-весеннему выбивая в выпавшем за ночь снегу глубокие кратеры. К обеду все это белоснежное великолепие начнет безжалостно таять и гнать по улицам ледяные ручьи, в которых будут тонуть горожане, проклиная неустойчивое межсезонье и хлипкую европейскую обувь. А к вечеру может неожиданно похолодать, и не успевший растаять снег превратится в острые хрустящие торосы. Глубокие лужи схватятся тонкой пленкой непрочного ледка, разламывающегося с карамельным треском. Хотя мороз может хрястнуть такой, что лужи мгновенно промерзнут до самого дна, и это станет новой бедой для бедняги горожанина. Он начнет скользить

и падать, выворачивать лодыжки и тянуть сухожилия, проклиная теперь уже зиму, которая, как всегда, нагрянула неожиданно.

Ольга с тоской посмотрела в хмурое небо, не предвещающее ничего хорошего на грядущий день, кроме разве что налипающего на лицо и одежду мокрого снега. Потом повыше подняла воротник куртки и наглухо застегнула «молнию». Надо было дубленку надевать, конец ноября как-никак. Тут еще некстати вспомнилось, что им до сих пор так и не включили отопление и резину она не успела поменять на машине на зимнюю. Если к вечеру грянет мороз, беда будет.

— Пойдем, Леля, — Мишка нетерпеливо дернул ее за руку и потащил к машине. — Она в снегу, Леля. Будем чистить?

Он на ходу полез в рукава, куда успели уползти его мохнатые варежки, пришитые к резинке. Варежки были надеты, в руки была вложена аккуратная маленькая лопатка, которой Оля обычно чистила снег, и дело пошло. Она сгребала щеткой с крыши и стекол тяжелые пласты снега. Мишка суетливо помогал ей, сноровисто орудуя лопаткой.

— Хорошо я делаю, Леля? — время от времени спрашивал он у нее, поднимая на нее озабоченную мордашку.

— Отлично, молодец! — хвалила она его, искренне радуясь тому, что он не задает ей больше вопросов о матери и отце. — Сейчас мы с тобой уже поедем. А то опоздаем на завтрак...

Они прибыли задолго до завтрака. Быстро переодев Мишку и посовав в его шкафчик одежду, Оля проводила его до группы и расцеловала в разрумянившиеся от усердия щечки.

— Пока, милый. До вечера. — Она поправила на нем рубашечку, заправляя ее в шорты. — Будь умником и слушайся воспитательницу.

Воспитательница стояла тут же, жалостливо наблюдая за их прощанием. Садик находился за квартал от дома, где жила Ксюша с семьей. Новости распространялись в этом микрорайоне, как и везде, со скоростью света, характерно обрастая щемящими душу подробностями. Эти самые подробности наверняка достигли с утра ушей Мишкиной воспитательницы, отсюда и столько скорби в ее взгляде.

Оля поставила Мишку у дверей, еще раз поцеловала его в вихрастую макушку и, приложив палец к губам, адресуя сей жест сердобольной воспитательнице, ушла.

На работу она попала вовремя. Быстро разделась, пригладила волосы перед зеркалом и, заслышав шаркающую поступь своего босса, быстро села за свой стол у окна.

Евгений Евгеньевич сухо поздоровался, потом швырнул стильный кожаный портфель на свое кресло и начал степенно стягивать с сутулой спины тяжелое утепленное пальто. На Ольгу он не смотрел. Оно было и понятно: много чести смотреть в ее сторону — нахалка, которая нагло вторглась на его территорию. Сплошное с ней неудобство. Ни тебе свободы действий, ни возможности помедитировать. Сиди и изо всех сил изображай деловитость, тоска зеленая...

Первая половина рабочего дня тянулась так томительно долго, что Ольга всерьез начала подумывать о заявлении на отпуск. Она никогда не ходила в отпуск в это время года. Дома холодно, на улице слякотно и противно. К тому же праздники следова-

ли один за другим: октябрьские, День матери, Новый год не за горами. Но сидеть и лицезреть сердитую ощетинившуюся макушку Евгения Евгеньевича было выше ее сил.

Дважды позвонила мать, невзирая на запрет звонить в этот кабинет. Ольга отвечала ей односложно, не вдаваясь в подробности. А ей подавай: в какой комнате лежал Леха, какой системы у него был пистолет, что на нем в тот самый момент было надето и в какую сторону было повернуто его лицо. Зачем ей все это было нужно, Ольга могла только с ужасом догадываться. Мать закусила удила, называется. Теперь начнется!.. Ведь трижды за четыре часа позвонила. И это на работу! Можно себе представить, что будет, когда Ольга вернется вечером домой.

Ближе к обеденному перерыву Ольга начала заметно нервничать. Она то и дело лазила в свою сумочку и то сворачивала, то разворачивала записку с адресом отделения, которую ей вчера нацарапал на листке бумаги сердитый дядечка криминалист.

Что за новости ее там ждут? Что им удалось узнать? Как там Леха, пришел ли в себя или того... совсем и по-настоящему умер? Нашлась ли Ксюша, и если нашлась, то в каком состоянии?..

От всех этих вопросов ее заметно потрясывало.

Она пару раз поймала на себе ехидный прищур мутноватых глаз своего шефа, когда роняла на пол то дырокол, то авторучку, то карандаши. Его явно развлекала ее несобранность и волнение. И он наверняка относил все это к своему присутствию...

Кем бы ее там ни назначили, он и только он ее непосредственный начальник, думал Евгений Евгеньевич. Он мог послать ее за пончиками, а мог заставить, например, протирать подоконник, тем

более что уборщица никогда этого не делала. И эта длинноногая серна с очень бледным и очень испуганным лицом, встав к нему спиной, как миленькая стала бы водить тряпкой по длинному широкому подоконнику. А он смотрел бы на ее узкую спину, тонкую талию, плавно переходящую в стройные бедра и тугую, даже на взгляд, попку и думал бы о том, что она сейчас полностью находится в его власти. Он мог сделать с ней все, что захочет, черт возьми! До того красавца-идиота, что двумя этажами выше вершит какую-то свою, одному ему понятную гребаную кадровую политику, ох как далеко. Не станет же она бегать к нему с жалобами?! Нет, конечно! Она его боится. И того, что двумя этажами выше сидит, и его точно. Он видел, как рдеют ее щеки и дрожат тонкие хрупкие пальчики, когда она натыкалась на его взгляд. И приятного размера ее грудь под мягкой шерстью тонкого свитера приятно и трепетно вздымается...

Евгений Евгеньевич вдруг почувствовал неимоверное волнение.

Она его возбуждает?! Черт! Возможно ли это?! Это его-то, всю свою жизнь проработавшего бок о бок с бабами. С десятками, сотнями баб, у которых их бабьего добра было полны пазухи, а ноги редко когда скрывались длинными юбками. Они и в костюмерных переодевались в его присутствии, никогда особенно не стесняясь. Да он никогда и внимания на их прелести не обращал, а тут вдруг...

Евгений Евгеньевич тревожно заворочался в своем кресле и снова бросил вороватый взгляд на Ольгу. Она в этот момент как раз поправляла волосы, рассыпавшиеся по плечам. Высоко подняв обе руки, она собрала пряди вместе, чуть тряхнула головой

и осторожно устроила их между лопатками. Грудь ее при этом мило колыхнулась, рельефными бугорками обозначившись под свитером. Евгений Евгеньевич вдруг почувствовал, как во рту у него пересохло. Что это с ним, черт возьми?.. Он попытался было углубиться в изучение каких-то бумаг, касающихся грядущих празднеств в их городе, что натаскала ему целые горы его секретарша, но ничего не вышло. Взгляд его снова и снова сползал в сторону его новой заместительницы.

Она его боится! Вот что он понял, понаблюдав за ней еще какое-то время. Она боится его! Черт! Вот что его возбуждает в ней! Не сиськи ее с ногами и упругой попкой, этого добра он за свою жизнь перепробовал и перевидал воз и маленькую тележку. Его возбуждает в ней ее испуг. Ее трепетное нетерпение сделать что-нибудь полезное, чтобы он ее, к примеру, похвалил.

Что же... Евгений Евгеньевич кротко улыбнулся. В этом назначении, оказывается, есть и свои позитивные моменты. Он сумеет подчинить себе эту дрянь. Сумеет сделать так, что она не только будет пыль вытирать с его подоконника. Она будет делать это... с высоко поднятой юбкой и спущенными колготками, которые вечно собираются у нее на коленках противными складками. Тут он вдруг вспомнил про стеклянную перегородку и еле сдержал ругательство. Вот нагромоздили же аквариумов, а ему теперь мучайся и придумывай, где и как...

Ну да ничего, все это он сумеет сделать с ней. Сумеет! Только вот... Только вот нужно выяснить, каковы планы высокого начальства на ее счет. Он слышал, у того молодая жена. Но она вроде как беременна. А что такое брюхатая баба в доме, он знал не

понаслышке, его жена родила ему троих. Наверняка обрыдла красавцу, как и ему самому в свое время. Нужно непременно выяснить, каков расчет Любавского. И если тому без разницы, перед кем эта самая Оленька будет вилять своим упругим голым задом, она будет вилять перед ним...

Нужно только выяснить. А как?!

— Евгений Евгеньевич! — страшным шепотом окликнула его секретарша Лизка.

Противная вертлявая девка, каждый раз оглушительно стонущая под ним. Тьфу, гадость какая! Ольга так орать не станет, он был в этом уверен на все сто. Она будет лишь беззвучно учащенно дышать, а в финале только еле слышно всхлипывать. И еще она будет его просить, умолять...

— Евгений Евгеньевич! — возмутилась Лизка и, войдя в кабинет, встала между ним и Ольгой. — Вы что, не слышите?! Вас срочно требуют наверх!

— А? Что? Куда наверх? Зачем? — Руки тут же лихорадочно принялись теребить бумажные завалы на столе. — Чего это им приспичило в такое неурочное время?

— Не знаю, — обиделась Лизка его невниманию и тут же подозрительно покосилась на Ольгу, что-то между ними явно произошло за то время, что они сидели бок о бок. — Так вы идете?

Из кабинета они вышли вместе. Евгений Евгеньевич чуть подался вперед, но Лизка проворно ухватила его за рукав и чуть попридержала.

— Вечером не увидимся? — Ее глаза смотрели на него умоляюще и призывно.

Но Евгений Евгеньевич был стреляным воробьем, он знал, что дело не в нем, просто сапоги, к примеру, новые срочно понадобились. При встрече Лизка

непременно начнет скулить и канючить. И будет канючить до тех пор, пока он бумажник не раскроет. Тьфу, гадость какая! Угораздило же с такой дрянью связаться. Надо бы избавиться от нее поскорее, сократить ее, что ли...

Верка часто на выездах, а больше уж в их аквариуме никого и нет. Так что идею с подоконником, что прочно засела у него в мозгу, пока отметать, пожалуй, не стоит...

— Мечтаем? — вкрадчиво раздалось у него над самым ухом, когда он стоял у закрытой шахты в ожидании лифта. — Ну-ну...

Верка! Эта худая молчаливая стерва много крови ему попортила в свое время. Ох и попортила! Сначала все никак не хотела принимать его ухаживания, как будто что-то могла изменить. Он-то знал, что их секс вопрос времени. А потом вдруг стала фортели выкидывать. То какими-то загадками начнет говорить. То целый вечер обсуждению личности Шустиковой посвятит. А Шустикова в то время его совсем даже и не интересовала. И говорить о ней весь вечер напролет он считал делом зряшным. Но Верка психовала и все приставала и приставала к нему с ее личным делом. Пришлось уступить. Уж больно эта баба была хороша и технична в постели. Правда, недолго...

— Здрасти, Евгений Евгеньевич, — пропела Вера, глубоко затягиваясь тонкой сигареткой, которая смотрелась очень эффектно в ее длинных пальцах.

— Здравствуйте, Вера, — сдержанно ответил он, молчаливо негодуя на предмет провалившегося в преисподнюю лифта.

Ему не хотелось говорить со своей бывшей любовницей в таком месте, которое часто посещалось дру-

гими сотрудниками их управления. Сюда выходили покурить, посплетничать или просто перебирались с одного этажа на другой. А тут Верка со своим приветствием, понимаешь...

— Как ваша новая заместительница? — Глаза у стервы сделались совершенно наглыми и всепонимающими, хлестнуть бы по ним той папкой, что держал в руках, да нельзя, огласка не нужна.

— А что именно вас интересует, Вера? — Вопрос прозвучал с заметным холодком, что было сделано намеренно.

— Меня интересует размер ее лифчика, Женечка. — Баба вконец обнаглела и перла напролом, с чего бы это...

— Да?! — Он сделал изумленное лицо и смерил Веру с головы до ног непонимающим взглядом. — А меня, представьте, совершенно не интересует.

— Да ну! — Ее рот нервно дернулся, и правый уголок его пополз куда-то вверх. — Так я тебе и поверила, Женечка! Как же! Ты же у нас ходок по женской части, хоть и корчишь из себя эдакого простачка... А на самом деле...

Что это — лесть, ревность или что-то еще?

— Так как тебе, Женечка, ее ноги? По-моему, могли быть чуть потоньше. Ты как считаешь? Не тяжеловато тебе держать ее тяжеленные ляжки на своих плечах?

Верка зарывалась и, кажется, совершенно не понимала, что зарывается. Но без видимой причины она этого делать не станет, нет. Про Лизку знала с первого дня, а ни разу, ни единым словом не дала понять, что знает. А что же так болезненно реагирует на Шустикову? Может, и правда ревнует?..

Евгений Евгеньевич быстро оглянулся на двер-

ной проем. Там никого не было видно. И тогда он решился...

— Ты чего хорохоришься, сволочь?! — Его рука больно ухватила ее за грудь. — Совсем обнаглела, да?! Чего ты хочешь?! Переспать?! Так интересу у меня к тебе нет больше, понятно? Слишком замороченная ты для меня! И не смей подкрадываться ко мне вот так незаметно и на ухо шептать не смей, иначе я тебя...

— Что? — Веркины глаза смотрели на него теперь совсем по-другому, исчезла вызывающая наглость и понимание, а вполне отчетливо проступила бешеная ярость. — Что ты треплешь меня за сиськи, идиот?! Чего себе позволяешь?! Орет на меня, понимаешь! Я как лучше для него хотела, а теперь...

Тут только до него дошло, что такая женщина, как Верка, не станет без причины караулить его у лифта. И хамить без видимой на то причины не станет. Причина была. И наверняка вполне объективная, раз она так разозлилась, вместо того чтобы испугаться.

— Говори!!! — потребовал он тоном, не терпящим возражений. — Говори, или получишь по фейсу прямо здесь.

Он мог ее ударить, Вера это знала. И если прежде это делалось исключительно с ее добровольного на то согласия и ничего, кроме удовольствия, ей не доставляло, то теперь все обстояло иначе. Теперь-то они были не на съемной квартирке на окраине, а стояли у лифта. И ее ручной, как она думала прежде, Женечка пылал праведным гневом. И ударить мог уже не дразняще, а вполне по-мужски и ощутимо.

— Прости, — кротко пробормотала Вера и на всякий случай отступила от него на пару шагов. —

Прости, я все еще думаю, что мы с тобой... Ну, ты понимаешь...

— Мы с тобой, — передразнил он ее, смешно гримасничая. — Давно уже нет нас с тобой. И все ты, дура, виновата.

— Я знаю, — Вера покорно кивнула и по примеру своего начальника оглянулась на дверной проем. — Но я хотела бы все вернуть, Жень. Нам же было славно вместе, а теперь ты на Ольку пялишься.

— Не понял! — он вполне искренне и вполне возмущенно фыркнул, в глубине души ликуя оттого, что Верка, кажется, и вправду ревнует. — Ничего я на нее не пялился. Выдумываешь, женщина!

— Я видела через стекло, что пялишься, — плаксиво возразила Вера и опустила голову виновато, заведомо зная, что такое ее смирение заводит его с пол-оборота. — Ты полдня глаз с нее не сводил и мечтал. Я же тебя знаю, Жень. Я видела, что ты мечтаешь. У тебя лицо при этом делается такое...

— Ну и мечтал, тебе-то что? — Он нетерпеливо взглянул на часы. — Тебе-то что за беда, что я о ней мечтал? Вас тут знаешь сколько таких, о которых я мечтаю! И не я один причем!

— Тебе нельзя с ней связываться, Женя, ни в коем случае нельзя! — горячо и преданно зашептала Вера, заметив идущего к лифтам человека. — Она очень опасная женщина! Она погубит тебя! Поверь мне, я знаю, о чем говорю! Здесь не просто романтика, здесь криминал, Жень!

При слове «опасная», он едва не застонал от предвкушения. А вот Веркин «криминал» отрезвляющим разрядом прошелся по всему его телу.

— Чего, чего? Какой криминал, Вера? — Им пришлось ненадолго прервать беседу и дожидаться, по-

ка не уедет в подоспевшем лифте один из сотрудников их управления культуры. Потом Евгений Евгеньевич снова повторил: — Ты чего мелешь, Веруня? Думаешь, я совсем дурак и куплюсь на твои дешевые сплетни?

— Это не сплетни. Я... Помнишь, я все расспрашивала тебя о ней? Ты мне еще тогда... — Она внезапно замолчала, выразительной жестикуляцией и мимикой напоминая ему о папке с личным делом Шустиковой, которую они вместе листали, развалясь голышом на черном шелке простыней. — Так вот, мой интерес был не просто интересом.

— А чем??? — Открытие, что Верка водила его за нос, неприятно поразило и насторожило его одновременно.

— За ней велось наблюдение, может, и сейчас ведется, не знаю. И этот человек наводил о ней справки. Досье, так сказать, собирал.

— Зачем?! — Внутри у Евгения Евгеньевича все мгновенно подобралось и желейно задрожало.

— А я знаю?! Этот мужик, что вокруг меня круги нарезал, думал, что я круглая дура, ничего не понимаю. Он как бы вскользь меня о ней расспрашивает и расспрашивает. Но я сразу поняла, что дело непросто. Он окучивал меня, чтобы разжиться информацией на Олькин счет.

— С какой стати?

Вера снова подошла к нему почти вплотную и, обдавая его щеку своим горячим дыханием, страстно зашептала:

— Она не нужна тебе, Женечка! Это опасная женщина! Поверь мне, я знаю, что говорю. С какой стати, например, ей давать повышение?! А?! Ты вот понимаешь что-нибудь?! И я нет, Женечка. А секре-

тарша Любавского кое-что подслушала и рассказала мне по секрету, что...

И тут эта проклятущая стерва отпрянула от него и в один миг оказалась у окна, выходящего на парковочную площадку и помойку. Евгений Евгеньевич оглянулся, но никаких тревожащих факторов не обнаружил. По коридору никто не шел, лифт оставался неподвижен. С чего тогда скачет, как коза?!

— Вер, ты чего хотела мне сказать? — Евгений Евгеньевич даже подошел к ней и даже тронул ее за худощавое плечо, чего бы никогда не осмелился сделать прежде в таком месте. — Что тебе сказала по секрету секретарша Любавского? Говори!

Но Вера и ухом не повела. Свела руки под грудью, подчеркнуто приподняв ее повыше. Уставила немигающий взгляд в мусорные контейнеры и молчала.

— Вера! — почти умоляюще простонал Евгений Евгеньевич. — Я тебя прошу! Скажи мне! Ну!!! Ну... ну, хочешь, вечером встретимся, твою мать!

И вот тут она резко обернулась, почти ткнув его хрящеватым носом в щеку. Мазнула его по щеке сухими твердыми губами и снова тихо прошептала (что за моду выбрала шушукаться по углам, право слово!):

— Хочу, Женечка! Еще как хочу!!! До вечера, дорогой...

И пошла, стерва такая, не добавив к триумфальной речи своей ни единого слова. Правда, перед тем как выйти в коридор, она задержалась у дверного проема. Обернулась, глянула на него исподлобья зовущим, скотски призывным взглядом, каким всегда смотрела перед тем, как... и обронила:

— На все вопросы, милый, отвечу вечером. Но

тебе придется постараться, чтобы я была разговорчивой.

— Уж постараюсь, — процедил, бледнея, Евгений Евгеньевич. — Будь уверена, постараюсь.

Вера ушла. Евгений Евгеньевич загрузился в лифт, ткнул подрагивающим пальцем в нужную кнопку и поехал наверх.

Что за дерьмо??? Что она несла, эта глупая баба? Ольга и криминал? Это чушь! Этого быть просто не может! Она от одного его присутствия дрожит всем телом, как осиновый лист, кой черт ее в криминал потянет? Нет, Верка просто от ревности с катушек спрыгнула, вот и молола черт-те что. Ну да ничего. Сегодня вечером он оторвется с ней по полной программе. Как она это сказала только что? Ему нужно будет постараться? Уж постарается, будь уверена, дура! Визжать будешь и просить о пощаде. Но он будет непреклонен. А с Ольгой все же пока придется коней попридержать. Кто его знает, что там и как...

ГЛАВА 11

Ольга летела в отделение полиции, не разбирая дороги. Пару раз ее «Ока» ухнулась колесами в глубокие выбоины, норовя оставить в этих ямах обе шаровые, но все вроде бы обошлось. Машинка снова выпрыгивала и, взметая фонтаны грязной снеговой воды, снова мчала ее на встречу со стражами порядка.

Она отчаянно трусила. Ее пугала как сама встреча, так и новости, которыми ее могли там попотче-

вать. Не поднимало настроения и то, что вернувшийся от большого начальства Евгений Евгеньевич сделался вдруг на удивление озабоченным и, кажется, даже с опаской несколько раз посмотрел в ее сторону.

Чего ему, спрашивается, ее опасаться? Неужели Владик постарался? Этого еще не хватало! Еще не хватало ей рекламы подобного рода! Он ведь мог!.. Запросто мог вызвать к себе на ковер ее непосредственного начальничка и без обиняков потребовать от Жеки полного уважения к ее персоне. Если вчера днем тот все нос от нее воротил, а потом разразился пафосной тирадой на тему «да воздастся всем по их заслугам...», то сегодня все было по-другому. Сегодня Евгений Евгеньевич вел себя с ней настороженно, что ли...

Ну, да бог с ними со всеми. Ей сейчас не до того. Ей сейчас предстоит вести серьезный разговор с суровыми парнями, на которых она и надежды большие возлагала и побаивалась одновременно.

Объяснение в дежурной части прошло быстро и без задержки. Ее даже вызвались проводить до кабинета. Довели до добротной дубовой двери, выкрашенной под ольху, и, стукнув за нее трижды, оставили одну.

— Входите! — рявкнул кто-то грубо и неприветливо.

Ольга робко приоткрыла дверь сначала на десять сантиметров, потом чуть пошире и, протиснувшись в образовавшуюся щель, оказалась в кабинете.

Два окна без штор. Три стола. Четыре стула. Один посреди комнаты для нее, стало быть. Прямо напротив двери за одним из столов пожилой мужчина в свитере и джинсах пристально наблюдает за ней.

У стены слева кто-то копошится, глубоко нырнув под стол. Ей не туда. Ей вот к этому мужчине, что смотрит на нее внимательно.

— Здрассти, — пробормотала Оля; сначала хотела произнести свое обычное «добрый день», потом передумала — не может он быть добрым, этот день, совсем не может. — Я Шустикова... Ольга Шустикова, мы вчера...

— Ага, добрый день, Ольга, проходите, — выдал скороговорку мужчина в свитере и джинсах. — Мы вас заждались. Присаживайтесь.

Тут он встал и переставил стул с середины комнаты за стол напротив себя.

Ольга прошла и села на самый краешек, оказавшись спиной к тому, кто все еще продолжал сидеть под столом. Что, интересно, можно так долго там искать? Хотя вполне мог шнурки завязывать. А что, чем не занятие?..

— Так, давайте начнем с протокольной части, — устало вздохнул мужчина и заученным жестом потер переносицу. — Меня Федор Иванович зовут, мне поручено вести это дело. Итак... Фамилия, имя, отчество, год рождения, род занятий. Привлекались ли ранее к уголовной ответственности и если да, то по какой статье? Замужем или нет... Короче, вы меня поняли?

Ольга кивнула. Этот перечень вопросов ей был знаком еще по делу о гибели ее Попова...

Она прилежно ответила на все, опустив лишь тот факт, что когда-то была замужем. Зачем им это? Это к делу не относится.

— Итак, что можете сообщить по существу вопроса? — промямлил Федор Иванович, по старинке занося ее ответы в протокол авторучкой.

Ольга не стала переспрашивать и, не опуская ни единой детали, обо всем рассказала.

О том, что Леха явился под утро веселый, трезвый, нарядный и с подарками. О том, что пообещал своему малолетнему сынишке сытую и счастливую жизнь в будущем и показал ему пистолет. И о том, что Ксюша не хотела идти домой ночевать, но про пистолет не услышала, так как уже стояла на подножке автобуса.

— Почему не хотела идти домой? — вяло поинтересовался следователь.

— Она видеть его не хотела. Боялась скандала. Решила переждать у меня, пока он опять не исчезнет. Это было нормой, знаете. Он появлялся раз в два-три месяца, отъедался, отмывался, скандалил между делом, а потом опять исчезал.

— Куда, конечно же, никто не знает? — снова без особого нажима спросил Федор Иванович.

— Да. — Ольге почему-то стало казаться, что вопросы ей следователь задает скорее по инерции, чем из истинного интереса. — Знать об этом никто не мог.

— И круг его знакомых или собутыльников тоже был неизвестен... — скорее утвердительно, чем вопросительно, пробормотал Федор Иванович.

— Разумеется! — Ей очень хотелось обернуться назад и убедиться в том, что тот человек вылез из-под стола и теперь сидит с прямой спиной и внимательно вслушивается в каждое слово, которое она произносит.

Но как это сделать?! Как она могла, находясь на допросе, крутиться и глазеть на того, кто не хотел быть ею замеченным. Почему-то ей именно так казалось, а не иначе...

— Простите, а как он?.. Я про Алексея спрашиваю — он жив? — проговорила Ольга, потому что Федор Иванович вдруг надолго замолчал, что-то заносил в протокол лихорадочной мелькающей у него в руке авторучкой и молчал.

— А? А-а, жив, конечно. Но пострадал достаточно сильно, чтобы можно было надеяться на его вменяемость в ближайшем будущем, — скороговоркой выпалил следователь, не отрываясь от своего занятия.

— Как это?!

— А так! Вы что, рану у него на голове не видели? Видели. С таким ранением вообще не живут. А он живучим оказался. Но на разум, а тем более на трезвую память ни один врач не надеется. «Надеяться на чудо мы не можем, поскольку не верим в эти самые чудеса!» Нет их, чудес-то... — Федор Иванович вдруг смешно сморщил нос, перечитал свою писанину, чему-то недовольно хмыкнул и снова застрочил. Ее он по-прежнему ни о чем не спрашивал.

— Гм-м, простите...

Ольге надоело сидеть просто так и смотреть, как Федор Иванович протоколирует их беседу, которой, по сути, и не было. К тому же тот, кто сидел за ее спиной, а сидел он совершенно беззвучно, словно бестелесное создание, пробуравил ей все лопатки своим взглядом. У нее даже затылок взмок от этого взгляда. И обернуться туда очень хотелось...

— Простите, — снова начала она осторожно. — А известно что-нибудь о моей подруге? Ксения... Она так и не явилась домой и...

— А-а, подруга! Так явится еще, что вы переживаете? — Федор Иванович чему-то так обрадовался, что даже отложил в сторону протокол ее допроса. — Вы на ее счет не особенно переживайте! С ней,

думаю, все хорошо. Боится она, вот и отсиживается где-нибудь.

— А чего это ей бояться?! — возмутилась вдруг Ольга, смутно начиная подозревать, куда клонит следователь в демократичных свитере и джинсах.

— Как чего? Мужа своего чуть не укокошила в драке, вот и боится. Удрала куда-нибудь и отсиживается. Вам лучше знать, где она может быть. — Тут Федор Иванович очень проницательно и очень неприятно ухмыльнулся, снова поглаживая свою переносицу. — Вы уж передайте ей, что никаких претензий у нас к ней нет и быть не может. Никакого превышения мер самообороны она не допустила, так как муженек был вооружен и намерения его были вполне конкретны. Так что вы ей передайте. Нам нужно только задать ей несколько вопросов — все!

И вот тут Ольга взорвалась. Только что сидела, вполне контролируя себя и свои эмоции, а тут вдруг на нее накатило. Она вскочила со стула, едва не опрокинув его на пол. Швырнула свою сумочку на стол Федору Ивановичу, прямо на тот самый протокол, который он с таким усердием сочинял все это время. И четко выговаривая каждое слово, проговорила:

— Я ничего не могу ей передать, потому что не знаю, где она!!!

— Да ну! — Федор Иванович насмотрелся за свою жизнь всякого, поэтому истеричный взбрык молодой дамы впечатлил его не особо.

Он неторопливым движением отодвинул в сторону ее сумочку, вытащил за уголок протокол и нарочито бережно уложил его в картонную папку с засаленными бечевками. Потом он снова противно ухмыльнулся и пробормотал:

— Так передадите, когда узнаете.

— Я не узнаю, черт возьми! — Ольга едва не расплакалась от такой твердолобости.

Ну ладно мать. Той лишь бы в дедукции поупражняться и лишний раз подчеркнуть, как логично и правильно она мыслит, а эти-то что корчат из себя?!

— Я не узнаю, потому что с ней беда! С моей Ксюшкой беда! — Она поправила сдвинутый стул и обессиленно на него опустилась.

— Почему вы так думаете? Вам что-то известно? — тут же зацепился за ее слова Федор Иванович, мгновенно подобравшись. — Так вы не темните, говорите прямо... Почему вы думаете, что с ней беда?

— Ох, оставьте эти ваши штучки, бога ради! — воскликнула Ольга, закрывая лицо руками. — Я не думаю, я чувствую! Она не могла бы сбежать, даже если бы шарахнула Лешку по его тупой башке! Она не смогла бы сбежать, не связавшись со мной! Я безвылазно сидела на работе. Она могла бы мне позвонить и сказать, что она натворила.

— Сомневаюсь, — вставил осторожно следователь и услужливо пododвинул к ней замызганную пепельницу полную окурков. — Курите?

— Нет, спасибо, я не курю. А сомневаться не надо. Ксюша не могла удрать, не оставив мне наказов про Мишку. Это ее сын! Их с Лешкой сын! — Оля оторвала руки от лица, уронила со стуком их на стол и неожиданно спросила: — У вас самого есть дети?!

— Ну... есть, и что? — Федор Иванович как-то недовольно повел шеей в растянувшемся горле свитера.

— Вы бы могли оставить ребенка, пятилетнего малыша, на произвол судьбы, убежав в страхе перед возмездием?! Знать, что сын все еще в детском

саду, а сад, между прочим, в соседнем дворе... Вы бы могли?! Зная, что ребенок будет вечером ждать, когда за ним придут родители. Могли бы?!

Федор Иванович промолчал.

Девчонка ему нравилась. Внешне загляденье просто, чистенькая вся такая, беленькая, незапачканная, одним словом. Говорит хорошо, мыслит вполне даже ничего, логично. И не лгунья. В этом он разбирался хорошо. Но только наивная до одури.

Что можно было сказать в ответ на ее пылкость? Что никогда бы так не поступил? Конечно, не поступил бы. Он бы не бросил свою Анютку ни за что на свете, даже если бы ухлопал под горячую руку ее мать. Но это он, а тут какая-то Ксения! Мало ли что могло прийти той в голову, когда на нее собственный мужик попер с пистолетом. К тому же...

Но, наткнувшись на взгляд таких прекрасных и таких несчастных глаз, он тяжело вздохнул.

К тому же вся версия вчерашнего преступления выстроена так четко, так безукоризненно, что даже вопросов никаких не возникло ни у кого. Он еще с утра доложил обо всем начальству, и у того тоже не возникло никаких вопросов. Даже благодарность схлопотал. За что благодарность? Так за то, что тот «глухарь», за который его начальник чуть погон не лишился, теперь благополучно будет запущен в судопроизводство. Не сразу, конечно, но будет запущен. А это еще одна благодарность и, возможно, еще одна звездочка. Все же понятно. Чего тогда этой девчонке от него нужно? Что бы он ее подругу кинулся искать? Так не будет он этого делать, ни за что не будет.

Эта ее подруга не должна быть найдена. Не должна!!! Ее появление может все сразу смешать, все

перестроить и поломать, а это не нужно никому. Ни ему, ни его начальству. В сфере любой деятельности есть свои издержки, пусть ее подруга станет именно ею...

— Что вы от меня хотите, гражданка Шустикова? — посуровел мгновенно Федор Иванович. — Чтобы я кинул на поиски вашей сбежавшей подруги, покушавшейся на жизнь своего мужа, лучших своих людей? Так у меня, знаете что в районе творится?..

Тут пошел длинный перечень правонарушений, совершенных в его районе за минувшую неделю. Затем ей подсунули протокол с отмеченными галочками местами, где ей надлежало расписаться. И следом прозвучало суховатое «до свидания».

Все ясно. Ее выпроваживали. Она и не нужна тут была вовсе. Это она тоже поняла по тому, как без особого интереса выслушивал следователь ее ответы. Для них уже было все ясно. Для них, не для нее.

Ольга еще какое-то время потопталась у его стола, тиская ручки своей сумочки. И тут ее вдруг осенило, и она задала вопрос, который моментально заставил занервничать того человека, что притаился за ее спиной. Почему она так решила? Да потому что тот мгновенно скрипнул стулом, уронил что-то на пол и, кажется, даже озадаченно крякнул.

— Что вы имеет в виду? — Федор Иванович еще более сурово свел брови и снова без нужды стал тереть переносицу.

— Я спросила про пистолет, Федор Иванович. — Оля, пятясь, начала медленно продвигаться к двери. — Тот самый пистолет, что был в руке у Алексея? Он... из него стреляли?

— Вчера нет, — честно ответил ей Федор Иванович, ну нравилась ему девчонка, что тут поделаешь.

— А... а раньше?! — Ольгу тут же замутило до темноты в глазах.

В памяти возникло несчастное лицо Мишки, который просил найти ему его папу. Папу, который хороший и которого он очень сильно любит и еще очень сильно скучает по нему. Что же теперь она ему скажет?!

— Это оружие проходило по делу об убийстве в нашем городе, — скороговоркой пробубнил Федор Иванович и указал ей жестом на дверь. — Больше я вам ничего пока сообщить не могу. Как только что-то будет известно или вы нам понадобитесь в связи с новыми обстоятельствами дела вашей подруги и ее мужа, мы вам сообщим.

Черта с два ты мне сообщишь, хотелось ей крикнуть ему в лицо. Но она сдержалась. Он ведь на работе, и он не виноват, что его работа заключается в том, чтобы делать кому-то больно. Если волков называют санитарами леса, то этих впору называть санитарами общества. Чушь какая...

Ольга взялась за ручку двери и тут, не удержавшись, все-таки посмотрела на того, кто так удачно прятался за ее спиной все это время.

Посмотрела и еле удержала в себе удивленный возглас.

Парень, что все время прятался, просто претендовал на то, чтобы быть замеченным. Таких шикарных блондинов еще надо было поискать, и именно таких любила Ксюшка. Один вид их приводил ее в восторженное состояние, и она могла говорить об этом часами. Что касалось Ольги, то она их лично побаивалась.

Ее бывший муж был красавцем, но красота его была совершенно иной. Там с первого взгляда было ясно, что можно ожидать от такого прожженного мачо. Можно было сколько угодно тешить себя надеждами, сколько угодно фантазировать и ждать его чудесного перерождения, все тщетно. Красота Влада была порочна и опасна, и ничего, кроме порока и опасности, в себе не таила. А вот с блондинами все обстояло иначе... С блондинами Ольга всегда терялась и никогда не могла определить заранее, что может скрывать в себе распахнутый взгляд прекрасных глаз небесной голубизны и нетронутости. Чистоту помыслов, стремлений... А мягкий лен белокурых волос, до которых так и хочется дотронуться, чтобы убедиться, на самом ли деле они так мягки и нежны, как кажутся?

Эта внешняя чистота могла оказаться такой топью, такой западней, омутом, что порок, предрекаемый открыто смазливой физиономией ныне Любавского, в прошлом Попова, мог оказаться в выигрыше в сравнении...

Именно такого молодого человека сейчас с таким изумлением рассматривала Ольга.

— Здрасте, — Валера чуть наклонил голову и улыбнулся, обнажая в улыбке безукоризненные зубы.

Улыбка его удивительно красила. И располагала к себе. Ему об этом было известно, и он использовал ее — свою улыбку — направо и налево. Всегда помогало. Сейчас — нет.

Ольга попятилась, оступилась, испуганно задергала за ручку, пытаясь открыть дверь и даже упустила из виду тот факт, что забыла ответить блондину на приветствие.

— Вам помочь? — парень продолжал источать дружелюбие, скалясь во весь рот. Заметил ее непонимание и указал на дверную ручку кивком безукоризненно выбритого точеного подбородка. — Дверь открыть помочь?

— А? Что? Дверь? Нет, не надо, спасибо. — Тут наконец ей удалось открыть эту злополучную дверь и выскользнуть из кабинета.

Чего она так перепугалась? Что страшного в том красивом парне, которого она увидела? Ничего! Ничего, кроме идеальной внешности, манер, ну, и мыслей, надо полагать. В таком прекрасном человеке все, наверное, прекрасно. Так оно и есть, и нечего было стоять, открыв рот, и пялиться на него во все глаза. Испугалась она!..

Ольга сердито прошла к дежурной части, отметила повестку, которая никак не могла ей понадобиться, она укладывалась в обеденный перерыв. И, насупившись, вышла на ступеньки отделения полиции.

Погода, как и следовало ожидать, начала выкидывать фортели. Ветер резко сменил направление с юго-западного на северный. Лужи мгновенно начали затягиваться кисельной пленкой. Еще час-другой, и захрустит под ногами, и завьюжит. А она в тоненькой осенней курточке, едва прикрывающей ей попу. Мишка тепло одет, да ему особенно и мерзнуть некогда, она приедет за ним на машине и доставит до самого дома. В магазин еще заехать бы надо, купить ему чего-нибудь. Чем, интересно, его Ксюша кормила?

Оля нырнула в машину, завела мотор и минуты три его прогревала. Затем медленно выехала с полицейской стоянки и покатила в сторону управления культуры.

Перед тем как втиснуть свою малютку между свирепо ревущих «КамАЗов», она, кажется, успела заметить того шикарного блондина, которого так нелепо испугалась. Парень вышел на ступеньки в распахнутой куртке и очень долго и очень пристально смотрел вслед ее машинке. Или ей это только показалось? Вечно она выдумывает!

Нужно сосредоточиться на дороге, которая подернулась пленкой, таящей в себе много опасного. Потом еще отсидеть полдня под неусыпным оком Евгения Евгеньевича, и затем...

Затем все же стоило поискать Ксюшу. Не сегодня, конечно, нет. В выходные.

Если подруга к тому времени не вернется, придется ее искать самостоятельно. Кроме нее, Ксюшку искать некому, так получается. Мишку надо будет отправить к матери в деревню, туда все равно ехать придется. Мало того, что оставался невыполненным ее заказ с курами, так еще теперь беда с расследованием приключилась. Мать же не отстанет: либо часами будет висеть на телефоне, изводя ее вопросами и выводами, сделанными на основании ее ответов. Либо приедет, что много хуже. Лучше уж она сама съездит к ней. Заодно и ребенка пристроит. Здесь ему нельзя оставаться. Здесь все как-то уж слишком пропахло бедой. Холодный неустроенный быт Ольги, сердобольные вздохи воспитательниц, их жалостливые поглаживания по голове. Мишка очень умный ребенок, сразу догадается, что здесь что-то не так. Начнет приставать с вопросами, а то еще чего хуже — тосковать. Этого допускать нельзя. Придется везти к матери. Прямо в пятницу вечером. А переночевав, уехать.

Проницательный Федор Иванович непрозрачно

намекал на то, что она может знать, где скрывается ее подруга. Знать она, конечно, не знала. Но догадываться догадывалась. Вот и нужно в выходной своим догадкам найти подтверждение. Не найдет, значит, беда. Найдет — будут праздновать победу. А пока надо ждать и надеяться.

ГЛАВА 12

Валера Лапин смотрел вслед юркнувшей на проезжую часть крохотной, почти игрушечной машинке, которой управляла Ольга, и размышлял.

Размышления его носили весьма неутешительный характер.

С самого утра он был мрачен. С той самой минуты, как ему позвонили и сообщили, что в его деле с убийством судопромышленника наметился перелом, и до того момента, как в кабинет заглянула эта женщина, он пребывал в самом скверном расположении духа.

Кого они нашли?! Что навыдумывали?! Чтобы бродячий бомж, время от времени наведывающийся домой, оказался способным провернуть операцию с убийством в гостинице, причем операцию такой сложности?.. Этот жалкий тип застрелил человека из пистолета с глушителем? Нет, ребята, это нонсенс. Этого быть не может по сути своей. Такое существо, как Алексей, кажется, так его зовут, может убить кого-то в подворотне за стакан вонючего самогона. Может прибить в пьяной драке за три вшивых сигаретки или кусок курицы, издохшей еще

в прошлом году. Но вот чтобы так — продуманно, не наследивши, изъять документы?..

Нет, ребята, так не бывает. Это против правил.

— Ты же сам говорил, что там побывал дилетант, чем же тогда недоволен? — возмутился Федор Иванович, когда Валера изложил ему свои сомнения. — Вот он тебе — на блюдечке с голубой каемочкой! Или ты возражаешь, потому что мы твою работу за тебя сделали, и тебе теперь меньший гонорар положен? Так мы, паря, здесь и за меньшее так корячимся. Сам же знаешь, не новичок...

Валера молчал. Он, конечно же, понимал рвение бывших коллег, пытающихся всеми правдами и неправдами сфабриковать дело и отправить его поскорее в суд. Но его дело от этого совсем не выигрывало. Ему нужно было доказать как раз обратное! Ему следовало уличить в причастности к данному преступлению эту самую даму, что сейчас так удачно втиснула свою машину меж двух огромных фур. И вряд ли при этом поморщилась...

Он неторопливо спустился по ступенькам и скользкой дорожкой прошел к взятой напрокат у приятеля «пятерке». Продавленное сиденье противно скрипнуло. Заледеневший за полдня салон принимал его неохотно. Мотор тоже долго чихал и фыркал, выражая протест чужаку. Ему и самому надоело. Надоело все. И бессмысленные метания в поисках улик, свидетельствующих против этой дамы. И постоянно чужое жилье надоело. И девочки чужие с чуждыми ему требованиями и амбициями надоели. А Танюшка... А Танюшка тоже теперь чужая. Вот так вот...

Лапин вырулил со стоянки на проезжую часть и медленно покатил к тому дому, где ему удалось

снять вполне сносное жилье. Свиданий на сегодня у него не было. Ниночка и не настаивала. Слишком частые встречи, как она объясняла ему, приведут к непременному привыканию, а это губительно для чувств. Чувств никаких не было. Об этом знали и он, и она. Но Валера согласно кивал, прекрасно зная истинную причину нерегулярности их встреч. Все было намного прозаичнее. В свободное от работы и его персоны время Ниночка встречалась с другими мужчинами, которые, как он подозревал, не ограничивались лишь шампанским и виноградом...

Его встретило гулкое парадное с мозаичной плиткой под ногами и старинными светильниками, свисающими в абсолютной целости и сохранности с потолка. Этот дом ему понравился сразу. Понравился высотой потолков и толщиной стен, от которых веяло стабильными семидесятыми, когда он был по-младенчески счастлив.

Валера зашел в квартиру, захлопнул за собой дверь и тут же со злостью швырнул куртку в угол, хотя рогатая вешалка стояла в полуметре от него. Но по законам жанра он должен был непременно швырнуть куртку в угол и пройти затем обутым на середину большой комнаты. Валера ухмыльнулся невесело, тут же снял с ног ботинки, переобулся в тапки и потянулся к куртке. Нечего тут корчить из себя раздавленного обстоятельствами сыщика, которому глубоко наплевать на окружающие его вещи и предметы. Он же не такой, елки! Он любит уют, чистоту, красивые вещи... и красивых женщин.

Про женщин Валера вспомнил уже под бутылку пива, из которой запивал разогретую в микроволновке пиццу.

Ох уж эти женщины!.. Особенно красивые женщины — ох!..

Беда с ними, просто беда. Вон как сегодня Федора Ивановича пробрало от чувственного напора Шустиковой Ольги. Еще немного, и точно бы все рассказал ей. И о том, что Алексей этот ее — первый кандидат на роль убийцы судопромышленника. И про то, что оружие в его руках оказалось именно тем, из которого в того выстрелили. И про то, что Ксюше ее никто никакого обвинения предъявлять не станет, а может, даже и поблагодарят за то, что она им готового убийцу преподнесла.

Пробрало Федора, ох и пробрало. А его-то самого как? Пробрало, нет?..

Сидел, не шевелясь, все то время, пока протоколировалась беседа, и дышать боялся. Каждое слово ее ловил, вслушивался в звук ее голоса, рассмотрел всю со спины так, что, кажется, у бедняжки лопатки задымились.

Ничего, конечно, девочка. Интересная, с шармом определенным. Ну и, как водится, там, где шарм, там и тайны. Непременные тайны. Про муженька своего покойного словом не обмолвилась. Почему? Все слово в слово рассказала о себе, словно досье на себя читала, которое Валера собрал на нее за эти месяцы, а вот про мужа — Попова Владислава Ивановича — умолчала. Что так-то?..

Валера с сожалением взболтнул в бутылке последний глоток пива и выпил его с еще большим сожалением. Надо было две покупать. Все равно сегодня за руль больше не сядет. Посидел бы с пивком у телевизора — благословенная греза идиота — помечтал бы о чем-нибудь.

А о чем он мог помечтать?

Лапин вдруг распрямил спину, часто часто заморгал и, к стыду своему, через минуту обнаружил, что у него нет мечты.

А у тебя есть мечта?..

Где он слышал эту фразу? Где-то же слышал, не просто так она выпрыгнула откуда-то как черт из табакерки. То ли фильм такой был, то ли из каких-то книг почерпнул. Разве вспомнишь вот так вот сразу, если все извилины забиты постоянным преступным дерьмом!

Но дело-то совсем не в том, что он не помнит. Дело-то в том, что он не имеет!.. Не имеет этой самой мечты! Это что получается, что он совсем пропащий человек?! Наверное, так.

Валера выбрался из-за стола, поставил опустевшую бутылку под раковину. Сунул под кран тарелку с крошками от пиццы и пошел в комнату. Огромный плазменный телевизор и диван — это было все, что оставили ему хозяева в гостиной, уехав за границу. Ему хватало. Вещи он держал на вешалках во встроенном шкафу в пустой спальне. Больше ему ничего не было нужно. Ну, общения, может быть, совсем немного. Простого человеческого, можно даже женского, общения. Чтобы это было просто общение, без затей и профессионального интереса. Банальный треп о любимой спортивной команде, погоде, сексе. Да о чем угодно, господи! Просто болтать ни о чем, не выискивая подтекста или каких-то скрытых мотивов. Когда это у него было-то в последний раз? Даже вспомнить страшно, когда. Еще когда в ментовке работал, наверное. Там они могли под «щеночка» в пятницу после работы болтать с ребятами о чем угодно. У кого первый зуб у сына выпал, у кого появился. У кого жена «закозлилась» просто

потому, что он не пошел с ней к ее маме на пироги. А кто-то хохмил про девчонок с трассы и предлагал поехать всем отделом и снять на вечер десяток для общего расслабона души и тела...

Неужели он скучает? По чему, интересно: по суровым будням — это-то вряд ли, или по такому вот незатейливому корпоративному общению?

Лапин тяжело и протяжно вздохнул и принялся теребить в руках пульт телевизора. Каналов прорва, телевидение у хозяев было от собственной антенны с витиеватым названием и тысячью плюсами. Но смотреть абсолютно нечего. Ему во всяком случае.

Куда бы ни упирался его взгляд, везде ему мерещились узкие плечи злосчастной Шустиковой. Дешевая яркая курточка, чуть прикрывающая поясницу и открывающая великолепной формы попку. Длинные ноги, обтянутые такими же дешевыми джинсами, что и куртка. И еще волосы, которые она прятала под капюшоном. Чудо, что за волосы. Гладкие, блестящие, тяжелые. Лапин сидел и мечтал, как он пропускает эти пряди сквозь пальцы... А о чем еще мечтал? Признавайся, признавайся хотя бы самому себе!

О чем, о чем? Да обо всем, елки! Федор Иванович, он же не дурак, он чутье имел великолепное на людей, недаром же так запал на нее. Хорошенькая она была — эта Ольга Шустикова.

Лапин чуть призадумался и «хорошенькую» убрал. Слишком тривиально. Для такой загадочной женщины с таким загадочным испуганным взглядом и такими... длинными стройными ногами это определение вряд ли подходит. Она была... Не красивая, нет. Сравнить с Ниночкой ее было нельзя. Она была какая-то... какая-то превосходная.

Лапин посмаковал это слово и пришел к выводу, что оно как нельзя лучше подходит Ольге. Она была именно превосходной, потому что своей таинственной неброскостью превосходила и ярчайшую красоту Ниночки, и неотразимую чувственность Верочки, да и Танюшку с ее неподражаемо-томной неприступностью она, пожалуй, превосходила тоже.

Придя к такому выводу, Валера повеселел и, устроившись удобнее на диване, принялся размышлять.

Способна ли была Ольга на преступление, в котором он должен был ее непременно уличить? То есть могла ли она, опередив профессионального киллера, хладнокровно выстрелить в затылок человеку, который застраховал свою жизнь на бешеную сумму в ее пользу?

Ответ мог быть как «да», так и «нет». Но одно все-таки в ее пользу свидетельствовало. То есть в пользу того, чтобы сказать — нет, не способна Ольга убить этого пожилого мужчину.

Очень уж она печалилась о судьбе своей пропавшей подруги. Печалилась и настаивала на том, что с той приключилась беда. Он даже был уверен, что Ольга непременно кинется на ее поиски.

Если она убила того мужика в гостиничном номере, то ей бы было на руку то, что мужа ее подруги обвинят в этом убийстве. Мужик в беспамятстве, улика в правой руке, чего еще нужно для полного счастья и свободы?! Так нет, она все равно волнуется, продолжает настаивать на том, что с ее подругой беда и ее непременно нужно искать. А если подругу найдут и окажется, что ее исчезновение никакого отношения к покалеченному мужу не имеет, что тогда?! А тогда вся хорошо вылепленная версия Фе-

дора Ивановича летит ко всем чертям и дело снова застопорится. Федор этого не допустит и Ксению никакую искать не будет. Искать ее будет Ольга. Будет искать до посинения, пока не наткнется либо на подругу, либо на ее труп, либо на огромные неприятности...

Лапин вдруг непонятно с чего заволновался. Смутно забрезжило что-то в мозгах, что он любил называть озарением, но тут же исчезло. Что это было?! Что это было, елки?!

На какие неприятности может наткнуться Ольга, разыскивая свою подругу?.. Тоже пропасть, как и она? Запросто! Не факт, что ее подруга до сих пор жива. А значит, и Ольге может грозить опасность. Может или нет он подставлять ее под удар, заранее зная, что случится? Не может!!! Не может, однозначно! И не столько потому, что эта женщина представляла интерес для его страховой компании, хотя те могли бы лишь обрадоваться, случись что с Ольгой. А элементарно из-за того, что эта женщина, чьи внешние данные он классифицировал как превосходные, вдруг сделалась для него интересной.

Лапин, теперь уже во весь рост вытянувшись на диване, закинул руки под голову и мечтательно улыбнулся. Пора наведаться к этой дамочке как-нибудь в ее отсутствие. Недаром же он слепок ее ключей снимал, отключив ее в подземном гараже четким мастерским ударом по шее. Он все рассчитал тогда правильно, не опасаясь быть замеченным. Но кого-то все же вынес черт, когда он шарил в ее сумке, не забывая коситься на ее ноги.

Валера вспомнил, какой приятной тяжестью обмякло сразу в его руках ее тело, и снова разволновался. Нет, в этой Ольге что-то было такое. Что-то

такое, что роднило их, что ли. Какие-то скрытые подводные течения в их жизни, какое-то двойное дно. Этого добра было и у нее, и у него в достатке. И думать так, а не иначе ему было очень приятно. Кстати...

Валера приподнял голову с дивана и поискал глазами мобильный телефон. Неплохо бы напомнить о себе Верочке и узнать, какие там дела у Ольги на службе. А заодно поинтересоваться, не делилась ли с ней Ольга воспоминаниями о своем печальном замужестве?..

ГЛАВА 13

Ехать к матери за город Ольге не пришлось. Она сама заявилась поутру и мгновенно все решила за всех. Вошла в ее квартиру, швырнула у порога сумку и потащила с головы вязаную еще в прошлом веке шапку, больше напоминающую воронье гнездо.

— Нечего трепать ребенку нервы! — заявила она безапелляционным тоном, тут же без лишних слов перехватила у Ольги инициативу и принялась собирать Мишку в дорогу.

— Мама, ну что ты делаешь? — попыталась было Ольга опротестовать материнское решение, правда, без особого нажима. — Я вас даже отвезти до места не могу.

— Ну и что? — Мать непонимающе округлила глаза, которые удивительно были похожи на глаза дочери. — Городской транспорт в связи с этим никто не отменял. Мы доедем до железнодорожного вокза-

ла на автобусе. Там посетим с Михаилом близлежащий супермаркет, купим продуктов. Ты что, Миша, предпочитаешь?

Миша предпочитал много чего, но промолчал, лишь вскинул на Ольгу удивленный взгляд и чуть вопрошающе дернул подбородком.

Она утвердительно кивнула, и он сразу успокоился.

— А с вокзала мы поедем на электричке. Это очень занимательно, Михаил. Ты когда-нибудь ездил на электричке? Нет?! Надо же... А козу ты видал? Настоящую козу, с рогами, с мягкой пушистой шерстью? Тоже нет? И молоко козье никогда не пробовал? Поразительно, как иногда бывают обделены городские дети...

Мать много еще чего говорила, уболтав Мишку до полуобморочного восторженного транса. Дошло до того, что он сам надел свои сапожки и теперь нетерпеливо подрыгивал ногами в ожидании увлекательного путешествия, которое к тому же избавляло его от обязательного посещения детского сада.

Наделав им бутербродов с колбасой и сыром, Ольга незаметно от матери сунула в пакет почти все котлеты, которые пережарила и не съела. Уложила все в большой пакет и отдала ей со словами:

— Мишуня любит жевать в дороге, ма. Я знаю, что это вредно, что должен быть режим и все такое, но тем не менее...

— Что? — Мать быстро потушила горестный взгляд, направленный на ребенка, и обиженно опустила губы скобкой: — Не так тебя воспитывала, хочешь сказать?

— Да ладно тебе, ма. — Ольга поцеловала мать в мягкую морщинистую щеку, потрепала Мишку

по шапке и, выпуская их из двери на лестничную клетку, пробормотала еле слышно: — Просто не пытайся привить ему новые привычки. Мы любим его таким...

Говоря «мы», она подразумевала под этим себя и Ксюху, которая так и не объявилась и не позвонила. Если она там, где Ольга надеется ее найти, то звонить ей как бы и неоткуда. А если ее там нет, то... то она уже не знала, что и думать. Друзей у Ксюши, кроме нее, не было. Любовников тоже. Был какой-то заезжий ухажер, который все таскал ей в поликлинику апельсины и яблочный сок. Но Ксюша лишь посмеивалась над ним, его подношения называла гуманитарной помощью и по большей части раздавала все безнадежно больным.

— Мишке хватает. — Всегда отмахивалась она от пациентов, норовящих непременно поделиться с ее ребенком угощением.

В какую-то нечаянную встречу на автобусной остановке и пылкое чувство, возникшее от промелькнувшей между НИМ и ЕЮ искры, Ольга не верила. Ксюша не была авантюристкой. К тому же у нее оставался Мишка! Так что пойти на поводу у кошачьего инстинкта, забыв про сына, та не могла...

— Как приедете, звони мне, ма. Хорошо? — У Ольги вдруг так заныло внутри, что она едва не разревелась. — Я буду волноваться!

Мать, крепко державшая Мишуню за руку, остановилась на верхней ступеньке. Повернулась к дочери и очень внимательно на нее посмотрела.

«Не иначе пытается сейчас подвести мой вопль под какую-нибудь научную основу», — решила Ольга и улыбнулась ей.

Мать на улыбку не ответила. Молча пожевала

губами. Потом вдруг сказала, сильно озадачив и без того озадаченную дочь:

— Не стоит бояться того, чему пока не можешь дать определения, дорогая. Не стоит, поверь мне!

Была бы на Ольге сейчас шляпа, она непременно сняла бы ее и присела в реверансе, отдавая должное уму и проницательности своей матери. Так тонко прочувствовать ее состояние и мгновенно выдать этому состоянию определение...

Ольге оставалось лишь изумленно моргать и неуверенно улыбаться, слушая ее.

— Будем бороться с неприятностями по мере их поступления, Оленька. Неизвестность тебя пугает и заставляет нервничать, пусть так. Главное, чтобы эта самая неизвестность не заставила тебя совершать необдуманные поступки. По крайней мере до тех пор, пока ты не определишься с тем, чему пока нет названия. Все, пока!

И мать, весело наговаривая какую-то смешную детскую считалку, пошла с Мишкой вниз по лестнице, оставив Ольгу с широко открытыми от удивления глазами у распахнутой двери в квартиру.

Она представила, как эти двое выходят сейчас на улицу. Кутаются в воротники, моментально попав во власть северного ветра, с утра выстудившего город до звенящей ледяной прозрачности. Как мать плотнее запахивает на себе старенькую искусственную шубку, к которой приросла, казалось, костями. И которую ни под каким видом не хотела менять. Мишуня тут же натянет шарф по самые глаза и будет тихонько улыбаться в мягкую ворсистую шерсть. Они сядут в подоспевший автобус и поедут через весь город. Мать начнет рассказывать ему об исторической ценности городской архитектуры, со-

всем забыв, что перед ней не ее бывшие студенты, а всего лишь маленький мальчик, отчаянно ждущий обещанных ему чудес...

Ольга вернулась в квартиру со смешанным чувством облегчения и горечи. Да, с ее плеч снята забота о маленьком мальчике. Да, теперь у нее нет обязательств, и она может посвятить все свободное время поискам своей подруги Ксении. Но... но с Мишкой было теплее как-то, что ли. Невзирая на ветер, гуляющий по квартире, невзирая на холодные радиаторы и ледяной пол, к которому, казалось, примерзают босые ступни. Невзирая ни на что, с Мишкой было уютнее и теплее. Он сидел в углу ее дивана и с немым восторгом смотрел мультики, накручивая на палец прядки волос на макушке. Или возился с игрушками, с фырканьем катая машинку по полу. Или подбрасывал к потолку жутковатую липкую массу, которую он называл «лизуном», и оглушительно хохотал при этом...

«Вот закончится все, и уедем куда-нибудь, — смаргивая слезы, решила Ольга. Влезла в теплые джинсы, натянула свитер и, застегивая короткую дубленку перед зеркалом, еще раз решила для себя: — Непременно уедем».

Возьмем по отпуску, купим путевки в какую-нибудь теплую далекую страну и уедем. Поселимся в бунгало с окнами на океан. Океан будет тихо ворчать день и ночь, лениво перекатывая волны, шлепающиеся с пенно-шершавым звуком о пирс. Солнце там будет жгучее-жгучее, яркое-яркое, и его все равно не будет много. А еще там непременно должен быть песок. Не холодная темная галька, отсвечивающая железом, а песок. Горячий и крупный, выжженный тропическим солнцем до режущей глаз

белизны. Только бы вот... только бы вот Ксюша нашлась, и тогда можно будет уехать...

Ольга поставила свою машину в привычном месте в подземном гараже, принадлежащем их управлению культуры. Подивилась отсутствию огромного джипа Любавского, но как-то так — вскользь — подивилась, вообще, и пошла к гаражному турникету.

Охранник был на прежнем месте, привычно поздоровался, коротко ей кивнув. Ольга кивнула в ответ и пошла дальше, не задерживаясь. Но охранник вдруг повел себя как-то необычно, сочувственно пробормотав ей в спину, чего никогда прежде не допускал:

— Да, так-то с нами бывает...

— Простите? — Ольга обернулась и уставилась на него вопросительно. — Вы что-то сказали?

— Да нет, нет, ничего. — Охранник — молодой парень в камуфляжной форме и черной шапке, натянутой на самые брови, вдруг засмущался и скомкал свою речь непонятным изречением, претендующим на философское размышление: — Жизнь, говорю, такая штука... н-да...

Ольга пожала плечами и ушла, ничего ему не ответив. Доехала на лифте до своего этажа. Прошла пустым коридором, так же мимолетно подивившись отсутствию курильщиков. Обычно в это время дня здесь косяками тусовался курящий народ, сетующий на дождь, жару, холод на улице, на ранний подъем, барахлящий карбюратор и дурное настроение по такому случаю.

Никого, на удивление, сегодня там не было.

Ольга вошла в свой отсек, разгороженный стеклянными перегородками, и вот тогда-то до нее начало наконец доходить: что-то не так. Что-то слу-

чилось в их мирном — пожалуй, самом мирном из всех управлений — управлении культуры. Что-то случилось в их королевстве, сбилось с ритма, задающего тон всем городским празднествам и веселью.

Вера не повернула в ее сторону голову, не кивнула со значением, чего не случалось прежде никогда, даже после того, как Ольгу повысили. Пусть пренебрежительного, но кивка головы она все же удостаивалась.

Лизка сидела тихо и вопреки обыкновению не дергалась и не вертелась на своем крутящемся стуле. Что также было противно ее природе.

Евгений Евгеньевич на своем месте вообще отсутствовал. Нет, он явился на службу, о чем свидетельствовало его тяжелое пальто на вешалке и портфель, приткнувшийся сбоку стола. Но его не было ни за столом, ни в кабинете. Это тоже было непривычно.

Ольга стянула с себя короткую дубленку, которую мама называла фарсом, а не одеждой. Просунула в ее рукав вязаную мохнатую шапочку и, причесавшись перед зеркалом, вышла в приемную.

— Лиз, а где сам-то? — спросила она у пребывающей в столбняке секретарши. — Что-то нет его, хотя должен...

Лизка дернулась от звука ее голоса, как от удара хлыстом. Подняла на Ольгу страдальческие кроличьи глаза и с диким трагизмом прошептала:

— Наверху! Евгений Евгеньевич наверху, Оль!!!

— А что там? — Ольга по ее примеру понизила голос до шепота и даже подняла глаза к потолку, словно могла рассмотреть сквозь перекрытия двух этажей то, что происходит сейчас у начальства. — Его вызвали?!

— Его еще вчера вызывали перед обедом, но разглашать не велели, — забормотала Лизка, ухватилась за край стола и все-таки, не изменив своей привычке, крутанулась вместе со стулом. — А сегодня уже того... Уже можно...

— Да что можно-то?!

Оля вернула своему голосу нормальное звучание и постаралась посмотреть на бестолковую секретаршу начальственным взором, как-никак — заместитель отдела!

Но бестолковую Лизку это не проняло. Она продолжала пребывать в ступоре и раскачиваться в кресле, время от времени вставляя бестолковые фразы: «Ну ваще», «Офигеть можно», «Как же теперь, а»...

— Все ясно. — Ольга решительно открыла дверь в свой бывший кабинет и как можно дружелюбнее поздоровалась с Верой. Потом, когда та все же рискнула бросить на нее странный вороватый взгляд, Ольга поинтересовалась: — Не знаешь, что произошло?

— А что?! Что произошло?!

Ольга могла поклясться, что Вера перед этим тихонько в одиночестве плакала. Глаза покраснели, нос припух, в руках скомканный платочек.

— Вера! Что происходит?! От Елизаветы толка не добьешься, ты хоть скажи, зачем Евгения Евгеньевича вызвали наверх? Что там сегодня, опять новые перестановки?

— Не надейся! — вдруг с фырканьем ввернула Вера и выбралась из-за стола. — Не успела к одному портфелю привыкнуть, за другим тянешься?! Так?! Не надейся!

— Так я и не... — Ольга даже головой затрясла

для убедительности, мысль, что Евгения Евгеньевича вызвали с самого утра наверх для того, чтобы сместить, как-то не приходила ей в голову. — Я и не надеюсь ни на что. Ерунда какая...

— Ага! Ага! Заливай, красавица! — Вера, обойдя кабинет по периметру, подошла к Ольге вплотную и злобно зашептала той на ухо, почти касаясь ее щеки сухими горячими губами: — Тихоня паточная! Глазки потупит, ручки сложит, а сама!.. Кто бы мог подумать!!! Знал бы Евгений, какую змею на груди пригрел, давно бы тебя выпер из отдела. Так нет, держал тебя все это время. Ладно бы за красивые глаза, так нет их у тебя! Нету, чтобы ты о себе ни возомнила! Дерьмо ты, а не красавица, Олька! Это я тебе говорю, потому что все про тебя знаю! Все, все! И все твои тайны давно уже достояние общественности, как бы тебе ни хотелось думать по-другому!

Злобная сумбурная речь Веры не произвела на Ольгу впечатления. То, что знала Вера, знали все. Про Ксюшу, что ли?.. Нет, это вряд ли. Слишком мало времени прошло, чтобы слухи просочились в их отдел. Критику своей внешности она тоже восприняла спокойно. Куда больше ее заботило сейчас отсутствие на привычном месте Евгения Евгеньевича.

Может, и вправду что случилось? За то время, пока она добиралась до работы, елозя летней резиной по обледенелым дорогам города, здесь случился переворот?! И машины Любавского нет на месте. Странно, что только сейчас об этом вспомнилось...

— Лиза, я пошла наверх, — проговорила Ольга, проходя мимо секретарши к выходу. — Если вернется Евгений Евгеньевич, скажешь, что я скоро.

— Ага, Оль, — кивнула, соглашаясь, Лизка и вдруг не к месту хихикнула: — А вы там с ним это...

встретитесь, пожалуй. Туда с утра все начальство потянулось. Так что тебе как бы тоже того... надо бы туда сходить.

Подавив тяжелый вздох, Ольга ушла.

Лифт прибыл сразу, без задержек. Громыхнул железным нутром, останавливаясь. Распахнул взвизгнувшие двери и тут же, казалось, едва дождавшись, когда она войдет, помчал ее наверх.

В приемной Любавского было не протолкнуться. Весь начальствующий состав, от первого звена до последнего коленца, собрался здесь. Говорили все шепотом, воровато пряча глаза от собеседника и упорно сверля взглядами затоптанный паркет под ногами. Лица были печальными, если не скорбными.

Пробираясь к столу секретарши и внимательно поглядывая по сторонам, Ольга впервые за это утро почувствовала, как внутри у нее понемногу все начинает схватываться морозцем. Это мерзкое чувство, именуемое научно выбросом адреналина в кровь, она ненавидела. Оно всегда появлялось у нее в моменты ожидания беды и еще ни разу ее не обмануло. Беда, как правило, случалась.

Какая беда могла подстерегать ее сегодня? Как это могло напрямую быть связано с ней и той горестью, что была оттиснута на лицах присутствующих в приемной генерального директора?

— Извините, — робко начала она, останавливаясь у стола секретарши, которая почему-то сидела ко всем спиной. — Вы не подскажете, где мне можно найти...

Изящная кисть девушки вспорхнула с коленей и указала куда-то влево, надо полагать, на дверь заместителя. Лица она так и не повернула, а вот плечи зашлись в дикой судорожной пляске.

Плачет!!!

— Оля, — позвал ее кто-то со спины, — оставьте ее. Отойдем...

Ольга обернулась и взглядом поискала того, кто к ней обратился, но никто, кроме Евгения Евгеньевича, не обращал на нее никакого внимания. Стало быть, он. Слава богу, хоть по имени назвал. Значит ли это, что опала с нее снята в связи с трагическими событиями?

— Евгений Евгеньевич, — зашептала она ему на ухо, позволив взять себя под локоток и увлечь от стола секретаря ближе к двери заместителя генерального. — Что случилось?! Почему все здесь... секретарша плачет?

— Да, да, тише бога ради, — по ее примеру задышал он ей прямо в ухо, очень неуверенно устраивая свою руку на ее талии. — Тут такое несчастье!.. В кабинете Владислава Ивановича сейчас полиция!

— Да? — Ольга еле сдержала страдальческий стон.

Опять? Вот гад! Во что он опять влип?! Что успел натворить?! О чем-то таком он ей намекал в ее спальне, но пояснить не удосужился. Вот скотина, а! Ну, вечно же втрескается в какую-нибудь дрянь!!!

— И что они там делают? Там что, обыск?! — Ей вдруг сделалось душно и сильно замутило к тому же.

Плотная масса человеческих тел, колыхающаяся в такт общему движению и перешептывающаяся со значением, давила на нее своей трагической монолитностью. Потухшие взгляды, украдкой косящие на соседа. Какие-то жуткие слова, повторяющиеся с потрясающей периодичностью и лишающие последней надежды, что авось все обойдется.

— Евгений Евгеньевич! — воскликнула Ольга, сильно побледнев. — Что они все шепчут?! О какой такой нелепой смерти?! Ради бога, что случилось? Да не молчите вы!!!

— Его убили! — жутко оскалившись и не спуская с нее взгляда внимательно изучающих глаз, проговорил начальник. — Убили и надругались над трупом! Это так ужасно!.. Вчера он не явился на работу. Все были в недоумении. Ни звонка, ничего ровным счетом. А ночью его тело было обнаружено. Кошмар! Жена ничего не знает! Она уехала куда-то. Говорят, что к родственникам на Украину. Рожать якобы там собралась. Его нашли, а жена ничего не знает...

— Кого убили? — вдруг неприятным фальцетом взвизгнула Ольга, перекрывая придушенный скорбью гвалт. — Что вы несете? Кого убили? Кто кого мог убить?

Толпа колыхнулась и замерла. Все лица как по команде повернулись к ней, и на них отчетливо читалось теперь любопытство. Надо же, как ей удалось изменить картину всеобщего горя! Стоило чуть повысить голос, и все, что читалось лишь по горестной мимике на лицах, стало ясным, и все с пытливостью первооткрывателей разом уставились на нее. Вроде бы она знала больше всех.

— Извините, — буркнула Ольга, совсем не испытывая неловкости. — Просто пытаюсь понять, что случилось...

— А вы разве не знаете? — из-за широких мужских спин раздался робкий голосок, явно принадлежащий женщине. — Погиб Владислав Иванович Любавский!

— Когда? — это снова спросила она, не обращая

внимания на то, как щиплет ее за бок сконфузившийся Евгений Евгеньевич.

— Вчера поздним вечером нашли его труп, — ответил за всех все тот же голосок.

— И что с ним — с этим трупом? Говорят, над ним надругались? — ее голос летел над головами, звенел и даже насмехался над всем, что здесь с таким усердием нагнеталось все утро.

— Кажется, да. Никто точно ничего не говорит и не рассказывает, — снова объяснил ей все тот же голос и тут же смолк. Наверное, невидимого комментатора тоже кто-то трепал за бок, заставляя замолчать.

— Прекратите! — вдруг взвизгнула секретарша, и толпа теперь уже колыхнулась в ее сторону, вожделенно предвкушая продолжение захватывающего действа. — Прекратите сейчас же! И уходите уже все! Уходи-и-и-те-ее!!!

— У девочки истерика, — ахнул кто-то.

Тут же все разом загалдели, задвигались, зашумели. Кто-то ринулся за валокордином в диспетчерскую. Кто-то принялся звонить в «Скорую». Кто-то побежал за водой. Спокойной оставалась одна Ольга. Она с недоумением новорожденной взирала на всеобщее потрясение, вызванное истерикой заплаканной секретарши. И ей больше всего хотелось сейчас оказаться за закрытыми дверями кабинета почившего ныне Любавского, а в прошлом — Попова.

Там работала группа оперативников. В тиши его осиротевшего кабинета, с профессиональной неторопливостью они препарировали содержимое его стола, тумбочек, сканировали записи, сделанные на

страничках перекидного календаря... И туда ей ох как хотелось попасть.

Они-то уж точно знали, что к чему! Там со свойственной полиции стойкостью и равнодушием к чужому горю ей бы непременно сразу пояснили, как обстояли дела с теперь действительно трупом ее непутевого бывшего мужа.

Гвалт в приемной и не думал стихать, а все набирал и набирал обороты, когда дверь в кабинет Любавского распахнулась и на пороге появилась фигура мрачного стража порядка.

— В чем дело? — процедил тот сквозь зубы и обежал толпу цепким взглядом готового к прыжку волкодава.

Все разговоры разом стихли, и повисла гнетущая траурная тишина.

Страж еще раз прошелся по толпе сумрачным взглядом и кивнул, чуть смягчив тон:

— Что за толпа, спрашиваю? Все свободны! Когда будет нужно, мы вызовем.

Толпа маленькими ручейками потекла из приемной. Кто-то недоуменно дергал плечами, словно пытался сбросить с себя ненужный груз чуждых ему неприятностей. Кто-то обиженно косился на дверь генерального. А кто-то, как Евгений Евгеньевич, например, поспешил удалиться из приемной из совсем других соображений.

Не любил он столкновений с представителями подобных служб. Совсем не любил. И вопросы их проникновенные не терпел. И взгляды проницательные ненавидел. Чего это Ольга вздыбилась, непонятно?! Все уходить собрались, а она, напротив, к дверям Любавского поближе пробилась. Что, спрашивает-

ся, ей там надобно? А может, не так-то он был и не прав, подозревая этих двоих в адюльтере?!

А-ах, вот это открытие!!! Конечно, как же это так... Они состояли в любовной связи! С чего бы это вдруг рядового инспектора так скоропалительно повышать в должности и дергать к себе на ковер то и дело? Конечно, любовники! Вот это да, вот это номер!

Евгений Евгеньевич еще минут пять стоял за дверью приемной, поджидая непутевого своего заместителя. Ольга так и не вышла. Тогда, рассердившись на нее за ее непокорность и необдуманность поступков, он двинулся к лифту.

Ничего, она никуда от него не денется. Теперь, когда поддержки наверху у нее нет, она точно будет его женщиной. Лизка, Верка, Танька, Манька, пусть все катятся ко всем чертям! Ольга... Оленька... Слабая, покорная, милая... С ней ему будет хорошо и покойно. Не то что с этой неврастеничкой Верой. Сама же вчера напросилась на свидание! Он прождал ее на съемной квартире полтора часа. Тогда она позвонила вдруг ему на мобильный и отменила встречу. Ну не сволочь!!! Он сегодня даже не взглянул в ее сторону. Эта ее самодеятельность ей дорого обойдется. Да и сведения, которые она собиралась преподнести ему при встрече, ценностью теперь никакой не обладают. Он сам сумел догадаться, что эти двое любовники. Ну и пусть. Теперь это уже неважно. Не имеет значения, потому что любовник Ольги мертв!..

— Я не верю! — это было первое, что произнесла Ольга, появившись на пороге кабинета Любавского.

— То есть как?! — вытаращился на нее все тот же

сурового вида оперативник, перелистывая в руках блокнот Влада. — Во что вы не верите, уважаемая...

Она не назвалась, не желая идти на поводу их профессиональных приемов. Нужно будет, спросят в официальном порядке. Не спросят — их дело.

— Я не верю, что он погиб! — Ольга заметила, как быстро переглянулись между собой трое в штатском включая мужчину с блокнотом. — И хотела бы присутствовать при опознании. Ведь оно еще не состоялось, наверное. Я к тому, что... его жена, говорят, уехала?

— Вы хотите поехать с нами в морг? — вытаращил глаза второй из присутствующих в кабинете и, кажется, что-то уронил на пол. — Я вас правильно понял?

— Абсолютно. — Ольга прислонилась к двери, у которой ее еще день назад тискал Влад, напрашиваясь на свидание, в котором она ему отказала.

Наверное, зря. Может, он бы и остался жив тогда...

— А вы не боитесь? Секретарша упала в обморок, к примеру. — Криво ухмыльнулся тот, что с блокнотом. — И сейчас, кажется, все еще не в себе. А вы как? И к тому же, прежде чем мы пойдем вам навстречу, нам бы хотелось задать вам вопрос, который напрашивается сам собой... А вы кто погибшему, собственно?

— Я? — Ольга колебалась лишь минуту, потом с печальной улыбкой обронила: — Да никто, собственно. Повысил он меня в должности на днях. Понравились мы друг другу. И что-то наметилось такое, знаете... Брожение какое-то...

— А у него, между прочим, жена должна была

вот-вот родить! — рыкнул неприязненно третий оперативник. — А у вас брожение, твою мать!

Осудил ее лишь один. Двое других остались совершенно безучастными или старались казаться таковыми. Тот, что с блокнотом, равнодушно пожал плечами и проговорил:

— Как хотите... Дело ваше...

— Хорошо! Когда?! — Она оторвалась от спасительной опоры двери и шагнула по ковру кабинета ему навстречу.

— Спешки нет, но если вы настаиваете...

— Да! Я настаиваю! — Дышать ей становилось все труднее с каждой минутой, но она должна была дожать их до конца, чтобы они не услали ее к чертовой матери или еще куда подальше.

— Хорошо. Сейчас мы здесь уже заканчиваем. Степан останется опрашивать сотрудников. Лева, ты понял, куда тебе нужно съездить. Ну, а я съезжу с вами в городской морг, коли вам так приспичило. А что так-то, милая дама? — Мужчина с блокнотом протянул ей руку со словами: — Иван Саныч, коли охота... Почему так спешим-то?

— Я не верю! — просипела Ольга. — Мне кажется, что этого быть просто не может.

И тут, ужаснувшись, она как-то вдруг и сразу поняла, что Влад и в самом деле может оказаться мертвым. Что снаряд дважды не попадает в одну воронку, и молния не бьет, и что на этот раз обезображенный труп и в самом деле может оказаться...

Но отступать теперь уже было поздно, и она снова повторила:

— Я просто не верю, что это он! Я не хочу, чтобы я и вы в том числе ошиблись, признав его мертвым...

ГЛАВА 14

Прежде чем набрать номер Танюши, Валера Лапин колебался полдня.

Что он ей скажет? Как объяснит внезапный интерес к человеку, который интересовать его совсем не может и не должен? А вдруг она найдет его звонку свое собственное объяснение и придумает себе какой-нибудь романтический подтекст под всем его интересом. А оно ему надо?! Нет, конечно! Она замужем! У нее счастливый благополучный брак, наверное...

Но и не звонить было нельзя. Личность Любавского Владислава Ивановича заинтересовала его после первых же аккордов низковатого с еле заметной хрипотцой голоса Верочки.

— Говоришь, что это что-то личное? — уточнил он тогда на всякий случай, все еще не веря в то, что тихоня Ольга Шустикова может быть замечена в служебном романе со своим боссом.

— Да, его секретарша подслушивала под дверью. Говорит, что они были на «ты» и вполне конкретно зажимались. Разве этого мало?

— Ну, не знаю... — Лапина покоробило Верочкино «зажимались», по его мнению, к Ольге такое пошлое словцо совершенно не подходило.

— А назначение! Он же ее повысил в должности после того, как она побывала в его кабинете! Представляю... — тут Верочка оглушительно фыркнула прямо в трубку, что отозвалось звоном в его голове, — представляю, чего ей стоило это назначение!!!

Лапину представлять не хотелось, поэтому он по-

старался свернуть разговор, нажав кнопку отбоя на мобильном.

Итак, что получается: Ольга состояла в любовной связи с Любавским Владиславом Ивановичем? Маловероятно, хотя... Хотя ничего он отрицать не может, не узнав подробнее, кто и что такое этот Владислав Иванович.

Танюшка просьбе его не удивилась, зря он опасался. И, судя по теплым ноткам в ее голосе, ничего не стала для себя придумывать. Просто обрадовалась, услышав его, и тут же начала расспрашивать о жизни и вообще...

Они проболтали минут десять, как в старые добрые времена. Посмеялись над общими воспоминаниями. А потом без переходов подошли вплотную к делу.

— Тебе когда нужны эти сведения? — уточнила Танюша напоследок, записывая номер его мобильного.

— Чем быстрее, тем лучше, Тань. Дело не терпящее отлагательства, стал бы я беспокоить тебя!

— Да беспокой, Валера! — Таня тепло и нежно улыбнулась в трубку, он всегда чувствовал, когда она это делала. — Что ты, в самом деле, как не свой! Мы же завсегда рады и готовы помочь коллеге по цеху. Хоть ты и ушел, но ты все равно наш, Валер! Ребята часто тебя вспоминают...

А ты? У него просто язык свело от желания спросить ее об этом, но он не стал. Не спросил, а, отключившись, тут же пожалел об этом. Что от него, убыло бы, что ли?! Может быть, она уже развестись успела. Может, ее муж оказался мерзавцем, или у него открылись старые раны и он давно того... окочурился.

Лапин рассмеялся собственным грезам. Вот ведь можно до чего додуматься. И это всего лишь после одного телефонного звонка. А что будет, если они встретятся? Искра проскользнет или как? Зря все же про мужа ее не спросил, ну да ладно. Вот Танюшка перезвонит ему, тогда и спросит.

Но он не спросил, не успел. Она перезвонила ему следующим днем ближе к обеду. Лапин как раз, вытянувшись на диване, бездумно глазел в экран телевизора, методично перескакивая с канала на канал. Выходить из дома и бродить по городу под пронизывающими порывами ледяного ветра ему не хотелось. Чужая машина с вечера преподнесла ему сюрприз, заглохнув прямо посреди проспекта. Пришлось в срочном порядке вызывать эвакуатор. Теперь взятая напрокат «пятерочка» покрывалась толстым мохнатым слоем инея во дворе дома, где он снимал квартиру.

— Привет, — весело поприветствовала его Танюша. — Как там твои дела?

— Привет. — Лапин резко сел и вдруг занервничал, что-то с голосом его старой боевой подруги было не то, может, и правда что-то не клеится у нее с мужем, зря в прошлый раз не спросил. Ну да ладно, сейчас... — А что это ты вдруг о моих делах запечалилась, Тань?

— Да так, к слову, Валер. — Тут она очень отчетливо и очень печально вздохнула. — Тебе этот Любавский в каком месте дорогу перешел, Валер?

— Мне? Мне вообще-то ни в каком. Так, занимаюсь естественным отбором, так сказать. А что?

— А то! Попробовала я узнать о нем и такого накопала, что тебя даже жалко стало.

Она зашелестела бумагой, а он представил, как

она сейчас раскладывает на столе перед собой ровный факсимильный лист и водит по нему тонко отточенным простым карандашом. Татьяна не терпела маркеров и авторучек, всему на свете писчему оборудованию предпочитая простые карандаши. Оттачивала их исключительно опасной бритвой. Кто-то когда-то оставил ее им в наследство, выйдя на пенсию. Татьяна тут же завладела ею и с упоением потом предавалась искусству заострять графитовые наконечники простых карандашей.

— Короче, Любавский Владислав Иванович, — она скороговоркой зачитала год его рождения и место последней прописки, которое не могло его не встревожить. — Женат, жена Любавская Елизавета Юрьевна, возраст тридцать полных лет. Детей нет.

— И все? — вставил Валера в возникшую паузу, нарушаемую легким шелестом бумаги.

— Если бы! — Татьяна снова вздохнула и снова переспросила: — Он точно не твой клиент, Валер?

— Да точно, говорю, не тяни! — Его уже не занимал вопрос ее личной жизни, он уже забыл о том, что хотел спросить ее о муже; гончая взяла след и рвалась с поводка, чуя добычу. — Что там с ним не так, Тань?!

— Все не так! — хмыкнула Таня его нетерпению. — Все буквально... Фамилия Любавский не его.

— А чья? — Он даже привстал от неожиданности.

— Его жены. Он взял ее фамилию при бракосочетании.

— А-а, ну это обычное дело. А кто они были раньше, наш Владислав Иванович?

— А раньше они были Рябининым Владиславом Ивановичем. Рябининым, уроженцем деревни Смолянки Сыктывкарского района.

— И что? — Валера понимал, что главная новость впереди, но еще не знал какая.

— А то! Пробила я этого человечка из деревни Смолянки, уж прости, не удержалась.

— И???

— Нет такого и никогда не было, вот! — Танюшка довольно улыбнулась и собрала все свои бумаги в стопку, прихлопнув сверху ладошкой. Валера все это явственно увидел, как если бы она сидела в метре от него.

— Как это? — Валера отвлекся, представляя себе ее мягкую улыбку, поэтому главная новость дня не сразу пробрала его.

— А так! Нет такого в природе, и все тут! Есть в районе Рябинины, но ни одного Владислава Ивановича. И улицы с такой пропиской не существует, и... самое главное, деревни! Нет такого поселения в Сыктывкарском районе, милый!

«Милый» сильно согрело душу, но останавливаться на этом и развивать тему дальше было некогда.

— Ты хочешь сказать, что он жил по...

— Поддельным документам, — закончили они в один голос и замолчали надолго, думая каждый о своем.

Танюше было досадно, что он не рядом и она не видит его сейчас, удрученного ее новостью. Хоть он и не сказал ей правды, она была уверена, что Любавский его клиент. Не стал бы он звонить ей через столько молчаливых месяцев, сложившихся в солидный срок, из простого интереса. Валера же гордый, он так и не простил ей ее замужества.

А Валера этим временем молниеносно проводил параллели и меридианы возможных пересечений Любавского-Рябинина и Шустиковой.

Что, что, что? Что это могло значить? Она состояла с ним в сговоре?.. Они сообща затеяли эту авантюру?.. С чего тогда ему сниматься с якоря и лететь через всю страну в этот богом забытый город?

— Валера, ты еще там? — Танюшка тихонько кашлянула.

— Тут я, — отозвался он со вздохом. — Задала ты мне задачку, Тань. Все теперь летит ко всем чертям. Все мои версии и предварительные заключения.

— А у местных что?

Под «местными» она подразумевала коллег по оружию. С ними ему довелось познакомиться по приезде в этот город, и с ними он теперь поддерживал вялое бесперспективное знакомство.

— А у местных вообще задница, извини, Тань, но по-другому не скажешь! Им подсовывают полутруп со стволом, и они готовы списать на него один конкретный «висяк» из-за которого я, собственно, и осел в этом городе. И делают они это то ли по глупости, то ли сознательно.

— Конец года, Валер, — с пониманием вздохнула Танюшка, отвечающая за отчетность в его бывшем отделе. — Кому охота показатели портить! А почему полутруп?

— Парню проломили череп, он в коме. На выздоровление надеяться не приходится. Врачи дают один процент из ста, что он вообще выйдет из комы, и не дают ни единого процента, что он останется нормальным человеком.

— Как все удачно! А кто же его так? — В ее голосе отчетливо прозвучал интерес, что было обнадеживающим признаком.

Танюша обладала удивительной особенностью акцентироваться на мелочах и выуживать из них

столько всякой информации, что за советом к ней подчас не гнушалось обращаться и начальство.

— Предположительно, жена, — Валера скривился, вспомнив откровенную радость Федора Ивановича, потирающего руки в предвкушении благодарностей и наград.

— А жена у нас где?

— А жена у нас в бегах!

— О как!!! — Ему было слышно, как Таня откинулась на спинку стула, и он тоненько взвизгнул при этом расшатанной спинкой, неужели так до сих пор ей его и не поменяли... — И искать ее, стало быть, никто пока не собирается?

— А зачем?

— Да, действительно. Парень с пушкой в руках и дыркой в голове: прекрасный претендент на роль обвиняемого и безмолвного свидетеля. Идеально!!! Что думаешь про его жену? Думаешь, ее убрали?

— Думаю, да.

— Опять все в идеале... Кому выгодно? Хотя о чем это я?! Всем!!! Всем выгодно! Всем, кроме пострадавшего. Он достоин подозрений? — Какая же она была умница, его бывшая окопная подруга, все на лету схватывала, даже объяснять ничего не нужно.

— Брось! Бродяжка спившийся. Раз в три месяца наведывался домой, чтобы бедную женщину подстроить, постираться, отожраться и опять свалить. — Валера совсем забыл о времени, которое неумолимо уплывало вместе с деньгами с его телефона. Ощущение профессионального единства было столь велико сейчас, что он продолжал излагать ей суть проблемы, забыв о телефонных расходах. — В последний свой визит пребывал в нормальном состоянии. Явился приодетым, трезвым, с подарками.

Но сыну зачем-то шепнул, что теперь они заживут хорошо и что якобы у него есть теперь пистолет. Ну не придурок?

— Это не он! — тут же заявила Таня, едва он замолчал. — Убийство, из-за которого ты пасешься в этом городе, было заказным?

— Похоже, — кивнул Лапин, словно она могла его видеть сейчас. — И по моему мнению, убийц было двое, действовали самостоятельно.

— Игра на опережение?! — ахнула Танюшка и едва не заскулила вслух.

Ей так захотелось оказаться сейчас за сотни верст от того места, где она сидела. Оказаться рядом с ним — с Валеркой, — и думать с ним вместе, и ломать голову, чертить неправильные линии со стрелками, записывать любую глупость на бумагу, потом все перечеркивать и снова записывать. Зря все же он ушел из полиции, ей его не хватало.

— Но действовали достаточно... — Он умолк на минуту, представив себе, как Танюшка грызет сейчас кончик карандаша с горящими от азарта глазами; потом закончил: — Одним словом, не мог этот опустившийся мужик провернуть все это. Не мог! Как хочешь это назови: интуицией, психологической бредятиной по Фрейду или еще чем, но он не убивал.

— А пистолет откуда? — ввернула Танюшка. — Не нашел же он его, в самом деле!

— Вряд ли.

— Так вот подумай, откуда он мог взять пистолет, Валер? Профи не станет пушку выкидывать и постарается поскорее от нее избавиться, это во-первых. На серьезное заказное убийство, как показывает практика, всегда идут с новым оружием,

с тем, что еще не засвечено. Приобретение для профессионалов не проблема. Тот, кто не избавился от пистолета... Кстати, это именно тот пистолет, из которого произвели выстрел, достигший цели?

— Именно!

— Вот, вот, я и говорю... Тот, кто убил и не избавился от пистолета, не был профессионалом. Я так думаю...

— А я что говорю! Я им про то же, а они мне этого мужика полудохлого в нос суют и говорят, вот он тебе и есть второй непрофессиональный убийца на блюдечке с голубой каемочкой.

— Местные, что ли?

— А то кто же!

— Слушай, Валер. Мне, конечно же, тяжело сейчас что-то советовать тебе по телефону. К тому же деньги твои жалко.

— Они не мои, они служебные.

— Все равно. Но послушай моего совета. — После крохотной паузы, нарушаемой лишь поскрипыванием спинки стула, Татьяна выпалила: — Найдешь место, где этот твой несчастный бродяга взял пистолет, найдешь настоящего убийцу. На улице он его не подобрал, такие вещи на дорогах не валяются. Купить тоже не мог, хотя тот факт, что он оказался при деньгах... А может, он шантажировал кого-то? За это и заплатили и за это поплатился?

— Гадать, Танюша, можно знаешь сколько!

— Понимаю, но найди то место, где он его взял, и сразу все поймешь. Пока, дорогой. Звони, если что, а лучше высылай деньги.

Это была их старая байка, которую они по делу и без дела пользовали в отделе. Были и другие, но эту использовали чаще других...

Про мужа у нее так и не спросил, запоздало посетовал Валера. Ладно, потом. Сперва нужно проанализировать всю информацию, которой они с Татьяной успели обменяться, и ближе к вечеру нужно все же выбираться в город.

Продуктов прикупить не мешало бы, на полках один пакет с макаронами да полкило сахара. Потом необходимо проехаться общественным транспортом до дома, где живет Ольга Шустикова. Осмотреть подступы к ее жилищу и наметить конкретный план проникновения в ее квартиру. Ключ давно уже болтается невостребованным грузилом в его кармане. Пора настала...

Лапин встал с дивана, подошел к заиндевелому окну и, приплюснув нос к стеклу, выглянул на улицу.

Его машина, которую вчера приволок эвакуатор, угадывалась мохнатой снеговой горкой на стоянке. Редкие прохожие, замотавшись в шарфы по самые глаза, спешили по домам. Ветер трепал голые, звенящие от мороза ветви деревьев. Поднимал с земли снеговую пыль, зло швырял ее в лица, засыпал за воротники и вьюжил, вьюжил по опустевшим дорогам и тротуарам. Бродячие собаки, на время заключив перемирие с шипящим и выгибающим спину при их появлении кошачьим племенем, облепили парящие бойлеры.

Валера зябко поежился и, сунув руки в карманы спортивных штанов, побрел на кухню.

Выходить на улицу ну никак не хотелось. Представить себя бредущим по колено в снегу, с покрасневшим от мороза носом по вечерним выстуженным улицам, его воображение отказывалось. Зато другое им — этим самым воображением — рисовалось очень живенько и в самых ярких красках.

Вот он возвращается в свой город с толстой папкой, где покоится полный отчет о задании, которое он с блеском выполнил. Административные мужи ему рукоплещут. Гонорар незамедлительно выплачивается. Ему пожимают руки, он со снисходительной скромностью гасит улыбку и, отказавшись от приглашения на ужин в свою честь, отправляется домой. А дома... А дома привычно тепло, уютно и пахнет жареным мясом. Он неторопливо раздевается в просторной прихожей. Пристраивает одежду на вешалке и тихо про себя улыбается. На душе хорошо и спокойно. Его здесь ждут. Он знает, что нет у него теперь одиноких вечеров и обедов наспех всухомятку. Здесь у него... семья.

У Валеры даже ладони вспотели в карманах спортивных штанов.

Вот это занесло называется! Семьи ему захотелось... А как же девочки, которых он коллекционировал в интересах дела? Семья и девочки ведь понятия несовместимые. Как же Ниночка, Верочка и им подобные? Как же он справится без них? Валера недовольно поморщился, словно ненароком осквернил чистые мысли о семье. Что же, придется как-то приспосабливаться, лавировать, прибегать к помощи осведомителей, воздерживаясь от крайних мер — постели то есть.

Он поставил чайник на газ. Полазил по полкам, нашел остатки растворимого кофе и полпачки крекера. Не то чтобы очень, но лучше, чем ничего. Усевшись за стол, старательно обегая стороной окно, от одного вида которого его пробирал мороз, Валера задумался.

Что может знать о Любавском-Рябинине Шустикова? И что тот мог знать о ней? Случаен или нет его

интерес к этой даме? Как далеко зашли их отношения? И можно ли считать совпадением тот факт, что последним городом, откуда прибыл этот самый оборотень, был как раз тот самый, где жил до последнего момента он сам — Валера Лапин; и до самой смерти жил его клиент, хладнокровно застреленный потом в гостиничном номере?

Загадки, сплошные загадки, черт возьми.

Валера метнулся к чайнику, начавшему сердито хлопать эмалированной крышкой о края и выпускать в жерло вытяжки острые струйки пара. Высыпал кофе и сахар в чашку, залил крутым кипятком, размешал кое-как и снова сел к столу, не забыв прихватить остатки печенья.

Все будет много проще, если версия причастности Ольги к убийству окажется единственно верной и будет доказана. В таком случае это преступление становится просто идеальным. Его можно даже рекомендовать для занесения в учебники по криминалистике.

Схема проста...

Ольга вступает в сговор с Любавским-Рябининым. Они нанимают киллера, она вызывает бедного судопромышленника в этот город с какой-то целью, и преступление вот-вот готово совершиться, когда им кто-то переходит дорогу...

В этом месте преступление мгновенно перестает быть идеальным.

Кто? Кто, черт возьми, мог перейти им дорогу, если заинтересованных лиц, кроме Шустиковой, больше нет! Кто убил? И как потом орудие убийства оказалось в руках мужа ее подруги? Как оно вообще к нему попало, не сама же она ему его в руки вложила? Это же абсурд!

А что, если...

Валера с силой вцепился в кружку, забыв донести до рта слабую суррогатную бурду.

А что, если этот Любавский, который и не Любавский вовсе и даже не Рябинин, действовал сам по себе, а Шустикова сама по себе?!

Предположим, у каждого из них по киллеру. У Шустиковой свой, у Любавского свой. О намерениях друг друга они каким-то образом узнают и спешат опередить. Кто опережает в итоге?

Валера с силой стукнул чайной ложечкой по столу.

Конечно же, Любавский! Он по схеме должен опередить. Танюша сказала, что его жена будто бы ждет ребенка. Вот вам и толстая женщина в гостинице! Как же он сразу-то... Наверняка это она — Любавская Елизавета Юрьевна, кажется... Она приходит в гостиницу, переодевшись в халат обслуживающего персонала. И убивает судопромышленника, завладев его бумагами. Потом они каким-то образом подбрасывают пистолет Ольге, и его каким-то образом находит муж ее подруги...

— Дерьмо! — мрачно изрек Валера и одним глотком опрокинул в себя остывший кофе, сморщился и еще раз повторил: — Дерьмо!

Все шито белыми нитками и наспех.

Ну завладели они бумагами, и что? Куда они с ними? Ольга, и только она, является по условиям договора душеприказчиком застраховавшего свою жизнь судопромышленника. Что им с тех бумаг?! Придут и начнут за грудки ее трясти, отдай денежки?! Чушь!

Валера понял, что ответить на часть его вопросов может только один человек — Ольга. Но чтобы она

была с ним предельно откровенна и доверчива, ему надо бы еще кое-что узнать о ее шефе и, предположительно, любовнике — Любавском Владиславе Ивановиче.

Он вернулся в гостиную и, нашарив на диване мобильный, набрал Верочку.

— Алле, — хрипло отозвалась она, почти сразу сняв трубку. — Слушаю!

— Это я. — Он не представлялся почти никогда, ее абсолютный музыкальный слух узнавал его голос. — Как дела в нашем королевстве? Как коллега? Как ее покровитель? Ты вообще говорить можешь или чьи-нибудь уши рядом?

— Сейчас, дверь прикрою...

В трубке прозвучал дробный перестук ее каблуков, глухой звук закрываемой двери, и следом:

— Алле, Валера, я слушаю тебя.

— Это я тебя слушаю, Вер. — Лапин представил, как она вытягивает сейчас под столом длинные стройные ноги, хитро ухмыляется уголками губ и минуту размышляет, что можно и нужно сообщить приставучему парню. — Вопросы я тебе задал.

— А почему я должна тебе на них отвечать, Валера? — Верочка томно хмыкнула в трубку.

— Верочка, Верочка, побойся бога! Мы ведь это все уже с тобой обсуждали! Зачем же снова повторяться?! — Он не ошибся в ее реакции и тут же избрал единственно верный тон: — Ты же не терпишь ее и используешь каждый удобный момент, чтобы ей нагадить... с некоторых пор. Так? Так!

— Почему? — снова затянула Вера знакомую песню — на работе, видимо, появилось свободное время, которое она решила использовать в угоду своему сарказму. — Она сама себе нагадить способна, чего уж мне-то!

— И это мы с тобой тоже проходили, Веруня! — Валера делано хохотнул, хотя с большим удовольствием послал бы эту жеманную бабу к черту, но нельзя было, в интересах дела надо терпеть. Нет, мысль о семье и перепрофилировании отметать все же не следует. — Итак, Вер, давай по пунктам. Ты же не хочешь, дорогуша, чтобы твой несравненный Женечка узнал о наших с тобой постельных кульбитах?

— А ему плевать, знаешь! У него теперь новый интерес наметился! — окрысилась сразу Верочка.

— Оленька? — Не хотел, да опустился снова на диван.

Воистину день сегодня потрясающий, новость за новостью на его бедную голову.

— А то кто же! Эта овечка в волчьей шкурке везде успевает! — Она добавила пару непечатных слов, совсем не заботясь о том, что Валере это может быть неприятно. — Не успела одного земле предать, тут же к другому лыжи навострила.

— Та-ак!!! — Его аж подбросило от ее «земле предать», подбросило так, что сразу перемешало в голове все его стройные и почти идеальные формы преступления. — А ну-ка давай, твою мать, поясняй, что сие значит? Уж не хочешь ли ты сказать, что господин Любавский?..

— Именно! — гаркнула Верочка. Что за манера, ей-богу, орать в телефон. — Нету у нее теперь покровителя, Валера! Нету!!! Наша бедная Лиза снова одна, и ей просто необходимо найти опору в жизни.

— Это я уже понял, Вера. — Валера поискал взглядом пульт, отключил телевизор и быстро пошел в спальню. Распахнув там встроенный шкаф, он принялся вытаскивать одежду и швырять ее через

всю комнату на диван в гостиной. — Ты мне вот что скажи: что с ним стряслось такое?

— С Владиславом Ивановичем?

— Да, да, да! Прекрати все время переспрашивать! Что с ним: инсульт, инфаркт, отравление алкоголем или он на собственных кальсонах удавился, что?! — Лапин стянул спортивные штаны и одной рукой принялся натягивать на себя джинсы.

— Кто же его знает! Труп нашли ночью. Обезображен сильно. Кто говорит, что его сожгли, кто — сильно избили, правды никто не говорит. Машину вроде как угнали, что ли. С полицией только Оленьке и довелось пообщаться.

— Что так? — Он на мгновение отстранил трубку от уха, просовывая голову в узкое горло теплого свитера. — Что так? Вас-то что, не удостоили?

— Так мы и не желали, а она сама напросилась. Так мало того, говорят, на опознание поехала! Монстр, а не баба, скажу я тебе, Валера! Слушай... — Вера вдруг многозначительно замолчала, а потом вкрадчиво после паузы спросила: — А ты и правда следишь за ней по поручению ее мужа? Она и правда сбежала от него или это всего лишь легенда?

— Правда! — показавшись даже самому себе искренним, с чувством воскликнул Лапин. — Стал бы я тебе врать, Вер?!

— У-ум, понятно. А я думала...

— Что ты думала? — Свитер он надел задом наперед и теперь, вытащив из рукавов руки, вращал его вокруг шеи, пытаясь пристроить на нужное место.

— Думала, что она в криминале каком-нибудь замешана.

— С чего ты взяла? — Лапин перестал крутить свитер и настороженно замер. — Что это у тебя за подозрения?

— Да нет, я просто так. Ладно... — Тут Вера понизила голос до шепота: — Меня сам вызывает, по стеклу уже трижды стучал. Пойду я, а ты звони, Валера, если новости какие-нибудь услышишь.

Он натянул-таки на себя злосчастный свитер, застегнул джинсы и совсем было собрался идти в прихожую, когда вдруг с чувством ударил себя по бедрам и в сердцах выругался.

Кому вот, кроме Шустиковой, мог помешать Любавский?! Никому! Чего тогда поехала на опознание? Надо бы узнать, чье отделение там работает, и втиснуться к ним с располагающей улыбкой, документами частного детектива и очередной придуманной наспех историей. Пустят ли? Пустят! Куда они денутся...

Когда же он распутает это чертово дело? Ох как ему надоело! Ох как он разозлился! И на Шустикову, и на тайны ее, и на себя — несостоятельного идиота, неспособного решить задачу с одним, нет, не с одним, — с двумя неизвестными. Раньше бывало и похуже, и ничего — разбирался. Чего же теперь-то? Зажирел на вольных хлебах? Или... эта чертова баба сумела обвести всех вокруг пальца? Пора! Пора наведаться к ней! Сегодня. Уже сегодня. Тем более что опасности столкнуться в ее квартире с любовником уже нет.

— Все, девочка! — зло скрипнул он зубами, натягивая черную вязаную шапочку на самые брови перед зеркалом. — Берегись теперь! Я уже иду!

ГЛАВА 15

Сколько времени она поднималась к себе на пятый этаж? Десять минут, полчаса, а может быть, час? Затоптанный бетон гофрированными ребрами ступеней плясал перед глазами и все никак не хотел кончаться.

— Здравствуйте, Оля, — поздоровался с ней умненький мальчик с четвертого этажа.

Они жили прямо под ней: он и его мама. Хорошо жили, спокойно, мирно. Не богато, нет. Случалось, что и деньги занимали у ее обеспеченной соседки, той, что справа, и отдавали с опозданием, но что спокойно жили — это бесспорно. Часто смеялись, слушали хорошую классическую музыку, принимали гостей, пекли пироги. И не было в их доме пустоты и холода. Не было неопознанных трупов, пропавших без вести мужей и подруг, не было мужей подруг с разбитой головой и пистолетом в руке.

Почему же у нее-то все не так?! За что ей все это добро в таком количестве?!

Она никому и никогда не желала и не делала зла. Всегда шла навстречу тем, кто нуждался в ее помощи.

Влад тоже, несомненно, нуждался в ее помощи, потому и примчался к ней через столько лет и верст. Что-то его угнетало, мучило, но он так и не успел рассказать ей ничего. Не успел... А взял и просто-напросто умер! Страшной, изуверской смертью втоптанного в грязь человека. Они, эти изверги, изуродовали его! Они стерли с лица земли его совершенную красоту! Как, как они посмели?! Пусть

недостойно иногда он жил, пусть неправедно поступал зачастую, но умереть-то хотя бы дали ему по-человечески...

Слезы начали ее душить внезапно. Только вот еще секунду назад все было омертвевшим внутри, словно окаменело там все или замерзло. Как будто тот патологоанатом с безучастным бледным лицом, что вытаскивал из холодильника труп ее Влада, успел заморозить и ее тоже.

Пока она стояла, жадно вглядываясь в тело человека, который еще совсем недавно был полон жизни, этот хитрый равнодушный эскулап подкрался к ней и незаметно ее заморозил. Все чувства, всю ее боль и тоску сумел заковать в лед и спрятать куда-то, а теперь все это вдруг ей вернул самым невероятным, самым непостижимым образом.

— Оля, а нам отопление дали! — крикнул ей через площадку умненький мальчик. — С самого утра горячие батареи! Дома уже жарко!

— Да, да, спасибо... — сдавленно пробормотала она, роясь в сумке в поисках ключей. — Спасибо тебе...

Она забыла, как зовут этого славного подростка. Ужас какой! Он помнил ее имя, а она его — нет. И это после стольких лет соседства!

Нет, тут все же дело не в ее памяти, с ней как раз все в порядке. Помнила бы она тогда, как торчали кости сломанного носа у мертвого Влада?! Нет, память не подводила. Тут дело было в другом. Причина была в ее горе, которое начало ее душить и выворачивать наизнанку. Оно вдруг, это самое горе, совсем неожиданно и без предупреждения начало выплескиваться из нее вместе со слезами и сдавленными всхлипами.

Оля открыла дверь, черт знает с какой попытки попав в замочную скважину ключом. Ввалилась в квартиру, одновременно роняя сумку, ключи, пакет с хлебом (даже не помнила, когда покупала), шапку, которую стянула с головы и закрывала ею вопль, рвущийся наружу. Уронила это все, толкнула бедром дверь, захлопывая ее, и тут же осела на пол, неудобно раскинув ноги в разные стороны.

— Как ты посмел? Как ты посмел, скотина, бросить меня опять? Я ждала тебя, надеялась, я... я... даже отомстить тебе не успела, как хотела! Ты... ты снова оставил меня, гад! Гад!

Ольга разрыдалась. Рыдала громко и долго. Рот некрасиво кривился, уползал в сторону, и как она ни старалась сдерживаться, он словно жил самостоятельной жизнью, все выплевывал и выплевывал скорбные ругательства в адрес Влада. Щеки жгло с мороза и от слез, глаза щипало, а дыхания не хватало.

Это и есть горе?! Это опухшее красное лицо, лихорадочно вздымающая грудь и следы от ногтей на ладонях... Или ее горе ей еще предстоит осознать в полной мере в ночной тиши пустой спальни, в одиноких воскресных утрах и безрадостных праздниках? И никакой теперь уже надежды, никакой! Что он может опомниться, измениться, вернуться к ней.

Он не имел права так поступать! Как он мог?! Ну почему опять?..

Ольга не отдавала себе отчета в том, что методично, раз за разом повторяет и повторяет одно и то же:

— Почему ты опять сделал это со мной, Попов??? Почему опять?

И если первоначально Лапин Валера со смиренным сочувствием ждал окончания ее истерики, то

теперь не мог не насторожиться. Пора было явить ей свое присутствие, решил он, выбираясь из ее старенького кресла и осторожными шагами ступая по синтетическому паласу.

Лишь бы не напугать ее. Лишь бы не спровоцировать на опрометчивые действия. Кинется вон из квартиры и начнет орать про то, что ее грабят или убивают. Объясняйся потом с местным участковым. А оно ему надо? Это дело и так у него уже в печенке сидит и изжогой каждое воспоминание о нем отзывается.

— Эй, привет... Ты как? — Валера опустился перед Ольгой на корточки, держа руки наготове, на тот случай, если ей вздумается заорать. — Помнишь меня?

Ольга почти не удивилась его появлению. Ему так во всяком случае показалось. Несколько мгновений смотрела на него из-под полуопущенных припухших век, потом скорбно сжала губы и кивнула ему, что должно было означать, мол, да — помню.

— Вот и хорошо. Кричать не будешь, если я тебе помогу подняться и раздеться? — Лапин смотрел на нее с сочувствием.

Ощущение ее непричастности ко всем кровавым делам снова вернулось. Вот не видел ее, готов был обвинить в чем угодно. Мог списать на нее и смерть застраховавшего свою жизнь на кругленькую сумму судопромышленника, и покушение на мужа подруги, и даже смерть Любавского готов был на нее повесить.

А увидел, и все...

Не она!!! Ну не могла она этого сделать!!! Стала бы она так убиваться по тому же Любавскому, если бы сама организовала его убийство?! Нет, конечно же.

Кстати, а почему Попов? И почему **опять** он это сделал с ней? В чем ей видится повторение?

— Попов — это настоящая фамилия Любавского, — проговорила сдавленно Ольга, поднявшись с пола с его помощью и позволяя снять с себя сапоги и дубленку.

— Как Попов?! — У Лапина мелко-мелко забилось сердце, он оторопело смотрел на то, как Ольга ищет свои тапки, натягивает их на себя, а потом швыряет к его ногам мужские огромного размера, и снова повторил: — Как Попов?! Он же до Любавского был Рябининым!

— А до Рябинина был Поповым. А что это вы так всполошились, словно он Поповым быть не мог? Какая теперь разница... — Она вяло махнула рукой, тут же судорожно зажала переносицу щепотью и со всхлипом произнесла: — Его теперь нет никакого. Ни Попова, ни Любавского, ни этого, как там его...

— Рябинина, — подсказал Лапин, неловко ступая в огромных тапках следом за Ольгой в кухню.

— Рябинина, — эхом отозвалась Ольга, осторожно присела на краешек табуретки в своей крохотной кухне, тут же с тоской оглядела ее от пола до потолка и от стены до стены и снова всхлипнула. — Мы же тут с ним совсем недавно чай пили... Я ему еще тогда его ненавистные сушки подсунула. Специально подсунула, знала, что он их ненавидит, а... И еще батон нарезала. Господи, какая же я дура! Зачем нужно было перед ним выпендриваться?! Что и кому хотела доказать?! Глупая мелкая месть глупой мелкой бабы... У меня же и конфеты были тогда, и печенье, даже пирожные в холодильнике были! Так нет же... Накрыла стол, а к чаю подала бог знает что! Все, что он так ненавидел.

— А что конкретно, кроме сушек, он ненавидел? — Лапин давно уже присел на табуретку напротив и жадно внимал каждому ее слову.

— Нищету! — с чувством выпалила Ольга и закрыла лицо руками. — Он ненавидел нищету, неустроенность, неувязки всякие. Он — Владик — считал себя совершенством и полагал, что все вокруг него должно быть совершенным. Он даже не отдавал себе отчета в этом своем стремлении.

— Так вот даже?

— Да! Он не догадывался, а я... а я все и всегда про него знала! Не смогла вот только предугадать такого финала. Знаете!.. — Она убрала руки от лица и совершенно больными и потерянными глазами посмотрела Лапину куда-то прямо в сердце. Да так посмотрела, что оно у него тут же заныло. — Знаете, а, наверное, я сумела бы предугадать, если бы задумалась как следует, и тогда...

— Вы о чем?

— О том, что в тот вечер он вел себя как-то... както неестественно. И еще обронил странную фразу, на которую я почти не обратила внимания... Почти... — Ее губы снова поползли куда-то вбок и сильно задрожали. — Он нуждался в моей помощи наверняка, а я не почувствовала. Он приглашал меня в тот день, когда у Ксюши случилось несчастье, помните? Он приглашал меня на свидание. Вернее, хотел, чтобы мы были с ним вместе в тот вечер, но...

— Но что? — Лапин уж и не знал — радоваться ему или горевать на предмет того, что, кажется, Вера оказалась права, никакого наговора не было: Ольга и в самом деле была любовницей своего шефа.

— Но я отказала ему!

Ольга поднялась с табуретки и немного походила

по комнате. Три крохотных шажка от двери до окна, и три таких же шажка от окна до двери. Потом потерла лоб, нахмурилась, словно что-то пыталась вспомнить, и спросила:

— А как вы сюда попали вообще-то?

— Через дверь. Открыл ключом дверь и вошел. — Чтобы выглядеть убедительнее, Лапин выложил на стол дубликат ее ключа и чуть щелкнул по нему пальцем; ключ заскользил по поверхности стола и на середине его замер.

— А ключ откуда? — Она теперь уже вполне осмысленно смотрела на него и даже, кажется, начинала в чем-то подозревать.

— Из гаража... — Под ее взглядом, выражающим болезненное подозрение, ему сделалось не по себе.

Возьмет сейчас и выставит его вон. Или полицию вызовет, к примеру. Да и заорать в полное горло ей сейчас никто не мешает. Объяснить ей причину своего незаконного вторжения на ее территорию он, конечно же, мог бы. Но она ей не понравилась бы — это однозначно.

Кому понравится несанкционированный обыск в собственной квартире, причем в отсутствие хозяев?!

— Так это вы?! — Ольга растерянно смотрела на него, на какое-то мгновение из ее глаз исчезла скорбь, и в них появилось что-то похожее на интерес, какого рода, правда, оставалось только догадываться. — Так это вы шарахнули меня тогда по голове?! Для того чтобы...

— Снять слепок ключа, — покаялся Лапин и даже голову склонил, надеясь, что повинную ее и меч не сечет. — Но по голове я вас не бил, я отключил вас, ударив по шее.

— Значит, он не соврал! — Ольга вдруг отвернулась от него и, излишне суетясь, принялась наливать в чайник воду, зажигать газ и ополаскивать заварочную глиняную кубышку. — Влад видел вас. Он говорил, даже приметы ваши мне описал, достаточно живописно, между прочим. Но я не поверила ему.

— Почему? — Лапин с напряженным вниманием рассматривал Ольгу, стоящую сейчас к нему спиной.

Тонкий свитер из ангорки скатался по швам, манжеты рукавов потеряли форму из-за частых стирок. По низу Валера разглядел две упущенные петли. Но, несмотря ни на что, этот заношенный до катышек бледно-голубой свитерок как нельзя лучше обрисовывал ее узкую спину и плотно облегал тонкий контур талии. И еще он очень удачно подчеркивал рельефность ее груди, это Валера рассмотрел чуть раньше. Упругой, молодой, красивой груди, до которой ему...

Можно ли оставаться беспристрастным, находясь от объекта своих подозрений в столь досягаемой близости?! Да еще если объект этот так хорош собой?!

— Я подумала тогда... Подумала, что он это все подстроил нарочно, — произнесла Ольга и повернулась в самый неподходящий момент.

Лапин как раз опустил свои глаза на уровень карманов на ее джинсах. Взгляд он свой спрятать не успел и смутился. Кажется, она успела поймать его — вороватый и ощупывающий.

— А оказывается, это все вы! — выговорила она это без прежних намеков на доброжелательность. — Так что вам нужно от меня? Ах, да, ключ, я и забыла! А ключ вам был нужен для того, чтобы порыться в моих вещах без санкции прокурора. Я правильно все понимаю?

— Правильно. — Врать ему смысла не было, актуальность ее звонка в полицию достигла своей критической отметки, поэтому надо быть предельно откровенным.

— И что? Нашли то, что искали? — Она недобро улыбнулась ему, уставившись не мигая ему в переносицу.

— Нет, — честно ответил Валера. — Не нашел.

Он и в самом деле ничего не нашел такого, что могло бы указать на ее причастность к преступлению. Обычная квартира обычной женщины. Правда, он не успел порыться в коробке с документами. В тот самый момент, когда он достал эту коробку из нижнего выдвижного ящика ее старенького письменного стола, зазвонил телефон. Лапин вдруг перепугался отчаянно. Принялся вытирать все предметы, которых касался, носовым платком. Потом рассмеялся своим страхам и опустился в кресло. Минуты через три вошла Ольга...

— А что искали? Стоп! Не говорите ничего! Попробую угадать. — Она ополоснула странную глиняную кубышку крутым кипятком, всыпала туда горсть хорошего дорогого чая, залила ее водой из вскипевшего чайника. Потом накрыла кубышку вафельным полотенцем и лишь тогда продолжила: — Вам хотелось найти свидетельства моей вины в деле покушения на Алексея. Я права?

— Отчасти, — уклончиво ответил Валега и тут же удивился. — Вы так выражаетесь...

— Как?

— Профессионально, сказал бы я. В деле покушения... Так только опера говорят.

— Это мамина школа, — она вдруг впервые улыбнулась непринужденно. — Она очень любит это, это

ее фишка — уметь подобрать слова, приемлемые для той или иной обстановки.

— А мама у нас кто?

— А мама у нас... — Она вдруг погасила улыбку и холодно заметила: — А вас это не касается. Так что там с вашим обыском? Я тут подумала, что...

— Что?

— Что не могли вы обыскивать мою квартиру из-за Лешки.

— Это еще почему?

Определенно Федор Иванович знал, на кого глаз положить, девочка была мало того что хороша собой, она еще к тому же была умницей, каких мало. И орать не стала, и в полицию не кинулась звонить, хотя понимала, что его за такую самодеятельность свои же на дыбу вздернули бы.

— Потому что история в подземном гараже случилась много раньше того момента, когда Лешке кто-то пробил голову. — Она снова засуетилась с чаем, не забыв спросить: — Чаю хотите?

— Чаю? Чаю можно, только не с сушками, если можно, — обнаглел вконец Лапин. — А за ответ вам пять с плюсом! Вот!

Ольга не отозвалась на его лесть. Вытащила откуда-то с самой верхней полки запечатанную картонную коробку и принялась ее раздирать, вытаскивая на свет божий новенькие чайные пары дорогого, почти прозрачного, фарфора кремового цвета. Сосредоточенно наморщив лоб, ополоснула фарфоровое великолепие под мощной струей воды. Выставила все на стол перед Валерой и с другой полки достала несколько ярких упаковок с бисквитами.

— Владу, смешно сказать, в щербатых старых чашках чай подавала. А мамин подарок так и остал-

ся нераспечатанным, — вдруг нарушила она тишину и снова вполне отчетливо всхлипнула: — Дура чертова! После стольких лет и так его встретить...

— Спасибо, — пробормотал Лапин, принимая из ее рук чашку и блюдце с нежными рыхлыми ломтями бисквитного кекса. — Я так понял, что вы были знакомы раньше?

— Знакомы? Вы называете это знакомством... Минутку, я сейчас.

Она убежала с кухни стремительно, не дав ему опомниться. И так же стремительно явилась, неся перед собой ту самую коробку с документами, содержимое которой он хотел, да не успел просмотреть. Ольга швырнула ее на стол. Крышка соскочила, открывая сползшие в сторону конверты и заламинированные бумаги с гербовыми печатями.

— Еще не ознакомились, судя по всему? — Ольга насмешливо хмыкнула, видя его нетерпение.

— Не успел, телефон зазвонил. — Он все время говорил ей правду, ой не к добру. — Потом вы пришли.

— Понятно. Ну, я вам помогу. — Запустив руку на самое дно коробки, Ольга вытащила из-под стопки документов темно-сизый прямоугольник бумаги без характерной слюдяной поверхности, с замахрившимися загнутыми кончиками. Сунула ему в руку и потребовала: — Читайте!

Он читал и снова перечитывал. Поднимал на нее непонимающие глаза свихнувшегося от собственных версий и сумасшедших идей сыщика и снова принимался читать.

Свидетельство о смерти было выдано Шустиковой Ольге несколько лет назад одним из сельских советов такой тмутаракани, которую и на районных картах не сыщешь.

Оно гласило, что ее муж, Попов Владислав Иванович, скончался такого-то числа такого-то месяца и такого-то года, о чем в книге регистрации актов гражданского состояния и сделана соответствующая запись. И все. Ни слова больше о том, как и где он скончался. Как потом он стал Рябининым, а потом Любавским. И ни слова больше о том, что его привело в этот город, где жила его бывшая жена, которая, судя по всему, его сильно оплакивала тогда. Раз оплакивала и теперь.

Ничего там такого не было сказано. Но Лапину это было неважно. Он держал в подрагивающих пальцах затертый клочок бумаги и из последних сил боролся с желанием схватить ее сейчас, стоящую всего лишь в полуметре от него, обхватить ее талию руками, уткнуться покрывшимся испариной лбом в ее живот и рассказать ей все от самого начала до самого конца. И про Таню, и про свой уход из полиции, и про новую работу свою, и про последнее задание... Черт его знает, как он сдержался!

— Вот это да!!! Это же... Это же все в корне меняет, Оля! — Он так и не сделал того, что хотел: не обнял, не привлек к себе и не рассказал ей ничего о себе, лишь невнятно пробормотав: — Если он Попов Владислав Иванович, то это значит...

— Это значит, что он мертв сейчас. — Она отступила вдруг, словно почувствовала его импульсивное желание, села на табуретку и, взяв в руки чашку, попросила: — Давайте просто попьем чаю. Помолчим и попьем чаю. Мне и вам нужно о многом подумать. Давайте помолчим... Вас как зовут?

— Валера.

— Давайте просто помолчим и подумаем, Валера. — Она отхлебнула чая, обожглась и схватилась

за губу, чертыхнувшись: — Все не так сегодня... Даже ваш визит. Он непонятен. Ваш интерес ко мне непонятен. Но что-то подсказывает мне, вы все равно не скажете мне ничего.

Он промолчал.

— Тогда давайте думать каждый о своем. А потом... Потом объединим наши усилия, и, может быть, у нас что-то получится. Каждый из нас что-то или кого-то ищет. Мне бы не хотелось быть одинокой в своих поисках. А вам?

Ему? Ему не хотелось быть одиноким, это точно. Не хотелось быть одиноким ни в поисках, ни в жизни. А хотелось ему просто сидеть напротив нее и пить чай с мягким кексом, издающим тонкий аромат ванили и вишни. Говорить о чем-нибудь нейтральном, о приближении Нового года, к примеру. И о том... в каком месте они поставят елку. Решить сообща, что игрушек пусть будет мало. Серебристые и золотистые шары и две-три нитки золотистой мишуры. Наряжать они ее будут за день до торжества и непременно вместе. А потом выключат свет и зажгут огни на елке, и будут сидеть, обнявшись, на диване и молчать. Только то молчание будет не таким, как теперь, к которому она его призвала. Оно будет искренним, чистым. Про которое говорят, что оно красноречивее любых слов. Такое молчание подразумевает... доверие.

О каком доверии может в их с Ольгой случае идти речь, если он все от нее скрывает?! От нее и от всех, к кому ему довелось обратиться за помощью.

Господи! Но как, как он мог ей все рассказать? Он не имел права! Он не смел ей рассказывать о том, что ей должны выплатить крупную сумму страховки. О том, что ей не хотят эту самую страховку вы-

плачивать. И о том, что он послан сюда затем, чтобы перевернуть все с ног на голову, но доказать всем, что она мерзавка!

ГЛАВА 16

Они уже час ползли на ее «божьей коровке», как он именовал шедевр отечественного автомобилестроения — автомобиль «Оку». Ползли с черепашьей скоростью по проселочным раздолбанным дорогам. Летняя резина шлифовала обледеневшую корку. Машину швыряло из стороны в сторону, когда Ольга по неосторожности выползала из глубокой колеи, оставленной гигантскими колесами деревенских тракторов.

Валера лишь укоризненно покачивал головой в адрес российского бездорожья. К Ольге у него претензий не было. Вела она аккуратно, почти мастерски, хоть и женщина.

— Долго еще? — не выдержав, спросил он, когда его в очередной раз сильно тряхнуло.

— Не очень. Что-то не так? — Кончик ее правой брови насмешливо уполз под шапочку. — Сами напросились, Валера. Шикарной трассы я вам не обещала.

— Да нет, я ничего. Просто до темноты бы доехать. Там, кстати, электричество есть?

— Раньше было. Что там сейчас, не знаю. Деревня почти вымерла. Когда Ксюша уезжала оттуда после окончания школы, жизнь в ней еще теплилась. Но с каждым годом становилось все хуже и хуже. Ког-

да умерла ее мать, там почти не осталось жителей. Дачники тоже не очень охотно едут в эти места — бездорожье, сами видите...

Идею поехать в деревню, где у Ксюши оставался заброшенный дом ее покойных родителей, Ольга вынашивала еще со своей встречи с Федором Ивановичем.

Если и было где спрятаться ее подруге, то только там. Больше у нее никого, ничего и нигде не было. На дачный домик под черепичной крышей с резной деревянной верандой они с Лешкой не заработали. Оставался лишь добротный заколоченный пятистенок с окнами на реку и запущенный сад, когда-то принадлежавший коллективному хозяйству. По весне сад покрывался буйным пустоцветом, заливался соловьиной трелью и изнемогал в ожидании натруженных крестьянских рук.

Ольга любила там бродить в те редкие моменты, когда они приезжали в эту деревню. Приезжали, как правило, часа на три. Пожарить шашлыков, погулять по саду, поплескаться в реке с песчаным мелководьем и потосковать о днях, давно ставших прошлым. Потом они собирались и уезжали. Для ночлега с ребенком дом был не приспособлен. Приводить его в порядок Лешка отказывался наотрез. Мотиваций было столько, что у бедной Ксюши не хватало пальцев на обеих руках. Но, по мнению Ольги, причина крылась лишь в его лени и неприспособленности к жизни.

Она и сама несколько раз пыталась уговорить Лешку. Еще когда он имел сходство с нормальным человеком и даже делал вид, что ходил на службу каждое утро. Как потом выяснилось, постоянным местом его работы оказался пивной ларек в паре кварталов от их дома...

Деревня вынырнула из-за наметенного снежного сугроба почерневшими обвалившимися срубами. Лапин подобрался, уставился в окно и несколько минут, пока Ольга буксовала, рассматривал растерзанный на наделы заброшенных огородов пейзаж.

— Не похоже, чтобы тут кто-то жил, — проговорил он, когда они подъехали к дому родителей ее подруги. — Следов, идущих от дома, никаких нет, а снега два дня не было. Если бы она находилась тут, наследила бы непременно. И дыма из трубы тоже нет.

Ольга и сама видела, что дом необитаем. Когда Ксюша приезжала хотя бы на три часа, то непременно отдирала от окон листы старой покореженной ветрами и временем фанеры. Окон было четыре, но сейчас они были забиты. Следов на снегу, как справедливо заметил Лапин, тоже не видать.

— Где же она?! — с отчаянием выпалила Ольга. — Больше ей быть негде, кроме как здесь! Это что же значит — ее... ее убили?!

— Возможно. — Не стал он ее щадить на этот раз, не маленькая, должна понимать, что люди просто так никогда не пропадают. — Уехать куда-нибудь ведь не могла?

— Нет.

— Значит...

— Ничего это не значит! — сердито перебила она его и, зло хлопнув водительской дверцей, пошла к дому.

Допотопный замок открылся легко и беспроблемно, что немного ее удивило. Обычно им приходилось попотеть, прежде чем большой проржавевший под стрехой крыши ключ дважды повернулся в скважине замка.

— Что там? — Лапин едва не наступал ей на пятки, озадачившись ее внезапной остановкой, и выглянул из-за ее плеча. — Что?

— Да нет, ничего. Просто... Просто замок легко открылся, словно его смазывал кто-то. Обычно нам с Ксюшей сто чертей приходилось собрать, чтобы его открыть. А сейчас легко.

Лапин нетерпеливо выхватил из ее рук ключ и несколько раз повторил манипуляцию: то открывал, то закрывал замок.

— В самом деле механизм работает отлично. Несомненно, замок смазывали. Тогда почему нет следов?

Оля не ответила, скользнув по нему сердитыми глазами.

Не понимает. Совершенно не понимает человек, что делает. Мало того, что отирается около нее последние три дня, досаждая своим неотступным вниманием, так теперь еще с потрясающей медвежьей грацией лишает ее последней надежды...

Взял за моду провожать ее на работу и встречать — после, облокотившись о стену подземного гаража. Оказывается, его удостоверение действует на охранника ничуть не хуже ее пропуска. Евгений Евгеньевич, который в пятничный вчерашний вечер поплелся за ней следом в гараж, был сражен наповал открытием. Существование у нее такого потрясающе красивого знакомого повергло его в шоковое состояние. Он мгновенно позеленел лицом, проскрипел нечто напоминающее пожелание любви и счастья и тут же растворился в проходной, зло громыхнув напоследок затертым до блеска турникетом.

Хорошо, что хотя бы с Сашей не пришлось объясняться.

Тот позвонил ей два дня назад и в свойственной ему очень вежливой манере выражаться сообщил, что, к сожалению, ему приходится ехать в командировку недели на две. Почему к сожалению, она поняла из дальнейших его пространных объяснений. Оказывается, он очень долго думал и мучился, что пошел на поводу у ее спонтанного желания непременно спровадить его от дома Ксюши. Он не должен был так поступать. Ему надлежало находиться рядом и ждать конца. У Ольги просто язык чесался от желания спросить, чьего конца конкретно он хотел бы там дождаться?..

Не спросила и правильно, между прочим, сделала. Потому что Саша, прокашлявшись, сообщил ей потрясающую новость. Оказывается, после возвращения из командировки он собирался поговорить с ней серьезно об их отношениях, как же это он выразился тогда... Об отношениях, которые... Нет, ей ни за что не вспомнить нагромождение его вычурных фраз, которые выражали одно-единственное его желание — сделать ей предложение.

Мама обрадуется, вяло подумалось тогда Ольге. Про себя подумать забыла. Она с облегчением положила трубку, простившись с Сашей. И тут же забыла о нем. Сейчас вот вспомнила.

Что бы он сказал сейчас, увидев, как потрясающе эффектный блондин дышит ей в шею, рассматривая допотопный замок, который кто-то для чего-то смазывал?..

Они вошли в дом, и первое, что сделал Валера, это принялся отдирать фанеру с окон. Мутный декабрьский свет тут же хлынул в дом холодным мертвым потоком, высвечивая убогость заброшенного жилья. Хотя...

— Голову готов дать на отсечение, но в этом доме не так давно кто-то жил. — Лапин скрылся за заслонкой печи почти по самые плечи. — И жили, и даже газеты читали...

Он извлек из печи грязный газетный комок.

— Сейчас мы посмотрим, что любил почитывать неизвестный обитатель в нередкие часы досуга. — Лапин осторожно опустил газету на поверхность пыльного дощатого стола, на котором Ксюша любила раскладывать пасьянс.

Ольга остановилась у окна в тот самый момент, когда Лапин исследовал свою находку. С тоской оглядывая промерзшие пустые углы, она не забывала посматривать в его сторону.

Сначала Валера, оперщись обоими кулаками о столешницу, внимательно оглядывал газетный ком со всех сторон. Долго молчал и собирался с духом, прежде чем развернуть его, словно в этой засаленной бумаге не самого лучшего качества должен быть заключен ответ на все, что до этого момента оставалось неизвестным.

Лапин осторожно потянул газету за уголки, распластал ее на столе, несколько раз погладил ладонями, пытаясь разровнять сморщенную промасленную бумагу и через минуту напряженной тишины вдруг восторженно выдохнул:

— Вот это да, твою мать! Вот это да!

Подавшись вперед, Оля попыталась рассмотреть и прочитать то, чем так восторгался ее новый знакомый. Но ничего примечательного там не обнаружила. Дешевая местная газетенка, испещренная снизу доверху бесплатными объявлениями частного характера. Были там и рекламные строки, были некрологи и поздравления, но ничего того, что могло

бы ей помочь в поисках Ксюши. Да и как можно, если газетный номер был выпущен несколько месяцев назад?

— Что там? — нетерпеливо спросила она, когда ей надоело созерцать безмерно счастливую физиономию сыщика. — Кто-то дал объявление о готовящемся покушении на Лешку? Или указал местонахождение моей подруги?

Лапин поднял от газетных строк горящие безумной радостью глаза и снова удивил ее, приказав:

— Сядьте, Ольга!

— Во как! — хмыкнула она, огляделась в поисках стула или табуретки, недостатка в которых раньше они не испытывали. — Чего так категорично?

Не ответив, Валера метнулся за печку и, сильно там загромыхав, вытащил на середину избы два венских стула с растрескавшимися сиденьями.

Эти стулья они с Ксюшей обычно устанавливали в саду под старой корявой яблоней. Еще ее отец смастерил под ней столик и пару скамеек. Столик выжил, скамейки давно сгнили. Вот и приходилось им вытаскивать на улицу стулья, чтобы отобедать. Ксюша тащила в старом закопченном чугунке сваренную кругляшом картошку. Лешка, если он приезжал с ними, суетился тут же рядом с шашлыками. Ольге обычно доставалась возня с салатами. Мишка с гиканьем носился по саду, срубая хворостиной головки бурьяна. Потом они рассаживались вокруг стола на этих самых стульях и обедали. И не было ничего вкуснее этого обеда под открытым небом в тени старой яблони, посаженной еще Ксюшиной матерью. И неудобства никто не замечал, и назойливая мошкара никому не мешала, и осыпающиеся на стол по осени листья казались необыкновенным

сказочным подарком. И стулья эти поскрипывали тоже как-то необычно, словно вели непонятный им диалог с постанывающими вокруг них стволами запущенного сада...

Сейчас Валера распоряжался Ксюшиным имуществом. Он поставил стулья, которые они с подругой, посмеиваясь, называли семейным раритетом, друг против друга. На один уселся сам, во второй ткнул указательным пальцем и не менее категорично потребовал:

— Сядьте, есть серьезный разговор!

Ей многое не нравилось в его манере вести дело о покушении на Лешку.

Во-первых, несанкционированное проникновение в ее квартиру, и это при всем том, что ему предшествовало несанкционированное нападение на нее. Разве так полиция работает? Она бы давно заподозрила его в чем-нибудь страшном, не сиди он тогда в кабинете следователя Федора Ивановича, который казался приличным мужиком. И даже поговорил с ней по-человечески, не то что этот потрясающе красивый Валера. Разве бывают в полиции такие красавцы? Им самое место на театральных подмостках...

Во-вторых, что это за молчаливая навязчивость? Сам вопросы всякие ей задает. Сейчас вон усаживает на стул с вполне конкретным намерением допросить, а ей в ответ — тишина и никаких комментариев. Опять-таки, разве полицейский обязан провожать ее на работу и встречать после нее, а потом напрашиваться в свой законный выходной сопровождать ее в эту поездку? Что у него, других дел нет? По слухам, у каждого опера по сотне дел, половина из которых пылится на полках и за которые их ре-

гулярно треплет начальство. Что тогда он делает около нее?..

Валера не успел задать ей свои вопросы, их задала ему она.

С опаской присела на растрескавшееся скрипучее сиденье, несколько раз качнула стул, пробуя на прочность, а потом грозно потребовала:

— Ваши документы, Валера!

— Что?! — сказать, что он опешил, не сказать ничего. Не было бы изящно изогнутой спинки, кувыркнулся бы назад со стула, точно. — Какие, к черту, документы, Оля?!

— Я хочу взглянуть на ваше удостоверение, Валера, — чеканя каждое слово, повторила она, заметив, как он запаниковал. Мамины уроки не пропали даром, чем-то она все же обладает. Трезвостью ума хотя бы, осторожностью, пусть и с небольшим опозданием... — Удостоверение оперуполномоченного, следователя или дознавателя, какие там еще должности в вашей структуре имеются, не знаю... Я хочу взглянуть на ваше удостоверение, выданное местным управлением внутренних дел. Ну? Чего же вы?

Лапин молчал. Вся стройность намеченных вопросов, которые он хотел ей задать, тут же была нарушена. В голове все смешалось и перестало казаться важным под таким ее наскоком. Нет, глаз у Федора Ивановича — алмаз, не проглядел девочку. Не проглядел...

— Нет у меня такого удостоверения, Оль. — Он коснулся своей умопомрачительной шевелюры, вздохнул виновато и еще раз повторил: — Нет его у меня.

— Тогда кто вы, Валера?! — Ей вдруг сделалось страшно и сразу нечем стало дышать.

На многие километры вокруг — никого. Они одни. Убежать она не успеет. Он сильнее, быстрее и ловчее. Сцена в их подземном гараже еще очень жива в памяти. Что, если он никакой не следователь, а сидел в кабинете Федора Ивановича, дожидаясь своей очереди на допрос?! Что, если он главный подозреваемый в покушении на Лешку, потому и сидел за ее спиной, притаившись?

— Не нужно ничего себе придумывать, — попросил он мягко, заметив, как бледность полезла на ее лицо, сразу заострив его черты до неузнаваемости. — Я не маньяк, заманивший вас сюда. Кстати, это вы меня заманили, а не я вас. Я всего лишь напросился.

— Зачем? И кто вы, наконец??? Какой интерес у вас ко всему этому??? Кого вы ищете, Валера??? — ей еле удалось произнести это, настолько голос оказался трудно управляемым от страха.

— Мой интерес? — Он вдруг улыбнулся ей загадочной шикарной улыбкой, из-за которой ей сразу же захотелось взять у него автограф. — Мой интерес — это вы, Оля! И в этом городе я тоже по той же самой причине — из-за вас.

— Из-за меня?!

— Да, из-за вас. И я так устал топтаться на одном месте, устал от съемного жилья и беспросветности проблем, что решил... решил рассказать вам всю правду. Может быть, мы сообща сумеем что-либо предпринять или придумать. Вы, я вижу, мастер разгадывать загадки.

Валера видел, что она пропустила его лесть мимо ушей. Широко распахнув глаза, Оля смотрела на него и не могла взять в толк, каким таким она боком пришлась этому парню. И она даже не догадыва-

лась, насколько ему сделалось легко оттого, что он решил наконец рассказать ей всю правду.

Важность соблюдения инкогнито вдруг сделалась сразу неважной. Размер гонорара, половину из которого он мог потерять из-за своей болтливости, тоже перестал иметь значение. Сущность сыскаря обострилась настолько, что он забыл: кем и зачем он был послан в этот город.

Значение стала иметь истина! Вот как!

Валера чуть не присвистнул, выведя такую вот формулу своего порыва. Все остальное — мусор. Истина должна была быть восстановлена, а справедливость должна была восторжествовать. Его хозяевам нужно было не то? Черт с ними! Ему нужно другое — это вдруг стало иметь значение. Ему нужна была правда.

«Ты, Валера, мент по сути своей», — ласково сказал сам себе Лапин и развеселился еще больше. Чему, спрашивается, радовался? Да тому радовался, что понял наконец, чего хочет на самом деле! А на самом деле он хотел доказать всем и самому себе, что Ольга в этом деле совсем-совсем ни при чем. Здесь замешаны совсем другие люди, и их, судя по всему, несколько. И он — Валера Лапин, — которому Танюшка советовала идти в кино сниматься, а не разгребать преступное дерьмо, кажется, начал понемногу понимать «ху из ху».

— Чему вы радуетесь? — осторожно поинтересовалась Ольга, все еще не решаясь довериться ему окончательно.

— Я? — Он снова взъерошил волосы и снова улыбнулся: — Я рад тому, что вы ни в чем не виноваты.

— А... а в чем я, по-вашему, должна была оказаться виноватой? — Ее лицо побледнело еще боль-

ше, напомнив ему сейчас маску Снежной королевы: такая же красивая и такая же неживая. — Я не трогала Лешку, если вы об этом!

— Я не о нем. Я о другом человеке... Вам о чем-нибудь говорит имя — Попов Владислав Васильевич? — вдруг спросил он, очень внимательно следя за тем, какое впечатление произведет на нее это имя.

— Владислав Васильевич? Попов? — Ольга растерянно заморгала и задумалась ненадолго. Она не занервничала, не принялась сжимать в кулаки пальцы, теребить носовой платок, и даже не вцепилась в сиденье стула. Потом чуть дернула плечами и вполне обыденным тоном произнесла: — Если это тот, о ком я думаю, то это... это должен быть родной дядя моего покойного дважды, непутевого супруга. А почему вы спросили меня о нем?

Лапину очень понравилась ее реакция. Очень! Он был хорошим, даже очень, сыскарем в свое время, чтобы Танюшка ему там ни насоветовала. Он сразу прочувствовал, что если Ольга и озадачена, то только лишь его внезапным интересом. Все остальное ей по барабану.

— Оленька, — мягко откликнулся Лапин, не ответив ей, хотя она и ждала, — давайте пока опустим ваши вопросы и заострим внимание на моих. Хорошо?

— Попытаемся. — Ей удалось взять себя в руки и перестать бояться этого красавца, который, кажется, не думал нападать на нее и не очень подходил на роль маньяка.

— Постарайтесь вспомнить, в какой связи вам удалось узнать о нем? Что вы вообще знали и знаете об этом человеке?

— Ну... Ну, Влад как-то говорил еще до первой своей кончины... Господи! — Ее глаза совсем не-

ожиданно наполнились слезами. Ольга повернула к нему точеный, почти классический профиль, уставившись в запорошенное инеем окно. — Кому-то это может показаться бредом в самом деле!.. Так вот, он говорил мне, что у него имеется какой-то дядька весьма и весьма не нуждающийся в средствах. И будто бы его самого, мужа моего, стало быть, даже назвали при рождении в честь этого дядьки. Но потом братья — отец моего мужа и этот самый Владислав Васильевич — рассорились и перестали даже узнавать друг друга. Какая-то старая история из-за наследства. Я никогда не вдавалась в подробности...

Да, верю, думал Лапин, любуясь ее профилем. Тебе не было никакого дела до мифического образа богатенького дядюшки. Все, до чего тебе было дело, так это до его непутевого племянника. С ним ты могла ютиться в утлом вагончике, спать на одной раскладушке и грызть один сухарь на двоих. А все почему? Да потому что любила ты его беззаветно. И потому что такие цельные натуры, как ты, Оленька, не способны в чистой искренней любви преследовать какие-то меркантильные интересы. Это не про таких женщин слагают анекдоты. Это про других. Про таких женщин, как Ольга, поют романсы и слагают баллады со стихами...

— Он даже пошутил однажды, — вернул Валеру к реальности ее чистый тихий голос, — что дядька, будь он помягче, сделал бы его наследником непременно.

— Почему?

— Не знаю, не спрашивала никогда. — Оля равнодушно пожала плечами и повернулась к нему: — Мне это было неинтересно, если честно.

— Я думаю, потому, что Владислав Васильевич

не имел семьи и детей не имел тоже. Внебрачных связей было сколько угодно, а детей никогда не было. Ваш муж, наверное, знал об этом?

— Наверное...

— И он никогда не пытался с ним связаться? Я о дяде говорю.

— Не знаю. А как он мог бы с ним связаться, если ему пришлось умереть?

Так вот прямо и сказала «пришлось»! Черт! Что только с нами не вытворяет жизнь?! К чему только не приучит ее суровая, в гроб ее душу мать, действительность!!!

И похоронить можно чужого человека, приняв за своего. И оплакать можно. И осознать потом, что человек этот, которого долго и страшно оплакивала, и не человек вовсе, и даже не покойник, а мразь, каких мало. Та самая мразь, что использует всех вокруг себя только лишь для того, чтобы создать себе удобства, к примеру. Или чтобы уйти от возмездия. Плевать он хотел на то, что выворачивает кому-то душу наизнанку. Плевать на то, что после него в этой самой душе останется выжженный его подлостью след. Он просто назовет свою подлость обстоятельствами, или судьбою, или божьей волею, скажем...

— А у вас не хватило ума обратиться к этому дяде за помощью после смерти вашего мужа? — выговорил с трудом Валера, еле сдерживаясь, чтобы не выругаться вслух.

— Здесь речь не об уме, Валера, — с холодком заметила Ольга. — Здесь уже речь идет о наглости. Как я могла обращаться за помощью к человеку, который не хотел признавать своего родства с племянником? Это же нонсенс! При чем тут я?! К тому же... К тому же я поняла, что Влад не погиб. Не сразу,

конечно, но поняла. Да и неважно все это для меня сейчас! Ни тогда не было важно, ни сейчас, понимаете! Не нужно мне было никакой помощи от человека, который отвернулся от своих родственников по какой-то там причине. Это глупо, согласитесь?

— А как вы считаете... — начал было Валера.

Но Ольга тут же перебила его, заявив:

— Я никак не считаю. Я насчет этого человека — Владислава Васильевича Попова — не имею абсолютно никакого мнения. Никогда не видела его, видеть не желаю и...

— Да у вас и не получится его увидеть, Оля.

Тут Лапин так напрягся, что, казалось, все его нервные окончания превратились в миллионы ощетинившихся иголок, больно покалывающих тело. Это был его звездный час. Сейчас, сейчас он скажет ей, и от того, как она себя поведет, будет зависеть очень, очень многое...

— Он мертв к этому часу уже несколько месяцев.

— Да? — совершенно без эмоций спросила она, как будто речь шла об отсутствии в ближайшей булочной горячего хлеба. — Упокой господи и его душу тоже. — И тут же, без переходов: — Вы здесь закончили, Валера? Нам пора ехать. В темноте мы можем заблудиться. А вы... вы так и не предъявили мне документы. Скажите, почему я должна верить всему, что вы мне тут только что наговорили?

Лапин без лишних слов полез во внутренний карман куртки. Достал из кармана пухлый бумажник и, выдернув оттуда паспорт, водительское удостоверение, фальшивое удостоверение частного сыщика, протянул все это Ольге со словами:

— Ознакомьтесь, а то я устал от вашего недоверия и страха. Честное слово, Оль, я не Джек-потрошитель!

Документы она просмотрела очень бегло, но, возвращая их ему, не удержалась от шпильки:

— Все вроде бы в порядке, но нам ли с вами не знать, как можно беспроблемно существовать долгие годы по поддельным документам.

— Они подлинные, поверьте. — Он снова улыбнулся ей улыбкой, тянущей на «Оскара», убрал документы в карман и встал со стула. — Я еще немного поброжу по дому, если вы не против?

— Валяйте, — Ольга снисходительно хмыкнула. — Что только ищете, не пойму? Лешка-то с Ксюшей каким боком к вашему детективному агентству и к вашему Попову Владиславу Васильевичу?

Валера уже стоял одной ногой на перекладине лестницы, намереваясь подняться на чердак, когда его настиг ее вопрос. Он подумал минуту, потом ответил:

— Тем самым боком, Оленька, — надо же, он во второй раз назвал ее именно так, и язык очень даже привычно выговорил это, выговорил нежно так, певуче... — что из пистолета, который был зажат в руке вашего Лешки, был убит мой Попов Владислав Васильевич. И убит был в вашем городе несколько месяцев назад. И вез он сюда, по моим подозрениям, страховой полис на огромную сумму, на которую он застраховал свою жизнь и...

Тут он сделал паузу, испугавшись, что Ольга сейчас грохнется в обморок. Она как-то неуверенно начала сползать со стула, съежившись в комочек. Накренилась на один бок и начала сползать. Но нет, кажется, усидела все же, и тогда Валера закончил:

— И жизнь свою он застраховал в вашу пользу, уважаемая госпожа Шустикова.

— То есть? — Она не спросила даже, а пискнула что-то нечленораздельное, но он догадался.

— То есть в результате его смерти деньги должны будете получить вы! А его застрелили! В вашем городе! И тут еще племянник его, к тому времени несколько лет как покойный, примчался за неделю до его смерти! И тут еще муж вашей подруги с пистолетом, из которого были произведены те самые смертоносные выстрелы! И подруга пропала! И племянник этот как бы во второй раз погиб, но погиб опять как-то странно: с искалеченным до неузнаваемости лицом и всеми выбитыми зубами! Как, по-вашему, это называется, Оленька?!

Надо же, как ему нравится называть ее именно так! Славно так, сладко, будто ванильное мороженое тает во рту, когда он на такой вот манер называет ее по имени...

— Это же чертовщина! — простонала она и съехала-таки со стула на пол.

Прямо в пыль и грязь немытого годами пола уселась. Уселась и посмотрела на него совершенно больными и совершенно беспомощными глазами.

— Именно чертовщина! — Валера сочувственно кивнул и, забыв помочь ей подняться, полез все же на чердак, напоследок обронив оптимистично: — Будем разбираться... Оленька!

ГЛАВА 17

— Мне же еще нужно было к маме сегодня съездить. Там Мишка... — опечалилась Ольга, когда они парковали ее машину во дворе. — Обо всем позабыла. Сейчас уже поздно, наверное.

— Не поздно по времени, но темно, учитывая время года. Я вас не пущу по такой темноте и такой дороге одну.

Кто тебя еще спросит, придурок? Кто ты такой, чтобы указывать ей? И что вообще возомнил о себе, покровитель чертов! Валера рассердился на себя за эмоциональную самодеятельность и излишне заботливый тон. Заигрался, называется! Заигрался, забылся, размечтался...

Да, как же! Сейчас она выйдет из машины. Позволит обхватить себя за талию, чего ему так хотелось последние несколько часов. Потом позволит довести до квартиры и, как пару дней назад, позволит снять с себя сапоги и короткую щегольскую дубленку, которая ничуть не грела ее. А потом разрешит ему усадить себя на диван и греть изящные ступни в его ладонях. Потом, по закону жанра, должен быть чай, непременно крепкий, горячий, пахнущий либо липой, либо мятой. Это было не столь важно, это были уже детали.

Ольга должна будет пить его, обхватив большую глиняную кружку рукавами того самого застиранного до катышек свитера, который обрисовывал контур ее фигуры лучше любой кисти любого прославленного художника. А потом...

Валера зло притопнул ногами, отряхивая снег с ботинок и кромки джинсов. Никакого потом не будет.

Надо уходить от нее. Попрощаться, условиться о завтрашней встрече, как того требовало их общее дело, и уходить. Вскочить на подножку отъезжающего автобуса. Влезть в его теплое, пахнувшее распаренными с мороза шубами нутро. Пристроиться на сиденье. Протопить горячим дыханием в промо-

роженном окне крохотный пятачок чистого стекла и смотреть на пробегающие мимо огни...

Романтично, конечно, но ни фига не катит! И в автобус не хочется (черт, как некстати заглохла машина). И на огни чужие смотреть из окна совсем не хочется. Смотреть и представлять себе уют и тепло чужого дома и чужого незамысловатого счастья: с субботними вылазками к друзьям, с долгими посиделками у телевизора, с банальным пивом и чипсами.

Посидеть у телевизора и он, конечно же, мог бы, но уж больно не хочется ему уходить от нее...

Оля смотрела на Валеру с изумлением. Он определенно злился. Топтался в снегу стильными ботинками на тонкой подошве, прятался в куцый воротник куртки и почему-то злился. На нее? Да нет, не должен. Она не давала никакого повода. Даже помогла ему обшарить каждый уголок Ксюшиного дома, когда Валера спустился с чердака.

Ничего подозрительно они в доме не нашли, кроме тех одеял, что Валера достал с чердака. Одеяла были старыми, вытертыми до дыр, но чистыми. Кто-то их аккуратно сложил за трубой печки на чердаке и прикрыл сверху пустыми ящиками.

В ящики Ксюшина мать собирала раньше антоновку. Отсылала с оказией дочери в город, дожидалась по весне возвращения пустой тары и снова по осени заполняла их крупными желтобокими яблоками, которые пахли такой пряной, кисловатой свежестью, что у Ольги, например, от одного их вида пощипывал язык.

— Кто мог их там спрятать? — спросила про одеяла Ольга скорее у себя, чем у него. — Ксюша?..

— Она курила? — зачем-то спросил Валера, когда они уже заперли дом и шли к машине.

— Да нет. Баловалась иногда, но чтобы постоянно... Нет, не курила, пожалуй. А что?

— Тот человек, что какое-то время жил в доме, а он жил, сомнений нет, так вот тот человек курил. Повсюду в доме пепел. Как если бы он ходил по дому с сигаретой и стряхивал пепел прямо под ноги. Одеяла в нескольких местах прожжены. И газета.

— Окурков не было видно, — возразила Ольга.

— Они все в печке. Я специально туда лазил. Тот, кто жил и курил в доме, не удосужился подмести пол, насорив пеплом, но исправно таскал окурки в печку.

Лешкина привычка, ахнула тогда мысленно Ольга, но ничего не сказал Лапину.

А сейчас стояла и размышляла. А ну как Валера откуда-то дознался о такой Лешкиной привычке и злился на нее теперь за то, что она умолчала? Исправлять ситуацию сейчас было уже поздно. Сделает только хуже, если начнет оправдываться и придумывать что-то с ходу. Потом... Как-нибудь потом...

— Ну, ладно! — нарушил он повисшую паузу, пока они шли до ее подъезда. — Мне как бы пора.

— Да?..

Она вроде бы удивилась, что немного его обнадежило и заставило чуть притормозить у обледенелых подъездных ступеней.

— Чем собираешься заниматься? — спросил он у Ольги, не зная, то ли ему уйти, то ли напроситься к ней в гости на тот самый чай, который в его представлении должен пахнуть душистыми травами.

Спросил, незаметно для себя обратившись к ней на «ты», и тут же испугался своей смелости. А вдруг обидится, повернется и уйдет. Она же не из той категории женщин, которым можно со второй встречи тыкать, а с третьей тащить в постель.

— Я? — Оля недоуменно посмотрела на него и неуверенно пожала плечами. — Не знаю, а чем я должна заняться?

— Черт! Я не знаю, Оль! — Валера глубже втянул голову в воротник куртки, сразу став похожим на нахохлившегося воробья, дернул носом для чего-то и тоном обидевшегося на весь мир подростка пробормотал: — Я стою и как дурак ищу повод подняться к тебе.

— И как, успешно? — Она понимающе усмехнулась.

— Не-а, ничего не выходит. Обсудить нашу общую с тобой проблему мы договорились завтра. Приглашать в кино — не хочется, устал чего-то. Музеи закрыты. Цирк не люблю.

— А как насчет чая? — подсказала Ольга с улыбкой, с изумлением рассматривая красивого парня. Парня, внешность которого совершенно не подразумевала подобную застенчивость. — Как насчет чая или кофе?

— Тривиально, не находишь? — Валера с надеждой посмотрел на нее. — Что придумать, Оль? Мне так не хочется сейчас ехать к себе, кто бы знал! Суббота, святой вечер! Люди идут в гости или принимают гостей, смотрят телик, над чем-то смеются, чему-то радуются... А я...

— А ты, как дурак, не можешь найти повода напроситься в гости к малознакомой женщине, совсем не зная, как она на это отреагирует, — закончила Ольга за него, невесело рассмеялась и тут же потянула его за рукав куртки. — Заходи, Валера, без повода... раз уж мы с тобой перешли на «ты».

Она вошла в гулкий холодный подъезд, не став повторять свое предложение дважды. А Валера не

стал переспрашивать и поспешил за ней. В полном молчании они дошли до ее двери. Ольга открыла дверь, вошла, включила свет и отступила в сторону, впуская Валеру в квартиру.

Ее немного веселил его сконфуженный вид, но в то же время она была благодарна Валере за смелость. Ведь все то время, что они шли от машины до ее подъезда, она так же, как и он, лихорадочно искала повод зазвать его в гости. Ее остановил лишь его злобный вид, причину которого она видела в себе. Вернее, не в себе, а в том, что не рассказала ему про Лешкину привычку коллекционировать сигаретные бычки в печке. Решила, что еще расскажет. От того открытия, что в доме какое-то время жил непутевый муж ее подруги, ясности не прибавилось, так что успеется...

Настороженно косясь друг на друга, они поснимали верхнюю одежду. Чинно развесили ее на вешалке. Разулись, влезая в домашние тапочки. По очереди поправили волосы перед зеркалом. Двинули разом в кухню. Столкнулись плечами и тут же встали как вкопанные, в немом изумлении уставившись друг на друга.

— Ерунда какая-то, не находишь? — отчего-то шепотом спросила она. — Только что были нормальными людьми, а тут какая-то неловкость появилась. Почему это, не знаешь?

Он, конечно же, знал. Еще бы ему было не знать! Он и психологию изучал, и еще какую-то фигню, способную дать объяснение мотивации того или иного поступка. Он все знал и про себя, и про нее заранее, оттого и нервничал и вел себя как идиот четырнадцатилетний. Такого с ним давно не было, с того самого дня, вернее, с вечера, когда в его

квартире оставалась Татьяна. Он просто-напросто не знал, как вести себя с этой женщиной, вот! Она не была его профессиональным интересом, вернее, была до тех пор, пока... Черт, кажется, он во всем так запутался, что не знает, с чего начать. Оттого и психует, и дергается. А она, конечно же, все видит, и понимает, и посмеивается над ним...

— Валера, давай вместо чая курицу пожарим, — вдруг предложила она все так же шепотом, потому что они по-прежнему продолжали стоять в узком тамбуре перед кухней и таращиться друг на друга. — К черту чай. Давай поужинаем по-человечески, а? Суббота же, сам сказал, что святой вечер.

— Пусть будет курица, — понизив голос, ответил он, хотя хотел совсем другого. — С картошкой, ладно?

— Ага. — Ольга сразу повеселела, встряхнулась и помчалась на кухню, на ходу закатывая рукава идеально сидящего на ней свитера. — С картошкой! И еще мать капусты квашеной привезла с клюквой. Это такой деликатес, скажу я тебе...

Была бы на ее месте Ниночка или Вера на худой конец, он бы непременно сморозил какую-нибудь чушь про то, что здесь нет и не может быть никаких других деликатесов, кроме нее. Они бы это проглотили и остались благодарны, и мурлыкали бы потом довольно весь остаток вечера, и ворковали, доводя его до тошнотного пресыщения.

Ольге он так сказать не мог. Она была очень умненькая и не пошлая. И еще не примитивная, не такая, которой можно навешать всякой лапши по килограмму на каждое ухо. Она была... и в самом деле превосходная! И ему очень хотелось ее сейчас поцеловать, а не чистить картошку, надев на себя дурацкий халат ее матери с оторванным карманом.

Ольга тоже переоделась, но лучше бы она этого не делала. Это было дополнительное испытание, смотреть, как она суетится и бегает по кухне в стареньких коротких шортах и клетчатой рубашке навыпуск. Еще додумалась, носочки надела! Беленькие такие с тремя полосками: красной, черной и желтой. И носилась по кухне, задевая его то плечом, то рукой, то кастрюлей, в этих самых носочках, эротичнее которых он в своей жизни ничего не видел. Рассказать кому, засмеют!

Валера попытался отвлечься, выковыривая острием ножа черные картофельные глазки, и подумать о чем-нибудь злободневном. О том, например, что, кажется, нашел место, которое ему советовала найти Танюшка. Он нашел место, где был спрятан пистолет. Этим местом был как раз тот самый дом, в котором они сегодня побывали с Ольгой. Та самая промасленная газета, что покоилась сейчас в пластиковом пакете в его кармане, вышла как раз в тот день, когда был застрелен Попов Владислав Васильевич. В тот самый день!

Что это могло значить? Это могло значить, что человек, совершивший преступление, купил эту газету. Завернул в нее пистолет. И спрятал в необитаемом доме всеми забытой и заброшенной деревни. Так могло быть? Конечно, могло!

А могло быть и по-другому. Могло быть, что эта газета совершенно случайно туда попала. Совершенно случайно вышла тем самым числом: именно в день убийства. И совершенно случайно была покрыта пятнами характерного масляного происхождения, которые очень напомнили ему пятна оружейной смазки. Могло так быть? Возможно, и могло, но дело в том, что Валера не верил в такие случайности. И такие совпадения.

— Как думаешь, кто там жил? — вдруг оборвал он тишину, нарушаемую лишь шумом льющейся из-под крана воды и шипящей в духовке курицы.

Ольга встала посреди кухни, и у нее сделалось совершенно несчастное лицо. Хорошо, что Валера стоял к ней спиной в тот момент, иначе бы сразу догадался, что она все знает. Сказать или нет?! Не сказать нельзя, потому что придется врать. Врать ему не хотелось, потому что одна ложь непременно повлечет за собой другую, эту истину она впитала с молоком матери...

— Я... я не думаю... — Ольга сильно покраснела под его взглядом, надо было ему повернуться так некстати. — Я просто знаю, кто там жил.

— И?.. — Валера даже нож уронил, настолько неожиданным для него оказалось ее заявление.

— Это Лешка. — Оля чуть развела руками, вот, мол, хочешь казни, хочешь милуй.

— Лешка? С чего ты взяла?

— Окурки... Это его привычка. Ксюша его ругала неоднократно за нее. Стоит мусорное ведро, так нет же, он все время их сует в печку. А ее уже лет сто никто не топил, чего туда их совать? И пепел он по дому всегда ронял. А почему ты спросил про это?

— В печке я нашел газету. — Валера отвернулся от нее, потому что смотреть на нее было выше его сил.

Хоть руки себе за спиной связывай, до такой степени хотелось ее коснуться. Натянуть на спине широкую клетчатую рубашку, которая лишала возможности видеть изгибы ее фигуры. Натянуть так, чтобы затрещали пуговицы на груди. Интересно, лифчик на ней есть или нет? Все его знакомые девчонки всегда избавлялись от него, переодеваясь в домашнюю одежду. А Ольга как, интересно?..

— Что с газетой, Валер? — вторгся в его мысли Ольгин голос, оборвав его крамолу на самом интересном месте. — Ты нашел газету, и что с ней?

— На газете масляные пятна, — сразу поскучнел Лапин, дочищая последнюю картофелину и отправляя ее с размаху в кастрюлю. Картофелина плюхнулась в самую середину, разбрызгав воду на стол. Он равнодушно посмотрел на беспорядок, который учинил, и монотонным голосом продолжил: — Пятна, подозреваю, от оружейной смазки. В понедельник отдам на экспертизу, если подтвердится, сомнений нет: оружие было завернуто в эту самую газету в день убийства и было спрятано в этом доме.

— Почему именно в день убийства?

— Газета выпущена именно этим днем. В совпадения такого рода я не верю. Убийца завернул пистолет для того, чтобы его спрятать.

— А почему в газету, а не во что-нибудь еще?

— Это ты у меня спрашиваешь?! — Валера повернулся и с пониманием кивнул. — Конечно, сознавать, что кто-то из твоих близких способен на такое, страшно, но факты — вещь упрямая.

Ее взгляд забегал растерянно по кухне. Потом вдруг она выхватила из-под его локтя кастрюлю с картошкой. Поставила ее на огонь, сильно громыхнула крышкой, накрывая ее. Тут же схватила кухонное полотенце и лихорадочными движениями принялась вытирать воду со стола, совсем не подозревая о том, как вольно гуляет при этом ее грудь под широкой рубашкой.

Значит, и она тоже, затосковал сразу Лапин, от которого ничего не укрывалось. Лучше бы она была в свитере. А еще лучше напялила бы на себя этот

самый халат, в котором он пугалом стоит на ее кухне, оберегая свою одежду от брызг.

Ольга вдруг в сердцах швырнула полотенце на стол. Закрыла лицо руками и, чего уж совсем не стоило делать, уткнулась лбом в его плечо.

— Значит, это все же Лешка?! Лешка убил, спрятал пистолет, потом сам там прятался... Скотина! А зачем же... Зачем он с этим пистолетом потом домой поперся? Снова что-то замыслил?

Что ей отвечать, он не знал. Тут надо было еще о многом подумать, прежде чем делать какие-то категоричные выводы. Делать которые он был не способен в таком состоянии, когда ее волосы щекочут ему шею, а губы почти касаются его уха.

Это тебе, Валера, наказание за все твои прегрешения, с тоской подумал Лапин. За все то, что ты в своей жизни делал и продолжаешь делать с женщинами. Вот оно, возмездие, настигло тебя в самый неподходящий для тебя момент! Сначала Танюшка, теперь Ольга... Он совершенно не знал, как вести себя с такими женщинами. С теми, другими, было все просто и понятно. Он их покупал, щедро оплачивая их услуги. Эти не продавались. Этих надо было лишь завоевывать, а он не знал — как?!

— Оль! — севшим голосом позвал он, чуть отстранился и даже голову повернул в другую сторону, чтобы не видеть рядом с собой ее глазищи. — Оль, я... я ведь это... так поцеловать тебя хочу, что задохнуться можно!

Она слабо охнула и отпрянула от него. Сразу метнулась к табуретке и села там, плотно прижав грудь к столу. Поставила локти на стол, запустила пальцы в волосы и исподлобья принялась смотреть на него.

Не без интереса, нет. Но взгляд этот ничего ему и не обещал.

В кухне снова повисла тишина. Противная такая, тягучая. И значений у этой тишины было сотни три, никак не меньше. И каждое из этих значений могло стать для Валеры приговором. Окончательным и не подлежащим обжалованию. А он так не хотел. Ему больше не улыбалось: проснуться поутру и обнаружить соседнюю кровать пустой. А потом встретиться где-нибудь на бульваре, когда ее рука уже будет в чужой руке. Он так не хотел. К черту!

— Оль, чего молчишь? Испугалась? — Он сунул руки в карманы халата. Тот, что был надорван, сейчас же хрястнул поползшими нитками.

— Нет, не испугалась. Просто... — Ее пальцы сильнее впились в волосы, чуть приподнимая их у висков, отчего в ее лице появилось что-то от шамаханской красавицы, которую он видел в мультфильме про Золотого петушка.

— Что? — Валера сел напротив, попутно приподняв крышку на кастрюле с закипевшей картошкой. — Ты посолила? Лук будешь добавлять? Нет? Как знаешь... Если не боишься, то что?

— Мне тоже нечем дышать, когда ты рядом, а... а это неправильно! — Оля произнесла все это скороговоркой и замолчала, сильно покраснев.

«Как аморально», — сказал бы мама.

«Ты недостойная женщина», — возмутился бы Саша.

А Влад... А Влад, будь он жив, понимающе хмыкнул бы. Что могло означать, что она ничуть не лучше его самого, хотя и корчила всегда из себя святошу.

Ее поняла бы одна лишь Ксюша, потому что всю свою жизнь обожала таких вот потрясающих блон-

динов с такой правдивой незамысловатой лексикой. Поцеловать, говорит, тебя хочу так, что задохнуться можно!

— Неправильно, — согласился Валера. — Тем более что я... я такой мерзавец, Оль. Я ведь могу спать с женщинами в интересах дела. Понимаешь?

— С трудом... — Она перестала терзать свои волосы и положила руки на стол на манер школьницы. — Как это?

Он пояснил. В той же незамысловатой манере выражаться правдиво. И по мере того, как он ей пояснял, на душе у него становилось все поганее и чернее.

— А я? — Оля робко улыбнулась, словно пробуя себя на доверие к такому мерзкому типу, как он. — А я тоже — в интересах дела?

— Нет. Тебе я вообще не должен был ничего говорить, а как раз напротив. И еще должен был доказать, что это ты замочила богатенького дядюшку.

— Чтобы не выплачивать страховку? — Оля брезгливо поморщилась. — Гадость какая! А мне совсем не надо!

— Ты про убийство или про деньги? — Валера невольно засмеялся. — Если про убийство, то согласен. А если про деньги... ты подожди отказываться, там такая сумма!

— Если скажешь еще хоть слово, выгоню! — прикрикнула она на него и даже крохотным кулачком по столу пристукнула. — Или заподозрю тебя в корысти и все равно выгоню!

— Молчу как рыба!

Оля встала, слила картошку и заглянула в духовку. Курица покрылась коричневой корочкой и издавала такой аромат чеснока, специй и хорошо зажа-

ренной дичи, что у Валеры тут же свело желудок от голода.

— Сейчас будем кушать, — утешила она его и принялась накрывать на стол. — Расставь тарелки, вилки возьми из ящика. Нет же, не из этого! Да, там... И ножи достань... Я тоже что-то очень проголодалась.

Ужинали они молча. Курица получилась превосходной. Картошку Ольга полила топленым маслом и засыпала сверху сушеным укропом. Капуста, что привезла ее мать, и впрямь показалась ему деликатесом. И все было бы ничего. И можно было бы считать, что вечер удался, если бы не неловкость, которую они оба тщательно пытались скрыть друг от друга. Но от этого становилось только хуже.

Ольга старательно отводила от него глаза, почти не поднимая их от тарелки. И так сосредоточенно обгладывала куриную ножку, будто и не было занятия важнее, и будто и не терзал ее сейчас вопрос, как поступить ей с гостем, когда ужин закончится. Вот уж чего не могла себе представить, так это трудностей подобного рода!..

Не уйду ни за что, решил для себя Лапин, отправляя в рот щепоть квашеной капусты и со злостью набрасываясь на картофелину. И причин тому найду множество. Подруга пропала при неизвестных обстоятельствах — это раз. Бывший муж как бы вторично погиб. Мужа подруги находят в коматозном состоянии с засветившейся пушкой в руках — это уже и два, и три. Это ли не повод для того, чтобы остаться?! Она нуждается в охране? Нуждается! Пусть и сама пока не осознает всей серьезности того, что происходит. Он-то — Лапин — стреляный воробей. Он-то понимает, что ничего еще не извест-

но в этом деле. Ничего еще не сдвинулось с мертвой точки. Тучи только только начинают сгущаться. Еще копать и копать, как любит говорить Танюшка. У них и сведений-то — кот наплакал, чтобы можно было позволять себе расслабляться.

Ну, допустим, жил этот самый Лешка в доме и даже пистолет потом притащил оттуда, но это еще не факт, что он сам его там и спрятал. И не факт, что пистолет вообще находился все время в этом доме.

— Это не может быть Лешка! Я лично не верю в то, что он на такое способен... В гостинице видели женщину, — вдруг брякнул он ни к месту, совсем не подозревая, перед какой дилеммой стоит сейчас Ольга, волтузя по тарелке куриную косточку.

— Что?! — вилка выпала из ее пальцев, произведя, как ей показалось, чудовищный грохот. — Что ты сказал?!

— В тот день в гостинице видели женщину. Чужую. Одетую в форменную одежду дежурной, но почему-то с длинными рукавами. То ли случайно надела такой халат, то ли что-то пыталась скрыть. Женщина была среднего роста и очень толстая...

Ему совсем не понравился испуг, тут же всколыхнувшийся в ее глазах. Всего пару секунд она глядела на него, но он заметил. Заметил и сразу ощетинился.

Что еще за фигня, вообще, а?! Что она от него скрывает? Ей что-то известно? Наверняка известно. С чего бы тогда ей так пугаться? Он тут как дурак распоследний перед ней корячится, пытается помочь, а она!..

Он же на карьеру наплевал, на деньги, которые мог получить после завершения операции! Ежу же понятно, что теперь вопрос о его профессиональной пригодности встанет остро. После того как он рас-

крыл ей все карты, его уволят без выходного пособия и надежды на обеспеченное будущее и все такое... Чего тогда она!..

— Оль, — Лапин мгновенно посуровел и, невзирая на молчаливый протест, поймал ее руку и сильно сжал, пытаясь заставить ее смотреть на себя, — дело нешуточное, сама понимаешь. Когда на кону такие миллионы, люди способны творить ужасные вещи. Убивают ведь и за меньшее. Если ты что-то знаешь такое или догадываешься, ты обязана мне сказать.

— Я ничего не знаю! Что я могу знать?! С чего ты взял?! — попыталась она возмутиться и вырвать свои пальцы из его руки. — Если про Лешку знала, так сразу сказала тебе!

— К черту Лешку! — заорал вдруг Лапин, самому себе удивляясь. — Не мог твой Лешка — деградат и алкаш — провернуть операцию такой сложности! Не мог! Убийц было двое. Один — профессионал, которого обставили так лихо, что он не побоялся явить свою личину портье. Наверняка был хорошо загримирован, и одежда у него была без особых примет — что-то темное и безликое, вот он и не боялся и наглел сверх меры. А второй убийцей была как раз женщина. Та самая толстая женщина, о которой я тебе говорю!

— А еще кто так говорит? — промямлила Ольга, почти не разжимая рта. Руки своей она так и не смогла отнять у него.

— Что значит, кто еще?! Я так говорю, и этого достаточно! — возмутился Лапин. — Я для тебя не авторитет?

— А что полиция? Как они считают? — упорно стояла она на своем.

— Полиции очень выгодно считать, что это Лешка — убийца. Он полностью вписался в общую картину и... Но он не мог!

— Не мог, — вдруг согласилась Ольга и подняла на него совершенно больные и совершенно несчастные глаза. — А где взять толстую женщину, Валер? Ту самую, что могла убить, потом пистолет в Ксюхин дом подбросить, чтобы Лешка потом его там нашел?! Кто эта женщина?! Ты же... ты же не можешь не предполагать, так?

— Так, — проворчал он, опомнился и отцепился от ее руки, не забыв, правда чуть погладить покрасневшую под его пальцами кожу.

— И на кого ты думаешь? — от боли, раздирающей ее на части, глаза ее сделались абсолютно неузнаваемыми. — Ты же на кого-то думаешь?

— Да. Но тебе не понравится то, что я скажу.

— Понятно... Мне теперь понятно, но я... Я не убивала никого! — вдруг выкрикнула Ольга и неожиданно расплакалась. Совсем по-детски расплакалась, вздрагивая всем телом, всхлипывая и причитая через раз. — Я не убийца, это ты понимаешь? Мне вообще нет дела ни до каких денег!!! Я и этого дядю дурацкого никогда в глаза не видела. Нет, видела однажды, но только в журнале на картинке, и все! И мне нет никакого дела...

— Понял, понял...

Валера попытался примирительно улыбнуться, но смысла в этом было мало. Ольга на него не смотрела, без устали вытирая слезы. Так что улыбайся не улыбайся — эффекта ноль. Самое бы время подойти к ней, обнять, утешить. Там, глядишь, все пошло бы развиваться по законам жанра и все такое, но... он не мог.

Ольга о чем-то догадывалась. Что-то такое угнетало ее, оттого и так неожиданно и горько расплакалась. Не от того же, что он мог подозревать ее конкретно, в самом деле! Не сидел бы он сейчас за ее столом и не желал бы так остро, кабы подозревал в убийстве. Нет, причина ее слез в чем-то другом. Она о чем-то знала. Срочно требовалось в нее вцепиться, додавить и вытрясти все то, что заставляет ее так страдать. Так он и делал раньше. Так и поступал, когда работал со своими свидетелями. Но то было раньше, и то были совсем другие люди и совсем другие обстоятельства...

— Я не подумал на тебя, Оль. И не тебя совсем подозреваю. Эй, ну-ка успокойся немедленно!

Встать ему все же пришлось, и подойти, и обнять, и даже поцеловать ее он ухитрился. Почти незаметно, правда. Почти неуловимо так коснулся ее волос у виска и тут же потащил ее умываться.

Ольга не капризничала и не упиралась. Опершись руками о край раковины в ванной, она дождалась, пока Валера включит ей воду, и тут же, сильно наклонившись, начала умываться.

— Я никогда не могла себе представить, что моя жизнь может быть еще худшим кошмаром, чем была! — всхлипнула она снова, перекрывая шум льющейся воды. — Разве так можно?!

— Нет, конечно, нет. — Валера протянул ей полотенце, обнял за плечи и слегка встряхнул. — Оль, не стоит так убиваться. Каждый из нас в ответе за того, кого приручил, я это помню и принимаю за истину. Но... Но каждый из нас прежде всего в ответе за самого себя. Ты согласна?

— Да, наверное.

Она повернулась в его руках ровно настолько,

чтобы повесить на крючок полотенце, но промахнулась. Полотенце соскользнуло на пол и запуталось у них в ногах. Ольга хотела было наклониться и поднять его, но Валерины руки вдруг сделались не так податливы, как прежде. Они вдруг с силой притянули ее и сошлись тесным кольцом на ее позвоночнике.

— Валера?

Ее глаза широко распахнулись, упираясь в его глаза безумно-прозрачной голубизны. А губы... губы стали так близко. Совсем рядом с его губами. Валера чувствовал ее дыхание, и оно сбивалось и сходилось в унисон с его дыханием, но его все равно не хватало им на двоих.

— Оль... — хрипло выдохнул он ей в ухо, боясь задохнуться уже от одного того, что произносит ее имя. — Я не могу больше... Это сумасшествие или как?!

— Это?.. Я не знаю, Валер, но мы...

— Не должны, я помню. — Он не позволил ей высвободиться, ухватив ее за шею и теснее прижимая к себе. — И еще я помню о том, что мы всего неделю как знакомы. И еще то, что я недостоин тебя. И еще я отвратительный тип, который...

— Который использует женщин в своих профессиональных интересах, — подхватила она, и он понял по ее голосу, что она улыбается. — А ты никогда не задумывался над тем, что тебе просто-напросто позволяли это делать. Женщины не так примитивны, как ты думаешь, Валера. Они сложны и чаще мужчин подвержены капризам.

— Хочешь сказать, что это меня как раз использовали в силу каких-то там своих прихотей?! — открытие, сделанное Ольгой, ему не понравилось. Оно

шло вразрез с его представлениями о женщинах вообще и о жизни — в частности.

— Да, вы просто платили друг другу одной и той же монетой, и все. — Ей хотелось увести его от опасной темы — темы их близости, хотелось не поддаваться их общей страсти, и еще она очень старалась не обращать внимания на то, как он возбужден и напряжен.

— Я — чей-то каприз? Так получается? — Он прошелся губами по ее волосам, влажным от слез и воды, задержался на ее виске, где бесновался мощными толчками пульс, скользнул к уху и шепнул: — Почему?

— Ты... ты очень красивый, Валер, — просто ответила она, просто и правдиво. — От тебя и в самом деле захватывает дух. И эту, как сейчас принято говорить... башню сносит...

— Сносит, Оль?! — он уже почти не понимал, что именно говорит. Важно было просто не молчать, говорить хоть что-то и сознавать, что ты еще не умер.

— Сносит, Валера! — вздохнула она виновато. — Еще как сносит, а ведь не...

— Не должно, знаю... — хриплым эхом отозвался Лапин. — А почему?

— Мама не поймет! — вдруг выпалила Ольга и сама застыдилась своей детской откровенности.

— А мы ей не скажем, — он даже не удивился тому, что она сказала.

Они стояли в тесной ванной, благословляя убогое градостроительство семидесятых, не позволяющее им разбежаться по углам. Стояли, тесно прижавшись, и несли всякий вздор, который им вздором совсем не казался, он был спасителен для них в тот момент...

Пуговицы на ее рубашке застревали в петлях и мешали ему, чудовищно мешали. Валера нервничал. Он чувствовал и ее нетерпение тоже и оттого торопился. Он боялся, что Ольга передумает и вдруг остановит его. А он уже не мог остановиться, никакая сила уже не способна была его остановить.

Кожа ее плеч и груди матово светилась, слепя и обжигая. Пальцы судорожно подрагивали и все никак не могли справиться с двумя последними пуговицами. И тогда он просто сдвинул непослушную рубашку Ольге на бедра и, упав на колени, потянулся к ее шортам.

— Оля, Оленька... Ты такая...

Господи, он не мог себе представить, что можно целовать с таким упоением женские колени. Целовать и чувствовать себя при этом самым счастливейшим из всех счастливых на земле.

— Ты такая... необыкновенная... Господи, ты превосходная просто... Я не могу просто, Оленька!!!

Никогда прежде Валера не был столь косноязычен и никогда прежде не говорил так бесконтрольно. Все нужные и правильные слова, все самые красивые и достойные слова куда-то исчезли. Они были вылизаны из его мозга языками дьявольского пламени. Им — этим диким огнем — были полны его легкие, поэтому, наверное, ему трудно, почти невыносимо было дышать. Этот огонь выжег ему сердце, и оно уже и не билось вовсе, а клокотало, отдаваясь болью во всем теле.

Оля тоже что-то отвечала ему, так же бессвязно, почти со стоном. И он торопился, очень торопился, почти не осознавая, что узкий пенал тесной ванной мешает им. Куда правильнее было бы подхватить Ольгу на руки и унести куда-нибудь, но он не мог.

У них же все неправильно, вернее, все не по правилам. Не по тем, по которым они жили до сих пор, и не по тем, которые для себя придумали за прожитые годы. Он себе придумывал, она — себе. Теперь все будет по-другому. У НИХ все будет теперь по-другому...

— Оль, тебе не холодно?

Они лежали на полу в ее ванной, крепко обнявшись, и все пытались укрыться ее полотенцем. Тем самым, которое она уронила полчаса назад, и с которого все и началось.

Или это началось много раньше? А когда?!

В тот момент, когда ее спина под его взглядом покрывалась мурашками в кабинете следователя? Или тогда, когда они колесили по заснеженным раздолбанным деревенским дорогам и Ольга чувствовала, как скользят по ее щеке его внимательные изучающие глаза? А может, и вправду виновато полотенце, так не ко времени упавшее им под ноги? Она наклонилась тогда, пытаясь поднять его, и тут...

— Оля, идем в комнату, простудишься. — Валера привстал с пола и потянул ее следом. — Нам с тобой ко всем нашим бедам еще болезней не хватает.

Ей понравилось и его «нам с тобой», и беды на двоих общие понравились тоже, и такая трепетная забота о ее здоровье заметно согрела душу. Значит, ничего не изменилось, после того как...

Ничего не изменилось! У нее ведь так не случалось прежде.

С Владом у них все было иначе. Красота сразу исчезала, стоило им трезвым взглядом посмотреть вокруг себя. Мгновенно вылезали острыми углами какие-то ненужные проблемы, на ровном месте воз-

никали споры. Кто-то кому-то вечно пытался что-то доказать. А сейчас...

Валера оделся до того, как она поднялась. Тут же укутал ее в полотенце. И сделал это так виртуозно, что она даже не успела смутиться их общей наготы и того, что только что произошло на этом самом полу в ее ванной.

— Чай будешь? — Он сразу ушел в кухню и жутко громыхал там теперь чем-то.

Чем именно — она не видела, сразу бросившись к зеркалу в прихожей. Хвала господу, с ее лицом и телом было все в порядке. Несколько минут назад ей казалось, что с нее, сгорая, слезла вся кожа.

— Оль! — снова громко позвал ее Валера. — Чай будешь?

— Буду! — Она на цыпочках вернулась в ванную, подобрала с пола рубашку и шорты и тут же оделась. — Там печенье есть, Валер, найдешь?

— Найду!

Они кричали почти в полный голос, хотя расстояние, разделяющее их сейчас, было не более двух метров. Нравилось им это, что ли? Кричать и слушать свой голос, называющий по имени того, кто еще час назад казался чужим. Кричать и слушать, и еще осознавать, что человек этот вроде и не чужой теперь вовсе и что-то, несомненно, их связало. И это что-то не просто банальная сцена на бетонном полу, а нечто большее. И оно кажется таким красивым и радостным, что внутри все разрывается от желания кричать и беспрестанно улыбаться...

— Оль! — снова закричал Лапин. — Иди, а то остынет!

Еще раз посмотревшись в зеркало, она быстро

поправила волосы. Подумав, заправила рубашку в шорты и только тогда пошла в кухню.

— А чего мы орем, не знаешь, Валера? — спросила она, останавливаясь у двери и с улыбкой наблюдая за тем, как он пытается собрать со стола рассыпанный им сахар. — Бедокуришь?

— Немного того, ага...

Лапин вдруг улыбнулся ей в ответ. Широко улыбнулся и искренне, сам себе удивляясь — на этот случай у него всегда имелась совсем другая улыбка. Совсем не такая открытая и бесхитростная. Неужели и правда все так хорошо, как кажется, а?! Неужели это и впрямь она — та самая женщина, о которой он втайне мечтал? С которой всегда хочется уехать куда-нибудь к морю и, забыв обо всем, просто греться на солнце. Или которой можно поверять все свои секреты и делиться неудачами. И еще советоваться с которой можно, не боясь быть непонятым. Или можно просто проторчать весь вечер у телевизора, не заботясь о том, что именно по сценарию он должен сейчас делать и кого изображать.

— Эй, Олька, все нормально? — Он бросил собирать сахар и подошел к ней, сразу обхватив всю ее и втиснув в себя. — Ты как, Оль?

— Все хорошо, Валера. — Ее губы ткнулись ему в щеку, сами собой ткнулись, она даже не успела ничего проанализировать или сопоставить. — Даже не верится мне почему-то, что может быть так хорошо!

— И мне тоже, представляешь! — Он откинул ее волосы с шеи и впился в гладкую теплую кожу губами, бормоча при этом: — Никогда, никогда прежде не испытывал такого восторга уже после того, как все произошло! Никакой недосказанности, никакого

неудовольствия! Оль, и это на полу, в ванной! А если на нормальной кровати?

— Считаешь, надо попробовать? — Ее кожа снова начала гореть и пузыриться под его губами, чертовщина просто какая-то: разве так бывает... — А как же чай, Валер? И... мы с тобой так и не договорили. Мы о чем-то с тобой говорили, о чем-то важном... И я плакала потом, а ты повел меня умываться и там...

Они поговорили, но много позже.

К тому времени на улицах погасли фонари и темнота за окном сгустилась до непроницаемой чернильной вязкости. Темнота и тишина, звенящая в ушах...

— Оля, — тихо позвал ее Лапин, поймал прядь ее волос и чуть потянул. — Ты спишь?

— Нет. — Она смотрела в потолок, пытаясь поймать там хоть какой-нибудь отсвет, но тщетно. — Почему так темно, Валер?

— Утро скоро. — Он заворочался, дернул запястьем и, нажав подсветку на часах, пробормотал: — Почти четыре. А мы и не спали вовсе.

— Завтра воскресенье. Спешить никуда не нужно, — еле слышно возразила она, поражаясь тому, как поглощается гнетущей тишиной ее шепот. — Как ты думаешь, это Ксюша?..

Он не сразу понял, о чем она. Состояние блаженного покоя, в котором он сейчас пребывал, было абсолютным. Не хотелось ни о чем думать, тем более думать о таких досадных вещах, как их приторможенное обстоятельствами (пусть и приятными) расследование. Кто знает, на какую кривую их выведет, если вообще куда-нибудь выведет.

Ему было очень хорошо на ее кровати, хорошо и покойно. Ольга лежала рядом, прижавшись к не-

му всем телом. Он чувствовал ее всю: от крохотных пальчиков на ногах, до макушки. Она была простая, милая и почти уже своя. Ему нравилось полное отсутствие звуков в ее спальне, хотя ее это, кажется, угнетало. А ему сейчас все нравилось: и тишина, и непроглядная темень вокруг. Лишь бы она была рядом.

— При чем тут Ксюша? — Лапин приподнялся на локте, нашел в темноте ее щеку и, нежно погладив ее, удивленно воскликнул: — Оля, ты чего?! Ты плачешь, что ли?! Что случилось хоть, скажи! Терпеть не могу беспричинных женских слез! Знай это и берегись!

— Они не без причины, Валера, и включи наконец свет. Глаза же просто болят от такого мрака.

Свет ночника полыхнул по спальне, и они какое-то время жмурились и потирали глаза, привыкая. Потом Ольга, быстро накрывшись одеялом, попыталась встать.

— Ты куда? — Валера удивленно заморгал. — Чего это ты вскочила?

— Валера, нам нужно серьезно поговорить! Только для этого нам нужно... — Оля поискала глазами вокруг себя и вздохнула: — Для этого нам нужно расстояние.

— Какое расстояние, чего ты городишь, Оль, в самом деле?!

Он и хотел бы соскочить следом за ней, но запутался в простыне, в которую хотел на ее манер завернуться. За то время, пока он, чертыхаясь, мастерил себе тунику, Ольга вернулась в спальню, неся перед собой табуретку из кухни. Поставила ее подальше от кровати. Улыбнулась ничего не понимающему Лапину и ободряюще произнесла:

— Вот, теперь уже лучше. Так будет лучше. Разговор серьезный, Валер, а рядом с тобой мыслям горячо и тесно. И думать ни о чем нельзя, кроме как о тебе и о нас с тобой. А подумать следует, понимаешь!

— Понял теперь. Только... — он с улыбкой качнул головой. — Только так еще хуже. Так я тебя вижу. И одеяло твое дурацкое ситуации совсем не спасает. И я вижу...

— Что ты видишь?!

Да всю тебя вижу, хотелось ему сказать. И даже не сказать хотелось, а заорать во все горло и рассмеяться следом. Рассмеяться от счастья, которое он теперь понимал исключительно по-своему. Кто как, а он по-своему. И счастье его было исключительно в этой женщине. В ее босых ступнях, которые она пристроила сейчас на перекладине табуретки. В ее рассыпавшихся по голым плечам волосах. В ее настороженности в потемневших глазах. В ее руках, судорожно вцепившихся в одеяло. В улыбке, губах, с которых так необыкновенно, так непередаваемо благозвучно срывалось его имя.

— Олька, а мне кажется... Кажется, я тебя... люблю, — вдруг выпалил он и тут же испугался, и заторопился, сразу все испортив: — Может, это не любовь, я не знаю. Что-то происходит со мной! Вокруг тебя, вообще вокруг что-то происходит. Ты не замечаешь, нет?

Она не ответила ему, оценив его испуг, как и любая другая женщина.

«Я не стану тащить тебя замуж, — подумала она, плотнее запахиваясь в одеяло. — Да мне это и не нужно. И лирики на сегодня уже, пожалуй, хватит. Пора вернуться к тому, с чего все началось. И на-

до бы поторопиться. Пока еще ночь, пока не исчезло наваждение. Пока еще кажется, что мы с тобой рядом и никого в целом мире больше не существует. Это дарит ощущение целостности и побуждает к откровению. Потом этого может просто-напросто не быть. Темнота за окном начнет редеть. Ночь закончится. Свет дня не станет подспорьем. Он не будет помогать нам, он только сможет все испортить. Все может исчезнуть. Все! И то, что нами принимается за любовь, окажется не более чем заблуждением».

— Я идиот, Оль! — обронил Лапин в ответ на ее молчание. — Я постоянно все порчу, да? Даже о чувствах не могу сказать так, как надо. Как я и что на самом деле чувствую.

— Все нормально, — она постаралась ободряюще ему улыбнуться, чтобы он снова не сбил ее, не спутал и не заставил думать и говорить о том, о чем было говорить и думать опасно, а главное — несвоевременно. — Я просто хочу узнать... Ты подозреваешь в убийстве бизнесмена мою подругу?!

— Почему ее? Она что, невысокая и толстая?

— Нет, она не толстая. Невысокая, но не толстая. Просто ты сам сказал, что в гостинице была женщина. А потом пистолет каким-то образом оказался в ее доме, его нашел Лешка. Теперь у него пробита голова. Ксюша исчезла. Что я еще должна думать, как ты считаешь?

— Честно? — Он впился в Ольгу взглядом, снова не к месту вспомнив, что он бывший мент, а сейчас находится в этом городе с вполне конкретным заданием и суть этого задания в конечном итоге заключается в том, чтобы найти настоящего убийцу. И по возможности сделать так, чтобы доказательства,

собранные им, сыграли не в ее пользу. — Я не знаю, что думать!

— Как это?

— А так! Сплошной круговорот! Ты идеально подходишь на роль убийцы. Просто идеально! Но это не ты. С Ксюшей твоей тоже ничего не ясно. Куда пропала, зачем... Вот ты умная женщина, подскажи мне, что, по-твоему, делала в этом городе эта сладкая парочка? — почему-то именно в этот момент он вспомнил ее покойного мужа и его сбежавшую жену.

— К-какая сладкая парочка? — конечно, она не поняла, о ком речь.

Еще бы ей понять!

— Я про твоего покойного дважды супруга и про его исчезнувшую жену говорю. Что им было нужно в этом городе? До сего момента преспокойно жили в том, где проживал покойный дядюшка, а потом вдруг снялись за неделю до его приезда и сюда. Так мало того...

— Что?

— Они не уехали отсюда, когда «их дядя самых честных правил»... И на похороны не поторопились, а остались жить здесь. И даже этот Влад начал вовсю окучивать тебя. Так? Так.

Валера вдруг поймал себя на мысли, что ему очень неприятно упоминать ее бывшего мужа. И даже более того, ему была противна сама мысль о том, что он все последнее время отирался возле Ольги. Ревность? Хм-м, это должно обнадеживать или нет? Наверное, должно, раз так его корежит.

— Ты хочешь сказать, что их появление в нашем городе не случайно?

— Не хочу сказать, а я в этом уверен! Понимаешь, в чем дело... — Валера встал с кровати и принялся

ходить. Ему нужно было ходить, чтобы говорить, думать и по ходу делать выводы. Просто сидеть и смотреть на то, как одеяло то и дело сползает с ее плеч, он не мог. Это отвлекало и путало мысли. — В смерти моего клиента, назовем его так, были заинтересованы лишь два человека: ты и твой покойный муж.

— Но я!..

— Знаю, не перебивай. — Он остановился за ее спиной и, не выдержав, поцеловал все-таки ее в голое плечо. — Черт, очень тяжело так разговаривать, Оль!

— А ты не отвлекайся. Говори дальше, — она натянула одеяло до самого подбородка и шутливо лягнула его ногой. — Скоро Новый год, Мишка ждет подарков. А его мать пропала неизвестно куда, я должна ее найти. Пусть даже она... и окажется причастной.

— Не исключаешь?

— Я уже ничего не исключаю. Говори...

— У меня такая версия. — Валера оперся о подоконник и уставился в черный квадрат окна невидящим взглядом. — Этим двоим каким-то образом стало известно о страховке. Узнать — проблем нет. Дядюшка мог сам похвастаться в кругу друзей. Могла быть утечка информации из нашей богадельни. Или они просто вели за ним пристальное наблюдение, и потому им был известен каждый его шаг. Ребята, судя по всему, серьезные и хитромудрые. Они узнают о страховке и понимают, что, если дядюшка умрет, ты станешь обладательницей огромного состояния. Отсудить Влад его не мог ни под каким видом. Мало того, он числился в покойниках, так еще страховка на тебя. Позволить тебе распоряжаться всеми деньгами, которые по праву родства должны

принадлежать ему, было выше его сил. Что же тогда получается? Как ему получить деньги, Оля?

— Он мог получить их только в одном случае, — она изумленно смотрела в его спину, Валера все не поворачивался. — Если бы я ему их сама отдала!

— А ты бы отдала? — Тут он наконец перестал таращиться в темноту за окном и повернулся. — Ты бы смогла отказаться от этих денег из каких-то там нравственных соображений или от... большой любви к бывшему мужу? Могла бы?

— От любви? Не знаю, может быть. А вот нравственная сторона вопроса... Пожалуй, с этой стороны он бы меня не взял. Мне так хотелось ему отомстить, это был бы прекрасный повод. Хотя... Я не знаю, Валера! Я не знаю, как бы я поступила в таком случае!

— Если бы в одночасье превратилась в богатую женщину? — Поймать его взгляд ей не удавалось, он это понимал и этому радовался. Выражение его глаз ей бы ни за что не понравилось, в них закипала ярость.

— Да.

— А вот я думаю, что у ребят был верный расчет на то, что ты отдашь им деньги. Слишком они тебя хорошо знали.

— Они? Почему ты говоришь о Владе во множественном числе, Валера?

— Его жена была сообщницей, это сто процентов. Он не мог переезжать из города в город, не мотивируя и не объясняя ей своих поступков. Не мог занять пост начальника вашего управления без связей, взяток и тому подобное. Он не мог все это провернуть без нее. Не мог! Тут снова вопрос: зачем ему влезать в это кресло? Зачем? Пост какой, подума-

ешь! Это не банк, не биржа, не таможня или аэропорт. Это всего лишь управление культуры, где... работаешь ты! Им нужна была ты и еще определенное влияние на тебя, для того им это кресло и понадобилось! Я так думаю... Разве мог он с этим один справиться без супруги? Не-ет, Оленька, без нее тут не обошлось, поверь.

— А... а кто она? Он что-то говорил мне, будто многим ей обязан, что не хочет ее волновать, а потом сам же ко мне в гости напросился. Настаивал на свидании. Знаешь, он сначала уволить меня хотел, а потом вдруг повысил. Он запутал меня тогда совсем! И приставать начал с чувствами. — Ольга вспоминала, бездумно поглаживая свои колени, одеяло на которых давно разъехалось в стороны, обнажив гладкую матовую кожу.

Она этого не замечала, как не замечала тихого бешенства, клокотавшего в груди Лапина. Он с радостью заорал бы на нее сейчас и приказал закрыть рот, только чтобы не слышать ничего о человеке, которого она так оплакивала несколько дней назад. Но она говорила, говорила, вспоминала, а это была уже информация. Эта информация была очень ценна для него, да и для нее тоже. Приходилось терпеть и слушать. Он же раньше вызывал женщин на откровенность, и ничего. Чего же теперь? Нет, никогда он не мог бы себе представить, что это будет причинять ему столько неудобств. Неужели он действительно ревнует?..

— А в тот вечер, когда он уходил от меня, он както странно разозлился. И злость эта была на ровном месте, понимаешь? Словно он боролся с чем-то невидимым внутри себя. Я неплохо знала его и могу

сказать, что он что-то задумал. Я еще тогда спросила, что его беспокоит или что-то в этом духе.

— А что же он?! — Валера еле сдерживался, чтобы говорить ровным и относительно спокойным голосом.

Уходил он от нее вечером, твою мать! Что, спрашивается, он тут делал?! Какого черта притащился?! Этот его визит... Какую цель преследовал?

Это могло говорить о многом, а могло...

— Вы переспали, Оль?! — Как ему было противно задавать этот вопрос, видит бог — противно, а как было не спросить, если в груди вдруг все заныло и зажгло.

— Это важно?

— Да, черт возьми, это важно! — Он все же не выдержал и заорал на нее. Заорал, сам себя испугавшись. — Это очень важно и для тебя, и... черт возьми, для меня!

— Не нужно так кричать, ночь на дворе, — она недовольно поморщилась. — Или я подумаю, что ты ревнуешь к призракам, Валера. Ладно, это глупость. Мы переспали, если это так важно для тебя. Для меня... Для меня это было важно в тот момент, сейчас нет. Это что-то меняет?

Это многое меняло, черт возьми! Это в корне все меняло! Это могло значить то, что Владик решил по ходу дела перестроиться и кинуть свою растолстевшую супругу. Могло означать, что делал это он с ее молчаливого согласия, но это вряд ли. Соседи, опрошенные им позавчера, подтвердили, что супруги часто ссорились в последнее время. И жена Влада уехала из дома не накануне его смерти, то есть вечером того дня, что предшествовал ночи убийства, а лишь наутро. То есть тем утром, когда Влад был

уже мертв. Причем торопилась очень. Чемоданы тащила к машине почти бегом и все оглядывалась по сторонам. Никто бы не обратил внимания на ее отъезд, кабы она не своротила ворота своего гаража, когда выгоняла оттуда машину. А потом уже были и чемоданы, и много домыслов...

Получается, что она сбегала. От кого? Кого боялась? Да никого! Ей некого было бояться. Супруга сама могла из ревности убить мужа. Не сама, конечно, это вряд ли. А нанять киллера...

— Знаешь, я сначала думал, что гостиничного киллера наняла ты. Только погоди возмущаться. Я отдаю свои слова на твой суд, а ты делай выводы. — Валера зло прошагал мимо табуретки, на которой восседала Ольга, с силой опустился на кровать, так что матрац под ним возмущенно хрустнул, и, старательно обегая ее взглядом, продолжил: — У меня так все хорошо уложилось в схему. Киллера нанимаешь ты. А жена Влада — она же растолстела из-за беременности, как раз то, что надо — его опережает. Но потом я понял, что ошибся. Жена Влада к тому моменту еще не была столь толстой, срок еще был не тот. И им совершенно не нужно было тебя опережать. Все, что им было нужно — это его смерть. Остальное — дело времени и технического облапошивания тебя. Они — эти двое — изначально генерировали идею смерти дядюшки. Изначально! Все гладко и хорошо. Дядюшка зачем-то приехал в этот город. Зачем, я пока не знаю. Возможно, для встречи с тобой. Скорее так и было. Больше ему в этом городе делать было нечего. Они все знали. Откуда? Я тоже пока не знаю. Опять версия со слежкой подходит. Могли прослушивать телефон. Запросто могли! Сейчас эти шпионские штучки не редкость.

— Подожди, Валера, а то я сейчас запутаюсь окончательно. — Оля зябко поежилась и потерла ступню о ступню. — Мне можно прилечь или после моих откровений о свидании с бывшим мужем я в опале? Не была бы уверена в обратном, подумала бы, что ты ревнуешь! Так как, я лягу?

Лапин боролся с собой недолго. Играть в Отелло было неумно, учитывая предысторию их теперешних отношений. А с тем, что неприятно ворочается внутри при мысли о том, что Ольгу кто-то мог обнимать до него, он как-нибудь справится. Не дурак же в самом деле он примитивный. Вполне нормальный понимающий мужик, современный и все такое. Ольга — она же, она же необыкновенная. Не желать ее было очень сложно. Хоть ему самому, хоть Владу там какому-нибудь, провались он трижды. При мысли, что Влад уже дважды успел провалиться и не куда-нибудь, а в саму преисподнюю, Лапину сделалось чуть легче.

— Ложись, — буркнул он недовольно и отодвинулся к самой стенке, освобождая ей место. — Только, чур, не приставать.

Ольга устраивалась долго. Сдуру надела на себя нелепую байковую пижаму, будто бы она могла спасти положение. Лапин едва удержался от возмущенного фырканья, но благоразумно сдержался. Пускай надевает, коли приспичило. Он как-нибудь справится с собой. И совсем не станет думать о том, как вольно и неприкаянно гуляет под байковой коротенькой курточкой ее грудь, что ее непременно хочется...

— Валера, — позвала его Ольга, отвлекая, после того, как нарядилась в пижаму и устроилась на кровати, высоко подбив подушку себе под спину. — А что-нибудь пропало из номера убитого?

— Хороший вопрос, Олька! — Он просто с места сорвался, услышав его. Навис над ней и еле-еле удержался от того, чтобы чмокнуть ее в кончик ее великолепного точеного носа. — Очень, очень хороший вопрос! Пропало содержимое кейса и деньги.

— Что было в кейсе, ты, конечно же, не знаешь. Но если он сюда ехал на встречу со мной (о которой я, кстати, ничего не знала и не слышала), то следует предположить, что там были какие-то документы. Там мог находиться страховой полис на мое имя. В его доме после его смерти полис был найден? Нет, по всей видимости. Тогда убийца — предположительно. невысокая толстая женщина — взял его оттуда, не побрезговав попутно и деньгами. Влад с женой, если упустивший бумаги киллер был от них, остались с носом. Главным их козырем в моем, как ты изволил выразиться, облапошивании был как раз этот самый полис. Они бы шантажировали меня, вытягивали нервы, пока я не отдала бы им деньги или щедро не поделилась полученным. А тут остались с носом. Так?

— Ты просто умница, Оль! — От того, как именно она это говорила, по спине у Лапина поползли мурашки, а в глазах сделалось темно. — Не будь я так увлечен тобой, тут же надел бы на тебя наручники!

— Так надень, что это изменит?! Я не была в гостинице, Валера! Тебе придется с этим смириться. — Она скользнула по его потрясенному лицу догадливым взглядом и хмуро изрекла: — Это не я.

— Кто же это мог быть? Никаких предположений на этот счет не имеется, Оля?..

Лапин резко сел и невольно обхватил голову руками. От собственного молниеносного прозрения ему сделалось так мерзко, так противно, что впору было

прыгать с подоконника вниз. Была бы надежда, что черная дыра окна сможет поглотить его и выплюнуть затем за тысячу миль отсюда просветленным и очищенным, он бы запросто смог это сделать. Но все дело было в том, что надежды не было.

Она знала! Он не ошибся на ее счет, она знала о преступлении с самого начала или, что еще страшнее, была его соучастницей!

Весь собственный профессионализм и беспристрастность он швырнул на давно пошатнувшийся алтарь надуманных чувств. Сумел заглушить в себе все: силу ума, трезвый взгляд на вещи, что там еще имелось у него прежде... Здоровый цинизм, во! Тот самый здоровый цинизм, который в той или иной мере был присущ любому, кто разгребает преступное дерьмо, как любила говаривать Танюша.

Он попался! Он попался, как самый последний дурак! Это расплата! Расплата за все его грехи! За то, что он когда-то вытворял с женщинами. Это месть провидения. Или Ольгина месть. Как она улыбнулась тогда, уткнувшись ему в плечо, тонко и умно улыбнулась, сказав, что женщины умнее и капризнее... Стало быть, он — ее каприз, прихоть?

Почему не переспать с бывшим мужем, догадавшись, что он хочет использовать тебя. Переспать, а потом убить, к примеру?..

Почему не переспать с сыщиком, который вплотную занимается твоим делом и хочет поймать тебя за руку, а что еще хуже — хочет лишить тебя огромных денег?

— Зачем ты повезла меня в дом своей подруги? — изрек он мрачно, не глядя на Ольгу.

— Чтобы найти ее, — ответ был твердым и со-

всем не тем, который он ожидал услышать. — И еще спросить ее кое о чем.

— О чем? — сделав над собой усилие, Валера повернул к Ольге лицо и с болезненной гримасой поинтересовался: — О том, куда она спрятала полис, так?

И вот тут она взорвалась. Вскочила на колени, покачнулась на матрасе, чудом просто не стукнувшись с Валерой лбами, и трижды ударила его. Ударила с таким остервенением, с такой ненавистью, что Лапин опешил и даже не попытался увернуться. Только успел спросить с изумлением:

— Ты чего дерешься?!

— Ты знаешь, кто ты? — зашипела она ему в лицо, сделавшись на удивление похожей на всех прежних его женщин.

Сейчас, по прежнему сценарию, должны были последовать оскорбления, потом предложение пойти отсюда на... и далее — слезы в подушку в одиночестве. Но случай теперь был не тот, чтобы можно было отождествлять Ольгу с другими его женщинами. Тех, других, он не подозревал в страшных преступлениях и к тем, другим, не испытывал того, что испытывает к ней. Да и больно ему так никогда не было, как в эту самую минуту. Он только сейчас узнал, как может болеть и обливаться кровью сердце, которого прежде почти не замечал.

— Я козел, — мрачно изрек он, отшатнувшись от нее и больно ударяясь головой о стену. Поморщился, потрогал горевшие от ее пощечин щеки и еще раз повторил: — Я козел, я знаю. А что делать?! Что мне делать, если все сходится на тебе?! И ты опять так говоришь...

— Как будто все знала заранее?

— Да.

— Я не могла не знать, потому что часть всего этого сама и придумала, — произнесла она сакраментальную фразу, сразу как хорошая гильотина распластавшую его разум на части. — Я придумала, посмеялась и забыла тут же! У меня и в мыслях не было, что кто-то может все это претворить в жизнь. Да и не так я все это видела. Совсем не так! Слушай, идем на кухню варить кофе. Будем пить его ведрами, будем говорить, думать и что-то решать, вместо того...

— Вместо чего?

— Вместо того чтобы обвинять и подозревать друг друга. Наша сила, Валера, в чем? Наша сила, дорогой, в единстве! Я не помню, кто это сказал, но сказал хорошо. Правильно сказал...

Он тут же поверил ей! Что за проклятье, в самом деле, на него наложили в этом чертовом городе?! Он же поверил ей при первых звуках ее голоса. Она еще не закончила говорить. Он еще не осознал в полной мере всего того, что она произнесла, а тут же поверил.

Всепоглощающая сила страсти? Так, кажется, эту дрянь называют психологи, классики и прочие умные мужи, до которых ему как ползком до Пекина. Где уж тут быть уму, когда эта самая сила страсти вытеснила все.

Она говорит: я сама все придумала, и он верит!

Она утверждает, что дальше разговоров дело не пошло, и он снова верит!

Сейчас вот передумает и скажет, что это она выстрелила несчастному мужику в голову, и он снова ей поверит!

Лапин несчастными глазами больной брошенной собаки наблюдал за тем, как Ольга неслышно дви-

жется по кухне, и не без горечи осознавал, что, невзирая на весь внутренний протест, все-таки любит эту женщину.

А чем еще объяснить тот факт, что он поплелся за ней в кухню, сидит и смотрит, как она варит кофе, и ждет ее слов, как собственного смертного приговора?! Он не оделся, не ушел, гордо хлопнув дверью. Не привел в ее дом местных сыщиков и не отряхнул с облегчением руки после того, как ее увели в браслетах. Нет! Ничего этого он не сделал! Он сидит и ловит каждое ее движение и пытается поймать на ее хмуром лице какую-то тень улыбки и все еще ждет...

С надеждой ждет, что она сейчас все сумеет ему объяснить и снова сделает его счастливым. Таким, каким он был весь вечер, когда хотелось во все горло орать, называя ее по имени, и еще хотелось беспричинно улыбаться...

— Все, пей! — Она с грохотом поставила перед ним поллитровую кружку с отбитым краем и еще раз потребовала: — Пей! И прекрати смотреть на меня такими глазами!

Он дождался, пока она сядет напротив. Оля села. Обхватила огненную кружку рукавами пижамной курточки и, вытянув губы трубочкой, со свистом отхлебнула.

Господи, он так мечтал об этом! Чтобы она вот так сидела напротив и пила из кружки, которую держала бы непременно двумя руками. А он бы...

А он бы смотрел на нее и не гадал, как сейчас, счастливый он по-прежнему или наоборот самый несчастный на свете человек!

— А какими глазами я смотрю на тебя? — сумел

он выговорить после паузы, отхлебнул кофе, обжегся и болезненно простонал: — Господи!

— Не упоминай господа всуе, Валера, — попеняла она ему и улыбнулась кроткой милой улыбкой.

— Я не всуе, знаешь! Я по делу! И по горю еще! — У него даже глаза защипало от этого самого горя, и Валера уронил голову, чтобы она не увидела, как он часто-часто моргает.

— Какое же у тебя горе, дурачок? — Оля поставила кружку на стол, протянула руку и неожиданно тронула его за волосы. — Какой же ты красивый, Валерка! Красивый и запутавшийся в своих разборках и преследованиях. А мне что теперь делать? Что молчишь?

Он лишь пожал плечами, так и не подняв головы и не сказав ничего. Голос, как и глаза, тоже смогли бы выдать его, а он не хотел. Таким ослабевшим его не видел еще никто и никогда. Он не хотел, чтобы она заметила и...

— А мне теперь, Валерочка, мало того что придется помогать тебе в расследовании, так еще и доказывать нужно будет, что я не виновна. Э-эх, ты! Неужели твоя хваленая интуиция могла тебя подвести? Неужели ты клюнул бы на преступницу? На лживую, коварную, способную вовлечь тебя в свои игры?.. Ты же умница! Разве смогла бы я обмануть тебя, даже если бы захотела?

— У меня смягчающие вину обстоятельства, — выдавил он с трудом и все же нашел в себе силы посмотреть на нее. — Я тебя люблю!

— Это славно, — очень нежно, очень мягко и очень по-доброму произнесла Ольга и тепло улыбнулась ему. — Тогда давай думать вдвоем, только, чур, без всяких подозрений! Сначала я расскажу

тебе всю предысторию, которая, не поверишь, началась с самой обычной фотографии в самом обычном журнале. А потом будем думать...

ГЛАВА 18

Это мог быть март или начало апреля, она не помнила точно ни месяца, ни числа. Помнила только, что на улице было холодно, сыро и противно. Голые ветви деревьев беспорядочно трепал студеный весенний ветер. Они терлись, скрежеща друг от друга и издавая противный, стонущий звук. Вдрызг растаявший снег журчал по улицам полноводными ручьями, покрывающимися сизой рябью при очередном порыве ветра. Солнце бледным размытым пятном угадывалось сквозь клочья грязно-серых облаков. Выходной день был безжалостно загублен весенней слякотью, и они решили просидеть весь день у нее.

Мишка играл в гостиной, понастроив башенок и замков из кубиков. Урчал, чему-то смеялся, с увлечением елозя машинками по им же проложенным трассам из игральных карт.

Оля с Ксюшей, наделав пельменей, самозабвенно жарили их на сковородке, запивая каждую порцию очередной бутылкой пива. И говорили без умолку. Говорили часа три, не меньше. Потом откуда-то взялся этот журнал. Оля не помнила, откуда. То ли его принесла с собой Ксюша, то ли она сама его прихватила с работы, чтобы полистать, почитать, а то и просто полюбоваться на глянцевые картин-

ки. Названия этого журнала она не помнила тоже. Не забылось лишь то, что в нем очень много говорилось о развитии в стране малого и среднего бизнеса и о представителях этого самого бизнеса.

Ксюша тогда раскрыла журнал на самой середине и с завистью присвистнула.

— Живут же люди! — произнесла она и пододвинула журнал Ольге. — Взгляни!

Красавица-яхта покачивалась на лощеных журнальных волнах, вызывая зависть рядового обывателя своей непередаваемой элегантностью и роскошью отделки. Туда же фотограф сумел втиснуть и пальмовые ветви, и великолепный инкрустированный золотом столик, ломившийся от изобилия тропических фруктов. Ну и, конечно же, там было очень много яркого, обжигающего тропического солнца, которого им так не хватало на Ольгиной кухне, скрывшейся сейчас в чаду от пережаренного масла.

— Олька, хотела бы на яхте в кругосветку, а?! — У Ксюши от увиденного даже голос сел. — Чтобы счет в банке не таял, а с каждым днем лишь приумножался, а ты бы в это самое время на волнах покачивалась?..

— Ну, Ксюша, милая, это же нереально! — ответила она ей тогда. — Чтобы счет все время пополнялся, нужно много и усердно работать. Это и Мишка твой понимает. А уж потом...

— Ага, а потом, когда будешь таким же сморщенным, как этот мужик, тебя уже в плавание не заманишь. Тебе бы в баньку косточки попарить, да в постельку на перинку, — фыркнула Ксюша и раздраженно двинула журнал в ее сторону. — Хочешь быть такой морщинистой?

Ольга внимательно посмотрела на фотографию мужчины, заключенную в овал оранжевого цвета. Цветовое оформление было очень неудачным, оно совершенно невыгодно оттеняло его морщины, и сколько бы ретуши ни пытались наложить, изображение от этого не становилось лучше. Но вот подпись под фотографией привлекла внимание Ольги.

Она снова и снова перечитывала сноску, опускала глаза ниже, где подробно и доходчиво рассказывалось о недавно зародившемся акционерном обществе, занимающемся производством таких красавиц-яхт и так далее...

— А знаешь, — обратилась она к подруге и тут же хмельно хихикнула. — Я, кажется, знаю этого дядьку.

— Да ну! — Ксюша так же пьяно рассмеялась. — Любовник твой, что ли? Чего тогда торчишь в нашем захолустье, а не стоишь там с ним рядом в обнимку, а? Придумаешь же...

— Точно знаю, Ксюша! — Ольга сфокусировала заметно поплывший взгляд на фотографии и подписи под ней. — Попов Владислав Васильевич, ну! А я что говорю! Это дядька моего Владика, упокой господи его душу грешную...

— Не трепись, Олька! — Красивое лицо ее подруги вдруг сильно побледнело и заострилось. — Такими вещами не шутят, поняла?!

— Да не шучу я, отстань, — отмахнулась от нее Ольга, кинулась к задымившейся сковородке и принялась переворачивать пельмени. — Точно говорю, что это его родственник. Правда, они не поддерживали отношений. Что-то там такое произошло между отцом Владика еще до того, как он умер, и этим дядей. Какая-то возня с наследством.

— У-у, гад! Он наверняка с этого наследства и поднялся! — прошипела вдруг Ксюша злобно. — А ты вот теперь вместо того, чтобы фрукты экзотические кушать, пельменями давишься!

— Я не давлюсь совсем. Мне они очень даже... Вот очередная партия готова. Ну, что? Еще по пивку?

Они разлили в пузатые стаканы с изображением розовощекого бородатого мужика пиво. Пригубили, с грохотом поставили стаканы на стол и одновременно потянулись вилками к тарелке с зажаренными до хруста пельменями.

— У него дети есть? — спросила Ксюша, буравя подругу глазами.

— У кого?

— У дядюшки, разумеется? Детки с женой у него имеются?

— По-моему, нет. Слушай, чего ты вдруг прицепилась к нему? Ну, дядя! Ну, богатый! Так не мой же дядя. Уяснила? Владькин дядька, Владькин! Владьки нет. Стало быть...

— Стало быть, наследница ты, — упорно не хотела менять тему Ксюша. — У дядюшки деток нет. Жены нет. Единственный брат давно умер. Единственный племянник... А он единственный?

— По-моему, да. Точными сведениями не располагаю. Слушай, давай сменим тему, а!

— Ты что, дура?! — злобно зашипела на нее Ксюша, опасливо озираясь за спину, где ревел выдуманными моторами Мишка. — Это же шанс! Шанс — один из тысячи! Ты должна!.. Ты просто обязана напомнить этому говнюку о себе!

— С дуба рухнула, да? — Ольга жалостливо посмотрела на нее и даже по голове погладила, но подруга начала уворачиваться, и тогда она разо-

злилась: — Приеду, скажу: здрасте, я ваша родственница! Вы, часом, не хотите меня наследницей сделать, а? Нет? А почему? Я же хорошая! У меня же достоинств — куча! И на рояле я играть умею, и петь, и сплясать могу, и еще крестиком вышивать! Опять не хотите? А что делать? Замуж меня не хотите? Вы подумайте, подумайте. Я же симпатичная девчонка! Вы старенький, скоро в ящик сыграете, поди, а я тогда останусь наследницей. Так, что ли?! Ксюша! Опомнись! Дядька этот зрить меня не захочет, поняла? Таких авантюристок вокруг подобных мужиков с деньгами пруд пруди. И все хотят непременно их заполучить. К тому же не факт, что он все еще свободен. Он мог давно жениться и обзавестись наследником. Сейчас модно на старости лет малолетками обзаводиться, для продления собственного козлячества или молодости, уж не знаю, как это квалифицировать.

Ксюша встала, поправила на себе самовязаную жилетку, больше напоминавшую домотканый половик, подбоченилась и проговорила, четко выговаривая каждое слово, когда только хмель пивной из нее улетучиться успел:

— Если он до сих пор один и если нет у него никаких наследников, то ты... Ты, слышишь, можешь стать богатой женщиной! Очень богатой, Ольга! Это шанс, который выпадает раз в сто лет и не каждому! Учитывая то, что этот дядька мастерит такие классные лодки, денег у нег должно быть много!

— Это яхта, а не лодка, — машинально поправила Ольга, начиная понемногу уставать от бессмысленного разговора; так хорошо трепались за жизнь, надо было все испортить.

— И наследницей он тебя может сделать, только надо все обставить мудро.

— Не стану я ничего обставлять, — огрызнулась она тогда и тут же добавила, совсем не подозревая, какой зловещий смысл потом обретут ее слова: — И встречаться с ним не стану, плакаться в жилетку тоже. И денег просить не буду, и уж тем более напрашиваться в наследницы. Это же знаешь что такое, быть наследницей такого громадного состояния?! Это же изводить себя потом долгие годы в ожидании, когда богатый дядюшка умрет! Это же то еще испытание! Или убить его прикажешь? Получить наследство, а потом убить! Это уже тюрьма, дорогая.

— А с чего ты решила, что он долго проживет? — поинтересовалась Ксюша с кислой миной.

— Ты посмотри на него! Посмотри внимательно! — Ольга швырнула развернутый журнал прямо ей в лицо. — Он же лет сто протянет на таком питании и при таких жизненных условиях. Мы с тобой быстрее его загнемся! А убивать его, кстати, я не собираюсь! Все, Ксюш, давай закончим этот разговор...

Законченный на этом разговор никогда больше не возобновлялся. Никогда! Отношения с Ксюшей остались прежними: теплыми и доверительными. Правда, с появлением в ее жизни Александра они стали реже видеться с Ксюшей, общаясь все больше по телефону, но любили друг друга по-прежнему тепло и беззаветно...

— А кто у нас Александр? — посуровел сразу Валера, широко с протяжным воплем зевнул и потер красные от бессонницы глаза.

— Александр? Как тебе сказать... — Оля уложила голову ему на грудь, погладила гладкую упругую кожу и пробормотала невнятно: — Теперь, наверное, уже никто. А так... а так в жены меня брать собирался.

— О-оля-я, — прохныкал Лапин и шутливо подергал ее за волосы. — Ну что за наказание с тобой, честное слово! То муж какой-то, восставший из ада, — часть четвертая. То теперь еще и Александр! Мне-то место останется или нет?!

— Останется, не переживай. Нам бы вот только с Ксюшей разобраться, а потом мы все и всех рассредоточим по своим местам. Только бы Ксюшку отыскать. Ну вот куда она могла деться?!

— Ксюша твоя наделала дел! — воскликнул он горестно, мгновенно из расслабленного обретенным счастьем человека трансформируясь в прожженного многолетней практикой мента. — Сбежала, как думаешь?

— Почему сбежала? — Ольга уже почти засыпала, измученная тяжелой ночью. — Говорю тебе, она не могла убежать от Мишки! Не могла... А если и сбежала, то давно бы уже дала о себе знать. С Ксюшей беда, я это чувствую, Валера. Беда...

Он не стал спорить, лишь погладил ее легонько по голове, призывая к молчанию.

Они оба измучились. Оба устали от разбирательств и сопоставления разрозненных фактов. А когда наконец-то все поняли и воссоздали картину тех страшных событий, то окончательно обессилели.

Ольга, лишившись последней надежды, не могла уже даже плакать. Она просто смотрела на него через кухонный стол полными ужаса глазами и беспрестанно шептала:

— Что же ты наделала, дурочка? Зачем же ты так...

Валера молчал, ему было много хуже, чем ей. Он был мудрее, он по опыту знал: отыщись Ксюша живой и здоровой, идти ей под суд по обвинению в убийстве с отягчающими вину обстоятельствами. И кто знает, что лучше: быть в бегах или сидеть в тюрьме долгие годы. А если... если ему наплевать на свой долг и честь мундира, то... черт его знает, что будет. Он эту Ксюшу и в глаза-то еще ни разу не видел и что она за птица не знал, и где она вообще сейчас скрывается, тоже не знал. А надо бы! Ой как надо!..

ГЛАВА 19

Лапин уехал от Ольги лишь в понедельник утром. В воскресенье они проспали почти до вечера, а, проснувшись, сразу помчались по магазинам. Для чего им срочно понадобилось покупать горы всяких ненужных вещей, они не знали. Гуляли по отделам, швыряли в тележку все подряд и улыбались друг другу часто и со значением.

— А зачем хлопушки? — Ольга с удивлением вертела упаковку в руках, которую за минуту до этого Валера уложил поверх двухкилограммового пакета со спагетти и огромной рыбиной в вакуумной упаковке.

— Так Новый год скоро, Оль. — Валера закрутил головой по сторонам. — Тебе какие шары нравятся? Мне золотистые и еще чтобы красные банты были на елке.

— Как Первого мая! — фыркнула Ольга возмущенно. — Нет, шары пускай останутся золотистыми, а бантики... Про бантики следует подумать... Слушай, а я хочу орешков.

— Ты прямо как в рекламе: Вася, я тоже хочу «Лейс»! — передразнил ее Валера и тут же сгреб в охапку с десяток крохотных пакетиков с орешками. — Орешки так орешки. Кстати, а что мы будем ужинать сегодня? Спагетти с рыбой? Это как-то...

— Нет, рыбу мы оставим. А к спагетти можно сыра купить...

Они больше часа бродили по огромному супермаркету. Валера толкал перед собой тележку. Оля шла рядом, вцепившись в рукав его куртки. Им было так хорошо, так спокойно, словно и не существовало никогда их порознь друг от друга и они всегда были только вместе. И такие вот воскресные вылазки — это их обычное дело. Так всегда было и всегда будет. Потому и спорили они подолгу у прилавков, а потом все равно уступали друг другу.

— Тебе хорошо? — спросил он, вытаскивая на улицу два огромных пакета с покупками, половина из которых им была совершенно не нужна еще пару дней назад.

— Мне очень хорошо, Валера. Так хорошо, что даже страшно, потому что...

— Так не бывает, я не забыл! — перебил он ее, втискивая пакеты на заднее сиденье ее «Оки». — Зато так будет, Оленька! Мы с тобой оба неправильные и будем все делать неправильно. Согласна?

Она кивала и улыбалась. Соглашалась со всем, что он говорил, хотя это по сути своей был несерьезный пустой треп, и снова улыбалась. Они заключи-

ли негласное соглашение: не касаться опасной темы до понедельника.

Приехав домой, тут же начали вместе готовить ужин, толкаясь и шутливо бранясь на ее тесной кухоньке. Оля сварила спагетти по какому-то совершенно другому способу, нежели русский человек привык варить привычные в обиходе макароны. Вычитала на упаковке и, точно следуя рекомендациям, сварила.

Валера взялся жарить мясо, которое они, недолго препираясь, купили в том же магазине.

— У меня готово! — провозгласила Оля, уложив спагетти красивой волной на широком блюде. — Теперь ты, Валера.

Валера ссыпал мелко нарезанное, прожаренное со специями и соусом мясо прямо в середину блюда и засыпал все это великолепие тертым сыром.

— Класс, не находишь?! — восторженно пробормотал он, обнимая Ольгу и привлекая к себе.

— Что именно? — Она потрогала его волосы, откинула их со лба, поочередно поцеловала каждый глаз, нос, подбородок, и еще раз спросила: — Что класс?

— Все! Олька, все классно! И то, что приготовили так... И что готовили вместе... И что вообще мы вместе...

Им хорошо было вместе, это факт. Хорошо, невзирая ни на что. Ни на былые подозрения, которые отравляли им счастье, которое могло и должно было стать полным. Ни на опасность, от которой у него лично звенело в голове. Ни на то, что ясности пока что не наступило и неизвестно было, наступит ли. Им просто было хорошо рядом, и хотелось верить, что так будет всегда...

Утром в понедельник он не стал провожать ее до работы. Они простились на автостоянке у ее машины, и он ушел. У угла дома остановился с чего-то, оглянулся на нее и какое-то время понаблюдал, как она пытается перебраться через обледенелый бордюр.

Когда Ольга выбралась на дорогу, он с явным облегчением вздохнул и побежал на автобусную остановку.

Сегодняшний день будет для него очень напряженным.

Сначала нужно было заехать к себе, переодеться и, наверное, собрать свои вещи. Ольга не была против, когда он как бы вскользь спросил ее об этом. Потом надлежало позвонить Татьяне и узнать, не разжилась ли она сведениями о скрывшейся в неизвестном направлении Любавской. Проведать своих бывших собратьев по оружию и попытаться выяснить у них, не появилось ли чего нового в их общем деле за то время, пока он занимался урегулированием своих собственных дел. А потом... А потом нужно встретить Ольгу с работы и уже никуда от себя не отпускать. Никуда! Что-то болело и болело сердце за нее с самого утра. Все виделось как-то не так, как-то тревожно все виделось ему...

Танюшка вздохнула и ответила ему, ничуть не удивив:

— Найдешь ее, Валер, теперь, как же! Если она убила своего мужа, то спряталась так, что в жизни не найдешь. А если убежала в страхе, оттого что его убили, то...

— То ее не найдешь в жизни, — закончил он безрадостно и тут же потребовал совета: — Вот скажи мне, как могла подозреваемая в убийстве обычная женщина опередить профессионала?

— Подозреваемая-то существует на самом деле? — уточнила Танюша и, дождавшись его утвердительного ответа, прокашлялась. — Она знала о его планах.

— Правильно. А как она могла узнать о его планах, если в глаза никогда не видела?

— Это ты так думаешь! — вдруг фыркнула Танюша. — Как она могла его не видеть и вдруг узнать о его планах и потом опередить?! Ты чего такое городишь, Валера?! Если у нее хватило ума оформить свое проникновение в гостиницу с таким маскарадом. Если хватило выдержки делать уборку в тот момент, когда он вошел в номер, то эта баба... Эта баба просто кремень, первое.

— А второе? — кажется, он начинал прозревать понемногу.

— А второе... Она могла его знать, мне кажется. Он мог с ней спать, к примеру. Зачем тогда ей напяливать на себя костюм толстяка, позаимствовав его у своей подруги массовика-затейника, если она не боялась быть узнанной? Перла бы напролом. Он бы никогда на нее и внимания не обратил, твой профессионал. С таким же успехом могла бы мыть ванную с унитазом, не наряжаясь черт-те во что! Нет, мне кажется, что дамочка боялась его. Боялась, потому что знала, и потому что он знал ее. Поэтому и понадобился ей такой камуфляж. — Татьяна вдруг замолчала и тихо рассмеялась в трубку. — Знаешь, меня даже пот прошиб, так захотелось тебя убедить.

— Считаешь, что ты права? — спросил он, хотя мог бы смело подписаться под каждым ее словом.

— Считаю, Валера. Еще как считаю! — Танюшка снова скрипнула спинкой стула, который ей за годы службы так и не удосужились поменять. — Если она

спешила, значит, знала о готовящемся покушении. Об этом в газетах не пишут, сам знаешь. Разжиться сведениями подобного рода за здорово живешь можно либо находясь у заказчиков в услужении...

— Не было у них прислуги, — перебил ее Валера, имея в виду супругов Любавских. — Соседи в один голос утверждают, что никого не видели, кроме них двоих.

— Так, это отпадает. Любовницей киллера она могла быть? — Танюшка поняла его молчание по-своему. — Ты же не можешь отрицать, что ничто человеческое не чуждо даже таким людям, как убийцы.

— Любовницей?.. — Валера озадаченно примолк.

Если верить Ольге, то ее подруга никаких связей на стороне не имела. Да если бы и имела, то вряд ли поспешила бы опередить своего любовника, а вступила бы в сговор с ним или что-то в этом роде.

— Вряд ли, Таня. Любовница отпадает.

— Тогда я не знаю! Но она знала, это однозначно. А вот как она узнала?.. В случайно подслушанный разговор ты не веришь?

— Нет!

— Знаю, знаю, какой ты противник таких теорий... Ну, а как насчет личной неприязни? Черт, Валера, у меня мысли просто путаются. Если честно, то я теряюсь, но по-прежнему утверждаю, что она его знала. Покопайся среди ее знакомых...

Может, и правда это был Лешка, муж Ксюши?!

Валера в раздражении ходил почти по пустым комнатам съемной квартиры и собирал свои вещи. Почему он злился? Он и сам не знал. Все вроде бы сходилось, если принять на веру часть версии местных оперативников и предположить, что убийца, которого опередила Ксюша, ее муж.

Алексей какое-то время числился на довольствии федеральных служб, о чем в полиции имелись вполне конкретные официальные сведения. Кем уж он там числился, не было указано, или Валере просто-напросто не сказали, но что с такого-то по такое-то служил именно там, это было абсолютно точно. Навыки определенные могли у него остаться после стольких бездумно прожженных лет? Вряд ли, хотя... Его имидж мог быть простым прикрытием. Он на самом деле мог быть профессиональным убийцей, а скрываться под личиной опустившегося алкоголика. Тогда жена запросто могла узнать о его планах.

Тут программа сбоила основательно, оттого, видимо, Валера и злился.

Как? Ну, вот как она могла узнать, если по нескольку месяцев не видела его! И зачем такому профи тащить к себе в дом пистолет? И разве мог бы профессионал такого уровня подставиться под удар такой силы, который...

— О черт! — Он вдруг остановился на середине комнаты прямо с огромной сумкой в руках; остановился и беспомощно оглянулся вокруг себя. — Я дурак! Законченный зажиревший на хороших бабках дурак!

Не могла, ну никак не могла подруга Ольги проломить своему мужу череп подобным образом. Пусть в ее руках было что-то тяжелое, пусть даже смогла она нанести ему удар, защищаясь, но не с такой же силой. Это чисто мужской удар, не женский! Это он заявлял с полной ответственностью, как профессионал.

Алексея ударил мужик, это бесспорно. И драка там была, это тоже бесспорно. Не просто же так были сорваны краны в кухне так, что вода свистела во

все стороны. Стала бы Ксюша с ним драться или он с ней? Черта с два! И разрушений такой силы не было бы. Нет, Лешка дрался с мужиком. И мужик этот явился в его дом с вполне конкретными намерениями... Какими, известно одному богу. Нет, он, конечно же, лично догадывается, но произносить вслух пока боится. Чтобы не сглазить...

На улицу он вышел с туго набитой сумкой и вновь зародившейся версией, которую еще предстояло как следует проработать.

Валера подошел к машине, которую ему одолжил приятель. Смел с нее снег и даже сделал несколько безуспешных попыток реанимировать закапризничавший движок, но тщетно. Машина сдохла окончательно. Он снова запер ее. Попинал резину и пошел на остановку.

Пока придется стать полным нахлебником Ольги и в плане жилья, и в плане средств передвижения. Она вот сегодня предлагала ему свою машину, отказался. А чего, спрашивается, скромничал? Сейчас бы заехал без проблем к ребятам в отдел, перекинулся бы парой слов с Федором, потом наведался к Лешке в больницу. А вдруг случилось чудо и он пришел в себя?.. И за Ольгой бы заехал. И главное, что все бы успел. А что теперь? А теперь придется тащиться через весь город с сумкой к ее дому. Оставлять вещи, потом ехать общественным транспортом в полицию, а это снова на другой конец города. Потом в больницу. В итоге встретить ее не успевает, а не встретить было нельзя, потому что...

Валера тяжело и протяжно вздохнул. Потому что тревожно как-то было у него на душе, и чувство это все никак его не отпускало. Глодало что-то, а что — поди догадайся. То ли пропустил он что-то важное,

то ли не углядел в погоне за фактами. Так случалось с ним и прежде, случалось и не раз. Он ловил это ускользающее прозрение за самый кончик неосязаемого хвоста. Не сразу, но ловил непременно. Конечно, проходило какое-то время, прежде чем это случалось. И разговор шел о посторонних ему людях. Сейчас не было ни того, ни другого. Времени не было — раз! Ольга перестала быть ему чужой — это два!

Что же он проглядел?..

Телефон на ее работе не отвечал довольно долго. То ли Евгений Евгеньевич, так звали ее начальника, выдернул шнур из вредности. То ли услали их всех разом куда-то. Факт оставался фактом — телефон молчал. Валера долго колебался, прежде чем набрал номер Веры. Набирал, а сам морщился. Начнет сейчас выпендриваться, ерничать, еще, чего доброго, устраивать показательные выступления перед Ольгой, сопровождая непременными комментариями. Но он все равно набрал ее номер, терпеть больше сил уже не было. Беспокойство, что ржа, точило и точило его. У него даже язык к небу пристыл, настолько это чувство, доселе не особо ему знакомое, ему досаждало.

— Алло, Вер, слушай меня внимательно и не перебивай, — быстро проговорил Валера, не давая ей опомниться. — Ольга где сейчас?

— А-а... — Она, конечно же, растерялась от такого натиска, обычно всем его вопросам предшествовало дипломатичное вступление, а тут... — Ольга?

— Да, да, Ольга! — повысил голос Лапин. — Шустикова Ольга, знаешь такую?!

— Знаю, не ори, — обиделась Вера и сердито засопела. — Ольга! Всем сегодня нужна только Ольга!

— Кому еще?! — По спине медленно пополз холод.

— Начальник весь испрыгался, ее обыскавшись, теперь вот ты... Нет ее, Ольги твоей. Уехала куда-то.

— Как уехала? Заболела, что ли? — Он чуть не сказал, что с утра та выглядела вполне даже ничего, но благоразумно промолчал.

— Не знаю я! Я не ее личный доктор! Но вряд ли заболела, если уехала, ничего не сказав Евгению. Он просто с лица почернел, когда узнал. А что случилось, Валера? Чего вы так все всполошились?

— Да нет, так, ничего. Она на машине или... — он даже договорить не успел, потому что Вера его с радостью перебила:

— Уж не знаю что там или, но что голяком умчалась — это точно!

— Как это?! — Теперь ему сделалось жарко; в голову ударила взрывная волна страха такой силы, что на лбу высыпал пот. — Как голяком, чего городишь?

— А так! Лизка — это наша секретарша, видела, как Ольга садилась в машину, а дубленка ее на вешалке висит в кабинете у шефа. Он, между прочим, тоже всполошился по этому поводу. Разве можно разгуливать по такой погоде в одном свитере и джинсах!..

— Что за машина?.. — Это был не его голос, вернее, принадлежал ему, но звучал как чужой. Страшный такой, хриплый, полностью лишенный намеков на обычную любезность. — Что за машина, Вера?

— А я почем знаю?! Лизка видела.

— А Лизка где, твою мать? Так спроси у нее! — Он даже не заметил, что уронил сумку прямо в снег на остановке, где ждал автобуса, и уже не хрипит,

а орет на нее во все горло, привлекая к себе внимание прохожих.

— Так нету Лизки! Ушла она! — тоже заорала Вера, забыв о том, что за стеклянной перегородкой мается в немом бешенстве ее шеф. — Куда ушла, не знаю! Когда придет — тоже! Она у нас сама себе хозяйка! Что-то еще, Валера?!

— Вера... Вера... — У него просто зубы свело от желания заорать на нее снова, но он сдержался и снова повторил: — Вера... Послушай меня... Нужно срочно найти вашу секретаршу и выяснить, в какую именно машину села Ольга.

— Что еще? — фыркнула Вера, но тут же вдруг замолчала и с опаской спросила: — Ты думаешь, что это может быть опасно для Ольки?

— Я не думаю, я знаю, черт побери! Тут такое творится, Вера!.. Короче, я сейчас еду в полицию, а ты... пожалуйста, Вера, я тебя очень прошу... разыщи эту самую Лизку!

— Да поняла я уже, не переживай ты так. — Она негодующе дернула плечами, чего он увидеть никак не мог, и чуть тише добавила, прежде чем положить трубку: — У всех просто крышу сносит от этой самой Ольги! С чего бы это, непонятно...

Неизвестно, что там и с какой крышей у кого было, но что Лапина едва не парализовало прямо на остановке, это точно. Он сам себя не узнавал, сделавшись почти невменяемым. Начал бросаться на дорогу, пытаясь остановить машину, автобусы все как будто провалились куда-то. Визжали тормоза, визжали женщины на остановке от испуга за водителей и взбесившегося парня.

— Ты чего, гад?!

— Я тебя сейчас... козла!..

— Отойди с дороги!..

Что-то приблизительно в этом духе пришлось ему выслушать, прежде чем перед ним притормозили потрепанные «Жигули».

— Садись, камикадзе, — оскалился молодой парень в распахнутой на груди куртке. — Чего так приспичило?

— Приспичило, брат! — Валера повернул к нему посеревшее лицо и пробормотал: — Просто не представляешь, насколько приспичило! Давай на Вознесенскую.

Парень присвистнул и без дальнейших уговоров рванул машину с места.

— В ментуру, что ли? — спросил он на светофоре, покосившись на угрюмого попутчика.

— Туда!

— Обокрали, что ли? — Тут он бросил вороватый взгляд на заднее сиденье, куда Валера швырнул свою сумку. — Так вроде все при тебе.

— Не все, брат, не все...

— Значит, прав я! — Водитель заметно приободрился; таксовал он уже полгода как и считал себя знатоком человеческих душ. Друзьям частенько травил байки о заплаканных девчонках или озверевших ревнивых мужьях. Те верили и охотно слушали. Теперешний случай был редкостным, тянувшим не на одну бутылку пива, поэтому подробности узнать ему захотелось до зуда в мозолистых ладонях. — Прав, говорю, значит, я! Обокрали тебя! А чего украли-то? Деньги, бабу или тачку?

— А? — Валере не сразу стал ясен смысл его вопроса, а когда он понял, то пробормотал: — Женщину.

— А-а, это понятно! Украли, значит, бабу, так

и запишем. — Водитель, игнорируя «кирпич», вильнул в переулок. — Тут ближе. А то по проспекту мы тобой с полчаса плестись будем. А баба-то... жена тебе или как?..

— А? — Лапин все никак не мог взять в толк, чего хочет от него этот словоохотливый парень; говорить с ним ну никак не входило в его планы, тем более откровенничать, но он все же, пересилив себя, сказал: — Жена... Пожалуй... Да, жена!

ГЛАВА 20

Евгений Евгеньевич стоял перед выбором. Наверное, впервые в жизни судьба подарила ему такую возможность, а он не знал — воспользоваться ею или не стоит.

С Ольгой беда! Это он понял почти сразу, не дурак. Сначала ее любовника находят мертвым. Потом вдруг ее вызывают по телефону в фойе, откуда, не дав опомниться, сажают в машину и увозят в неизвестном направлении. Увозят, даже не дав одеться! Ее коротенькая тонкая дубленка до сих пор висела на вешалке в их общем шкафу. Он несколько раз открывал дверцы этого самого шкафа. Мял в руках, тискал, щупал мягкую замшу и даже прислонялся к ней лицом, втягивая ноздрями тонкий ненавязчивый запах ее духов. Ее духов... которыми должно было пахнуть и ее тело. Белая гладкая кожа, нежно отсвечивающая розовым...

Евгений Евгеньевич несколько раз ловил себя на мысли, что напоминает сам себе безумного, но поделать с собой ничего не мог.

Он желал ее! Желал как ни одну другую женщину! Желал именно ее — Ольгу!..

А с Ольгой случилось несчастье! И если поначалу он еще сомневался в этом, пытался настроить себя на беспечный лад, то, застукав Верку за телефонным разговором и затем за суматошными поисками Лизки, он понял: случилось!

Это не плод его разыгравшегося воображения, не следствие его безудержных фантазий. С Ольгой и в самом деле приключилась беда.

Но опять-таки и не это было сейчас главное для него. Не то, что с ней приключилось, а то, что он может помочь ей! Он, а не кто-нибудь еще. Не тот потрясающий эффектный парень, что отирался в их подземном гараже, встречая ее, а именно он — Евгений Евгеньевич — лысеющий ловелас, которому приспичило на старости лет так сильно влюбиться. Только вот нужно ли ему все это?! Проблемы, опасности, риск... Это же не для него! Он к этому совсем не привык. Колыхаться, нервничать — это же не про него совершенно!

Но с другой стороны... С другой стороны — это ли не шанс завоевать ее?! Полузабытые штампы о рыцаре в сверкающих доспехах ведь все еще актуальны и поныне. Они живы, о них не забыли, во всяком случае женщины. Если он вытащит ее, Ольга будет просто обязана ответить ему взаимностью. Она не посмеет ответить ему отказом! Не посмеет!

Евгений Евгеньевич решительно сдернул с вешалки свое тяжелое утепленное пальто и не менее решительно втиснул руки в рукава.

Он не оставит ее на произвол судьбы! Не позволит надругаться или убить! Он спасет ее! Непременно спасет и будет первым непременно. Он сумеет

опередить того, кто звонил Верке и с таким накалом требовал от нее узнать хоть что-то. Ему вот лично узнавать ничего не нужно было. Он и так все знал...

— Ты куда?! — Узкое длинное лицо Веры вытянулось еще больше и побледнело. Она поймала своего начальника уже на выходе и цепко держала теперь за рукав толстого пальто. — А я что, одна останусь? Ольгу похитили. Лизка куда-то пропала, стерва. Теперь еще и ты!

— Вера, Вера, не забывайся. — Евгений Евгеньевич досадливо поморщился и смахнул ее руку с рукава, как пустяшную соринку. — Имеешь ли ты право говорить со мной так и задавать мне подобные вопросы?

Господи, вид у шефа был такой, будто он собрался добровольно и в одиночку взобраться сейчас на баррикады. И Веру это настораживало, если не сказать больше. Он не способен был на геройство, это знали все и он сам первый. Что же тогда происходит?

— Скажи мне, куда ты отправляешься?! — Она встала в дверях, расставив руки и упершись ими о притолоку. — Не пущу!

— Что такое? — Кажется, ему начинала нравиться роль героя великомученика. — Как ты смеешь, Вера? Как ты смеешь так говорить со мной?

— Не пущу, пока не скажешь, куда ты отправляешься? — прошипела она и категорично подбоченилась. — Говори, Женечка, или тебе придется сражаться со мной врукопашную.

— Ну, хорошо, хорошо! — Евгений Евгеньевич тяжело, с сожалением вздохнул, словно ему приходилось раскрывать сейчас по меньшей мере государственную тайну; на самом деле он решил оставить свои координаты хоть кому-то, так, на всякий

случай. Случай, он, как известно, всякий бывает. — Я знаю, куда могли увезти Ольгу, и хочу помочь ей.

— Пусть этим делом полиция занимается! — фальцетом зашлась Вера. Мысль о том, что на голову Ольги свалятся сразу два спасителя, делала ее жизнь непереносимо пустой и невыразительной. — Тебе-то что за печаль?! Это же может быть опасным! К тому же как ты найдешь ее? Откуда ты знаешь, кто и куда ее увез?

— Знаю...

Евгений Евгеньевич скользнул по ней взглядом Джеймса Бонда, уверенного в себе и в том, что ситуация у него полностью под контролем. На самом деле это было не так, и он жутко начал трусить и — чего уж греха таить — изо всех сил жаждал, чтобы Верка и в самом деле его не пустила.

Но она вдруг удивила его, безапелляционно заявив:

— Тогда едем вместе! Я тебя одного не пущу!

— С чего это? — фыркнул он, но все же обрадовался: двое — не один. — Волнуешься, что ли? За кого, интересно?

— За тебя, за кого же еще! — проникновенно заявила Вера, ни за что бы не признавшись даже самой себе, что боится потерять и его тоже, какой-никакой, а все же любовник. — Едем вместе!

Он дождался, пока она оденется. Потом они заперли кабинет, оставив сообщение для Лизки у секретаря генерального, чье кресло по-прежнему пустовало, и ушли...

Валера Лапин сидел перед начальником отделения полиции, где совсем недавно присутствовал на совещании в роли частного сыщика, и ему еще никогда так не было стыдно, как сейчас.

— Ты, пацан, думал, что круче и умнее всех?! — Полковник, мудрый седовласый мужик, с презрением плюнул куда-то в середину стола, за которым сидел, склонив голову, Валера. — Ты думал, что я на твою левую ксиву куплюсь?! И даже на совещание тебя пущу с этим дерьмом?! Ты что, парень, совсем нас тут всех за дураков держишь, что ли?! Да я на второй день о тебе уже знал все! Все, прикинь! Даже то, в котором часу ты в туалет ходишь.

— Чего же тогда не выгнали, товарищ полковник? — подал голос пристыженный Лапин.

— Так проникся я, парень, к тебе пониманием. Да еще эгоистические цели преследовал. Пусть, думаю, поработает и на нас немножко. Глядишь, общими усилиями мы что-нибудь да нароем. Если бы не проработал ты так долго в операх да не хвалило бы тебя так твое бывшее начальство, я бы тебе твою бумажку плашмя знаешь в какое место засунул?.. — Полковник похлопал себя по пустым карманам и с тоской проскрипел зубами: — Опять все сигареты, стерва, из карманов потаскала! Ну что за баба!..

Лапин молчал. Сказать в оправдание было нечего. Он врал. С самого начала врал этому человеку, которого в душе считал нормальным мужиком и порядочным ментом. Чего теперь пыжиться и пытаться сделать хорошую мину при плохой игре? Нужно молчать, терпеть и слушать, тем более что пришел просить его о помощи.

— Чего тебе нужно на этот раз, Валера? — неприязненно ощетинившись, проговорил полковник и полез куда-то в стол, должно быть, за сигаретами. — Мало ты нам крови попортил, пытаясь изгадить отчетность! Ну, да теперь это уже неважно.

Теперь дело вот оно... Осталось поставить подпись и отправить в судопроизводство.

— Чего же медлите? — осторожно спросил Лапин, насторожившись. — Чего же не ставите подпись-то? Что-то не так?

— Умник! — Сигареты он выудил откуда-то; измятая пачка, в которой почти все до единой сигареты были поломаны, полковник долго вытряхивал их в пепельницу, пока не нашел одну — более или менее целую. Закурил с удовольствием, хитро прищурился, почти спрятав глаза в морщинах, потом проговорил: — Чего спешить, еще успею подписать. Мало ли что может произойти за то время, что ты в городе. Может, чего еще интересного накопаешь...

Все! Пора! Решил Лапин, прокашлялся и виновато молвил:

— Накопал, товарищ полковник! Такого накопал, что не поверите!

— А ты попробуй. — Вонючий дым дешевых сигарет медленно пополз по кабинету. — Попробуй, Валера.

Полковник был абсолютно спокоен, во всяком случае, выглядел именно таким. Разве стал бы он признаваться обманувшему его майору, что не нравилось ему это дерьмо в папке от первой до последней страницы. Нет, конечно, ни за что бы не признался. А вот послушать — это запросто. В этом он не мог отказать даже ему — этому пройдохе, который, в сущности, стоил всех его ребят, вместе взятых.

— Дело в том, что я нашел настоящего убийцу Попова Владислава Васильевича. — Лапин упорно не смотрел на полковника, сосредоточив свой взгляд на сцепленных в замок пальцах.

— Да ну! Так мы тоже нашли.

— Это не он. Алексей не убивал Попова.

— Да ну! — вторично насмешливо протянул полковник и снова принялся рыться в пепельнице, пытаясь найти хотя бы еще одну целую цигарку. — А кто же его убил?

— Его жена.

— Вот так, значит... А жена — это та, что пропала?

— Да, именно она.

— А Алексея тогда она за что? За то, что догадался и пистолет ее нашел? — Полковник допускал и это тоже, но доказательств не было, а вникать так глубоко в то, чему не имеешь подтверждения, он не имел права, времени и желания. Но допускать допускал...

— Это не она его, я так думаю. — Вот тут начиналось самое главное в его выступлении.

Теперь нужно было так все обставить, чтобы можно было плавно перейти к главной цели своего визита — к просьбе. К просьбе, на которую он не имел морального права.

— А кто?

— Тот, кого она опередила. — Лапин осмелился поднять глаза на полковника и едва не застонал вслух; тому совершенно не нравилось то, что он говорил. И тогда он затараторил: — Помните, я говорил вам, что убийц было двое? Так... И тот парень, что доставал портье... я до сих пор думаю, я почти уверен, что этот парень — киллер. И наняли его, по моим подозрениям, супруги Любавские.

— Это не тот, что был убит зверски на днях? — Полковник изумленно поднял бровь.

— Да! Только он не Любавский вовсе, а Попов Владислав Иванович — родной племянник моего

клиента, вернее... Ну, да вы все знаете. Так вот, узнав каким-то образом, что дядя застраховал свою жизнь в пользу Шустиковой Ольги и что он собирается встретиться с нею, парочка срывается с места и едет в этот город. Супруги приезжают за неделю до приезда дяди и нанимают киллера.

— Зачем? — задал резонный вопрос полковник, ему пока что ничего не было понятно, хотя он верил почти каждому слову этого парня. Не верить не мог, потому что пришлось бы поверить в ту муру, что содержалась в деле, упакованном в бумажную папку с засаленными бечевками. А там все было так тухло, что отдавало за версту. — Зачем им его убивать, раз деньги достались бы этой, как ее?..

— Шустиковой, — подсказал Валера, поняв, что полковник проникся.

— Зачем, раз им ничего бы не досталось?

— Они так не думали. Они искренне полагали, что Ольга отдала бы деньги им. Или на худой конец поделилась бы.

— С какой стати? Они — эти Любавские — что, гипнозом владели? Или на ее глупость надеялись? Или в родстве состояли? — Полковник не зря носил погоны, он и предположить не мог, что попал в точку.

— Любавский Влад, он же Попов — он же родной племянник убитого, — был мужем Шустиковой. Она очень... — Тут Валере пришлось сделать над собой усилие, чтобы продолжить говорить дальше: — Она очень любила его прежде. На это была сделана ставка. На ее любовь, порядочность и еще массу положительных качеств.

— Ага! Понял! — Глаза полковника сделались хитрыми-прехитрыми, и он с пониманием кив-

нул. — У тебя, наверное, было время удостовериться в ее добродетели?

— Было, — помрачнел сразу Валера.

— Ладно, с киллером мне все понятно. Они нанимают его, чтобы убить дядю. Чтобы деньги, завещанные Ольге, рано или поздно оказались у них. Откуда взялась тогда эта самая, как ее... — Полковник пощелкал пальцами.

— Ксения!

— Во! Ксения! Она каким боком этой Ольге?

— Она ее подруга. — Лапин в двух словах поведал историю с журналом. — Полагаю, что она не отказалась от желания видеть свою подругу богатой, а заодно и себя. Тут опять расчет был сделан на щедрость ее души...

— Погоди... — Хозяин кабинета погрузился в размышления и пребывал в таком состоянии минут десять, заставив своего гостя нервничать и ерзать на стуле от нетерпения. — Так! Когда этот Попов, который дядя, застраховал свою жизнь?

— Месяца за три до убийства. — Смешно сказать, он не помнил, хотя договор этот снился ему первоначально во всех деталях.

— Так... А как он мог узнать об Ольге? Она что, ездила к нему? Звонила?

— Нет. Ксения в это время как раз уезжала. Говорила, что в санаторий вместе с сыном. Ольге так говорила. Та верила.

— Проверял?

— Нет, времени не было.

— Проверим... — Полковник снял трубку и быстро проговорил: — Сашок, срочно свяжись с аэропортом. Пробей все отлеты в начале лета и проверь, не отлетала ли в город... — Полковник назвал город,

где жил до самой смерти Попов. — Ксения... сейчас скажу фамилию... Так, аэропорт проверь. Нет, железнодорожный вокзал не нужно. Зачем огород городить с поездами, когда туда лету два часа?! Так, а потом свяжись с телефонной станцией и распечатай все ее междугородные переговоры. И еще Шустиковой Ольги телефон проверь, сейчас скажу адрес... Так, еще не все... Особое внимание обрати на число, предшествующее убийству. С гостиницей еще свяжись, кто бронировал номер, когда, с чьего телефона... Все понял? Работай, дорогой...

Валера во все глаза смотрел на полковника. Вот у кого можно было и стоило поучиться. Только одно не понравилось ему во всех его распоряжениях: тот не снимал со счетов причастность к убийству Ольги. Его Ольги, которая сейчас, может быть, находится в опасности...

— Итак. — Полковник оперся обеими руками о край стола. — Ксения решила устроить безбедную жизнь своей подруге, натолкнув на мысль богатого дядюшку застраховать свою жизнь в ее пользу. Так, что ли?

— Да, я так думаю. Может, и не так, но он застраховался. Мне даже кажется, что не собиралась она его убивать. Зачем, если подозрения сразу лягут на Ольгу?

— А убила уже по ходу дела, прослышав о готовящемся покушении? Правильно я угадал ход твоей мысли?

— Абсолютно! — выдохнул Лапин, и не хотел льстить полковнику, да не выдержал: — Ну, вы просто... просто ас, товарищ полковник!

— Ну, ну, ладно льстить-то, Валера! — Но ему была приятна похвала такого умного малого, как

Лапин. Никто не усомнился в причастности Алексея к убийству, а он — да... — Итак, как она узнала об убийстве? Она была знакома с Любавскими?

— Судя по информации, нет.

— С киллером? Спала она с ним, что ли?

— Опять нет! Ольга отрицает это напрочь, — Лапин замотал головой.

— Тогда откуда она его знала? Она же знала его, так?!

— Так, выходит. Только не спала она с ним. С ним, я думаю, спала Ольга...

Как он выносил все это, он и сам не знал. Каких сил ему стоило произносить все это вслух и не умереть при этом, Лапин удивлялся. Профессионал, видимо, тем и отличается от простого обывателя, что в любой момент может забыть о личном, мгновенно став просто бездушным организмом.

— Та-ак, и кто он?! — Полковник напрягся так, что пепельница, полная поломанных сигарет, которую он сейчас держал, заходила ходуном в его руке. — Какого черта ты мне тут сопли по столу размазываешь, когда вполне конкретно кого-то подозреваешь, черт тебя побери!!! У меня под носом, в моем, черт побери, городе, возможно, ошивается киллер, а я только сейчас об этом узнаю! Кто он, Валера?

— Я не знаю! Не знаю, но это, видимо, по его вине пропала Ксения. Потом был убит Любавский, и в страхе перед ним удрала жена Любавского Лиза. Если, конечно, не она наняла его снова, чтобы избавиться от супруга.

— Зачем? — полковник с пониманием хмыкнул. — Ревность?

— Влад начал окучивать Ольгу с вполне конкретными намерениями. Думаю, что в супруге надоб-

ность отпала, стоило Ольге заделаться богатой наследницей, пусть и формально пока...

— А, ну да, конечно. Тут все более или менее понятно. Как звали этого парня, что спал с Шустиковой?

— Кажется, Саша. Товарищ полковник, мне кажется, что это он покушался на жизнь Алексея. Он караулил там Ксению, она должна была прийти домой после работы. Алексей ему мешал, тем более пошел на него с пистолетом, вот он его и...

— О черт! Как все запутано! — Полковник потер загривок и снова начал копаться в пепельнице. — Хотя чего тут путаться, если все вокруг этой Ольги сосредоточено. Ищите женщину и обрящете, так можно перефразировать... Стало быть, Ксения пошла после работы домой, а там ее ждал муж, почти без мозгов и без жизни, и убийца... А как он узнал, что она придет? Придет именно в это время?

— Ольга ему сказала! — Лапин чем больше говорил, тем больше утверждался во мнении, что прав на сто процентов. — Она попросила его о помощи, когда услышала от Мишки, сына Ксении, что папа явился домой с пистолетом. Она кинулась к этому Саше за помощью и все ему рассказала. И про пистолет, и про Ксюшу, что она в опасности. Разумеется, он насторожился. Не мог не насторожиться — кто-то же его обошел. Такое не прощается. И он решил проверить. Он же не дурак был и тоже понимал, что, кроме Ольгиного окружения или ее самой, смерть моего клиента не была никому выгодна.

— А как он вообще появился около Ольги? И главное — когда? Его интерес был связан напрямую с готовящимся убийством или это совпадение? Если все было спланировано заранее, то супруги наняли его

заранее, а, приехав в наш город, лишь уточняли детали... Н-да, ответить на эти вопросы может только она. Где она, кстати?

— Вот собственно за этим я здесь, товарищ полковник! — Лапин снова перестал быть просто профессионалом, став снова просто мужиком, женщине которого угрожает смертельная опасность. — Она пропала!

— Что?! И она тоже?! — Сигаретки рассыпались по столу из упавшей на стол пепельницы. — И когда?

— Сегодня. Еще утром. К управлению культуры подъехала машина. Ее посадили прямо без верхней одежды и увезли.

— Что за машина?

— Не знаю!

— Ты — и не знаешь?! А кто может знать, черт возьми?! Если ее увезли без верхней одежды прямо с работы, то это черт-те что может значить, Валера! — Полковник снова потянулся к телефону. — Родственники у твоей Ольги есть?

— Мать, живет в пригороде. — Лапин произнес название населенного пункта. — У нее должен быть телефон. Я... Я же собрал солидное досье на Ольгу, а Сашу этого проглядел. Как это могло случиться?

— А так и могло, что он не светился! Если это тот, о ком мы думаем, то он не дурак вовсе, чтобы афишировать свои с ней отношения. Не удивлюсь, если он с ней расстался после того, как дело было сделано, вернее, не было...

— В самом деле! Они расстались. Не знаю когда, но расстались. И она сама приехала к нему за помощью. Что мне делать, товарищ полковник? Если с ней что-нибудь... я же не прощу себе этого никогда!

Лапину сделалось так жутко, что впору было расплакаться. Таким жалким и беспомощным перед лицом настоящего ужаса он не чувствовал себя никогда. Стоило им с полковником озвучить все, расставить более или менее в хронологическом порядке все по своим местам, как на него накатило. Картинки обезглавленной, растерзанной на части Ольги мелькали в мозгу, доводя его до тихой безумной ярости. Она там... а он сидит и ничего не делает! Сидит, мать твою, и в дедукции упражняется, а она там!..

— Сашок, — нарушил полковник повисшую в кабинете паузу. — Слушай, дорогой, найди-ка мне телефончик матери Шустиковой. Да, да, в пригороде. Ага, в нем самом. Да, молодец. Отчество? Слушай, не мудри! Там что, вагон Шустиковых? Там дворов всего с десяток! Ага, жду...

Телефон нашелся минут через пять. Очевидно, невидимый Сашок и вправду был хорош, раз удостоился от полковника такого обращения.

— А еще, дорогой, принеси-ка мне ту самую распечатку со счетами. Ага, правильно. Мало ли что сказал — не понадобится! Короче, неси! Как выбросил?! Я тебе выброшу! — Полковник матерно выругался. — Шутишь?! Вот я тебе пошучу! Тоже мне, умник! — Он положил трубку и с нежностью произнес: — Сын... Как мы с матерью ни противились, пошел по моим стопам. Умный, стервец! Вроде тебя...

Сын полковника был точной копией отца, только сильно помолодевшей, лет на тридцать, скажем. Он вошел в кабинет со стуком, положил на стол пару листов бумаги, испещренных цифрами, и молча пошел к двери. Но на пороге он вдруг задержался и обратился к отцу по имени-отчеству, проигнорировав чин:

— Там один счет привлек мое внимание...

— Ну! — Полковник нарочито сурово посмотрел в сторону двери, у которой маялось его чадо, так и не уразумевшее, как правильно нужно обращаться к нему на службе.

— Это счет автосервиса. За месяц до убийства туда была переведена весьма солидная сумма от частного лица, пожелавшего остаться неизвестным.

— Обычное дело, это же автосервис! — фыркнул отец. — И право частного лица переводить деньги, куда и как захочет.

— Согласен. Но потом все эти деньги были переведены в залог за дом хозяином этого автосервиса — Мещеряковым Александром Ивановичем.

— И что?!

— А то, пап, что это странно, не находишь?! — воскликнул сын, забывшись, потом опомнился, покраснел и пробормотал: — Извините, товарищ полковник. Но дом этот так и не был выкуплен до вторника прошлой недели. Я звонил полчаса назад. Мне не хотели разглашать, но потом... Короче, в прошлый вторник деньги были внесены в полном объеме.

— Адрес! — выпалил Валера почти одновременно с полковником.

Сашок быстро назвал район и номер дома и тут же растворился за дверью.

— Каков, а! — восхищенно пробормотал полковник, снова хватая телефонную трубку. — Молодец! Я бы в жизни не додумался! Так, сейчас мы еще удостоверимся, что Саша нашей Оли и Мещеряков одно и то же лицо, и можно будет... Алло... Здравствуйте! Гражданка Шустикова? Почему гражданка? Привычка, простите! Я почему звоню... Тут у моего соседа, Александра Мещерякова батарею прорвало. И мне на голову кипяток хлещет. А найти его не могу, дома нету. Мне сказали, что он с вашей дочкой

уехал к себе по месту работы. А где это, я не знаю. Мне бы адрес его места работы. Вы бы не могли помочь?.. Кто сказал? Так это... на ее работе и сказали. Откуда знаю номер ее рабочего телефона? И почему не знаю его?.. А черт его знает! Так получилось...

Полковник озадаченно наморщил лоб и какое-то время молча слушал мать Ольги с напряженным вниманием. Потом вдруг смущенно улыбнулся чему-то, качнул головой, пробормотал короткое «понял» и положил трубку.

— Вот это хватка! Так меня разложить... Н-да, есть женщины в русских селеньях...

— Догадалась? — все сразу понял Лапин.

— А то! Ты же почти все слышал.

— Так что Мещеряков? Тот самый с автосервиса?

— Тот самый! — Полковник резко поднялся после того, как отдал нужные распоряжения, и, что совсем не вязалось с его тучностью, быстро забегал по кабинету. — Вместе поедем!

— Товарищ полковник... — Лапин на ходу застегивал куртку и косился в его сторону. — За что вторая половина денег была переведена, как думаете?

— А то ты не догадываешься! — фыркнул полковник, доставая табельное оружие из сейфа. — Любавского когда убили? А когда его женушка укатила в неизвестном направлении? То-то же! Поехали, может, и успеем еще спасти твою Ольгу!

ГЛАВА 21

Новый год приближался неизбежно, безжалостно сметая последние дни декабря шквалистыми ветрами и трескучими морозами. Горожане ошалело носи-

лись по улицам с красными от холода носами и щеками, с сумками и елками наперевес. В магазинах и рынках было не протолкнуться. С прилавков смели все, что еще вчера казалось ненужным. Свечи, мишура, смешные шапочки с косичками Красной Шапочки и чубчиками сказочных гномов — все шло с колес.

Все спешили... Кто купить, кто продать, кто просто успеть насладиться предпраздничной лихорадкой, в которой можно было утопить рутинную скуку серых зимних будней.

Валера тоже торопился сегодня. Он, кажется, уже все успел: купить продуктов, заготовить все подарки, поставить красавицу елку, макушкой подпирающей потолок. Все, кроме... кроме самой малости, которую в этом городе нигде не продавали. Да и не только в этом. Этого не продавали нигде, и купить было нельзя ни за какие деньги. Речь шла о простом незатейливом человеческом счастье. Том самом счастье, о котором он все последнее время мечтал. С теплыми зимними вечерами у телевизора. С непременным чаепитием перед сном. С доверительными беседами в ночи, под сладкую зевоту и отчаянный стук будильника, неизбежно приближающего утро.

Этого у него не случилось. Ни у него, ни у них... с Ольгой...

Тот кошмарный вечер, когда они окружили дом Мещерякова, минул уже две недели назад. Но кошмар, его кошмар на этом не закончился.

Мещерякову удалось скрыться, попутно ранив начальника Ольги, Евгения Евгеньевича, которому вдруг с чего-то взбрело в голову заделаться ее освободителем. Ранение было пустяковым, но ощущение причастности — непомерно высоким. Он тут же был

возведен в ранг великомученика и героя, и, чуть опомнившись от потрясения, Ольга окружила его такой заботой и вниманием, что Лапину было впору биться головой о стену. Он не ревновал, нет. Это было глупо. Но вот ощущение того, что он снова живет по кем-то придуманному сценарию, не проходило. Он этого не хотел! Он как раз от всего этого стремился отделаться! Не получилось, что называется...

Лапин успел отправить отчет о проделанной работе в свое страховое агентство. Успел получить оттуда ответ, который, кстати, очень удивил его. Оказывается, надобность в нем как в специалисте совсем не отпала, а как раз наоборот. Лапин небезосновательно подозревал, что тут не обошлось без вмешательства товарища полковника. Очень высоко оценил он профессиональное чутье и хватку Валеры и досаждал ему вот уже четвертый день звонками. Все уговаривал остаться у него... Да он-то что! Он бы и не против! Даже рад бы был, сложись все по-другому у него. Нет, не у него. У них с Ольгой.

А с Ольгой была просто беда. Осунулась, еще больше побледнела и целыми днями либо сидела над постелью Евгения Евгеньевича, либо обивала пороги попечительных инстанций, пытаясь выбить разрешение на усыновление Мишки. Ей, конечно же, никто не мог дать такого разрешения. Отец все еще числился в живых. Мать... мать по-прежнему в пропавших без вести. На все вопросы Валеры, что с ней, Ольга отмалчивалась. Ежилась болезненно, сжимала плечи руками и отмалчивалась. И так день за днем...

— Уеду я, наверное, — признался он нехотя полковнику, когда пришел уладить кое-какие формальности, связанные с делом об убийстве Попова Владислава Васильевича.

— Что так? — Полковник, не глядя на Валеру, подписывал бумаги. — А как же твой роман с этой... Ольгой, кажется. Она тебе так на шею кинулась, когда мы в дом ворвались, будто тебя одного и ждала.

— Кинулась... А сейчас полная труба, товарищ полковник. Словно я в чем-то виноват.

— А ты спроси у нее, что и как, — посоветовал старший товарищ. — Просто возьми и спроси.

— Ну... Как я могу? Это дело такое...

— Какое такое? — передразнил тот его. — Вот мы всегда так! Там, где нужно, — молчим, где не нужно — болтаем. С бабами, Валера, так нельзя. С ними в молчанку играть — себе дороже. Поговори, поговори, мой тебе совет. Мало ли что за ее молчанием скрывается. Может, она себя виноватой считает в чем-то. Или... или твоих меркантильных интересов боится. Страховку-то, слышал, выплатят ей?

— Собираются. Ее непричастность полностью доказана, так что препятствий нет. — Валера тискал свои перчатки, невесело глядя перед собой. — Кто его знает, что за ее молчанием скрывается. Я уж и не знаю... Может, она этого Мещерякова любила? А мы помешали? Не тронул же он ее!

— Не тронул, потому что не успел тронуть. Мы же его спугнули. Парень в магазин, а мы на порог. Он к дому, а там машины с иллюминацией. Дурак он, что ли, туда соваться... А с девочкой советую поговорить не откладывая. Да, и не тяни с работой. Я тебя заждался, честное слово, Валера. У меня тут дельце одно с поджогом кафе висит. Гнилое дельце, Валера, я тебе скажу. Вроде бы не поджог, эксперты установили. Но уж что-то больно сердце ноет. К тому же трупы имеются... Так что ты не тяни с заявлением. И с девочкой не тяни.

— Подумаю, товарищ полковник. Спасибо вам и с наступающим... — Они пожали друг другу руки и простились на пороге кабинета полковника.

Это было три часа назад. А теперь Валера стоял у Ольгиного дома и с тоской смотрел на три освещенных оконных прямоугольника. Что там ждет его сегодня?! Все та же отчужденность и застеленный диван в ее крохотной гостиной? Разве этого он ждал и желал?..

Он открыл дверь своим ключом, который сам же и сделал без ее разрешения еще тогда... Неслышно вошел, почти бесшумно закрыл дверь и, быстро стянув с себя куртку, шапку и ботинки, пошел в гостиную.

Ольга сидела в уголке дивана, поджав под себя ноги, и бездумным взглядом смотрела на елку. Золотистые шары, их недавнее приобретение, переливались в свете крохотных фонариков. Узкие полоски дождя чуть колыхались. Красных бантов не было. До них дело так и не дошло, как, впрочем, и до объяснения, которое он все оттягивал и оттягивал, и она не начинала. А вот полковник настоятельно советовал не откладывать с этим...

— Привет, — как можно мягче произнес Валера, усаживаясь рядом с ней и протягивая руку к ее плечу. — Как ты, Оль?

— Нормально. — Она пожала плечами, и его рука тут же соскользнула; нарочно, что ли, она так сделала. — Как у тебя?

— У меня? — Он вдруг разозлился на нее и решил, что все — хватит, не будет он больше ее щадить и избегать опасных тем, словно крутых поворотов. — У меня плохо, Оль! У меня все очень плохо!

— Да?! — Она чуть вздрогнула и еле заметно ше-

вельнулась в своем углу, в котором, казалось, огородилась не только от него, но и от всего мира. — Почему?! Преступление раскрыто. Виновные определились.

— Но не найдены, — хмыкнул он, поразившись тому, что она завела разговор об этом; он ведь совсем не это имел в виду, его больше всего волновали их отношения, а уж потом все остальное.

— А их не нужно искать, — вдруг обронила она и снова поежилась. — Саша... Саша...

— Ну что Саша?! Что Саша?! — сразу озверел Лапин.

Ишь ты: Саша, значит! Его вот почти и по имени не называет, а его — Саша, твою мать!

— Саша твой в бегах. Ксюша, по всей видимости, мертва!

Он совсем не хотел быть жестоким, но ему надоело деликатничать. Так ведь неизвестно, сколько будет тянуться вся эта неопределенность! Так ведь можно и до второго пришествия промолчать! А он устал! Устал и измучился! И ему хочется, давно хочется просто обнять ее и еще хочется, чтобы она перестала терзаться и бояться. А она боится...

— Саша он... он не мой! — Она вдруг посмотрела на него совершенно несчастными глазами и заморгала очень часто, как если бы старалась прогнать слезы. — Он никогда и не был моим! Он все это нарочно... Нарочно подстроил... Знакомство со мной. Любовь... А потом уже, сообразив, какие дивиденды я могу ему принести... Представляешь, он так и сказал: дивиденды, не деньги — нет, а именно дивиденды! Господи, как много горя и грязи из-за этих денег, Валерочка! Они следили за Ксюшей, когда она ездила туда, в тот город, к этому дяде! Вернее, они

начали сначала пасти его, а потом уж и она им на голову свалилась... Дурочка несчастная! Дурочка... Она не хотела убивать его! Ты веришь, Валера?!

— Верю! — признался он, ведь так думал с самого начала. — Ей, наверное, хотелось их опередить. Или что-то в этом роде.

— Она невзлюбила Сашу с первого дня, представляешь! Я не знала... Она встретила его на улице на второй день после нашего знакомства и потребовала, чтобы он держался от меня подальше. Он посмеялся над ней. И тогда она... Теперь уже она начала за ним следить. Дурочка несчастная!.. — Оля заплакала, очень тихо и без всхлипов, слизывая языком слезы с верхней губы. — Она уговорила знакомого слесаря и в отсутствие Саши поставила ему «жучок» в квартиру и прослушивала все его разговоры!

— Каким образом?! — удивился Валера.

— Квартира этажом ниже сдавалась. Ксюша сняла ее на месяц. Он потом все проверил, все сопоставил. Уже после того... ну, как она его опередила. Ему рассказали про женщину, снявшую квартиру. Он даже слесаря того нашел. Не знал только, что за женщина. Потом узнал. Господи, просто шпионские игры какие-то. Это Лешка виноват, гад! Он ее этому всему обучил. И фигни всякой у него было в гараже полно. Он ее и пользоваться всем научил, гад! Все из-за него... Саша был очень осторожный, но однажды... Лиза Любавская пришла к нему домой и рассказала про приезд Попова в наш город. Это Ксюша уговорила его приехать и встретиться со мной. Ее намерения... Они были совершенно невинны. Она хотела просто нас познакомить. Она и номер ему в гостинице сняла и даже оплатила сама! Она не знала даже, что он насмешки ради застраховал

свою жизнь в мою пользу. Хотел подстраховаться, застраховавшись... Он был циником по жизни, а она на что-то надеялась. Дурочка несчастная! Бред просто какой-то! Любавские разнюхали и решили его убрать и выкрасть страховой полис. И тогда она решилась...

«Ума у нее не хватило — просто предупредить его! А вот убить — пожалуйста!» Валера тихо негодовал, но помалкивал. Ольга говорила, он молчал. Он не мог прервать такой порыв доверия, хотя совершенно не понимал ее жалости по отношению к подруге.

— Он был в ярости! В бешенстве просто! И на следующий же день расстался со мной, наговорив кучу гадостей. Будто я не хозяйка, не могу быть женой и матерью и что-то еще в этом роде... А секрет был прост! Во мне отпала надобность. И он стал искать!..

— Ксюшу?

— Ее! Просто он не знал тогда, что это именно она. Потом узнал... — Оля всхлипнула чуть слышно и вытерла мокрые щеки ладонями. — И помогла ему в этом я, Валера! И Влада он убил... Жена его ему заплатила...

— Я знаю. Не убивайся ты так, Оль!

Ему было очень жаль ее. Но он не понимал и не хотел принимать ее горя. Для него Ксюша, какими бы благими намерениями ни мостила она себе дорогу, была прежде всего преступницей. Алчной и где-то даже безжалостной, не умевшей удержаться от преступного пути и не сумевшей вовремя выйти из игры...

— Он все это мне рассказывал и смеялся, Валера! Он... он пытал ее, прежде чем... прежде чем убить! И Лешку убивать не стал специально, а покалечил

так, чтобы он стал живым трупом... И потом уже погром устроил... Он мне все это рассказывал и смеялся! А потом... Потом повел в подвал, открыл какой-то лаз... Он сам его сделал и очень хорошо спрятал. Так что никто не найдет...

— Найдут, не переживай. — Валера снова потянулся к ней, но она снова отстранилась.

— Вы же не нашли, — возразила она бесцветным голосом. — И никто не найдет. А там... Там Ксюшка! Сидит... мертвая... На корточках... Вся... вся седая...

— Вот мразь, а!!! — не хотел, но заорал Валера и, невзирая на ее сопротивление, обхватил ее всю и крепко прижал к себе. — Бедная моя! Бедная! Сколько горя тебе одной! Нет, прости, нам с тобой. Все пройдет, вот увидишь, милая. Все проходит, пройдет и это. Мы поймаем этого гада! Непременно поймаем, ты не бойся!

— Я его не боюсь. — Ее глаза сделались очень большими и почти пустыми, и глядела она теперь не на елку, а куда-то еще. Глядела так, что Валере сделалось жутко. — Но вы его не найдете... Ксюшу же не нашли, и его не найдете...

И вот тут он все понял! Понял, с ужасом и жалостью осознав всю громадность ее горя и сумасшедшего страха перед разоблачением.

Она убила его!

Мещеряков Александр не был в бегах, он был похоронен рядом с его же собственной жертвой, которую долго и небезуспешно пытал. Пытал до тех пор, пока она не умерла, поседев перед смертью, словно семидесятилетняя старуха.

И казнила палача вот эта съежившаяся в его руках, обезумевшая от постигшего ее несчастья женщина. Женщина, которую ему было суждено полю-

бить. Расплата ли это ему за его грехи или нет — Валера теперь уже не знал. Он знал одно: он сделает все, чтобы с ее головы не слетел ни единый волос. Даже если для этого ему придется забыть, что такое профессиональный долг.

— Все будет хорошо, милая. Верь мне! — Он погладил ее по голове и незаметно для нее поцеловал ее в макушку. — Все будет хорошо! Только мне нужно сейчас позвонить...

Полковник слушал его долго, терпеливо и почти не перебивал. Потом они втроем: Валера, Ольга и полковник поехали к дому, который незадолго до смерти Мещеряков сумел-таки оформить на себя. Машину вел немногословный Сашок. В дом он не входил, оставшись у машины.

В доме эти трое пробыли недолго. Молча вошли, молча и вышли. Расселись по своим местам и какое-то время слушали лишь ровное гудение мотора. Потом полковник, похлопав себя по карманам и витиевато ругнувшись, толкнул сына в плечо:

— Сань, дай сигаретку. Мать опять все выгрузила!

Сын без лишних слов достал пачку из-под сиденья и, съехав на обочину, щелкнул зажигалкой. Минуты три полковник с наслаждением курил. Потом вдруг обернулся к Валере с Ольгой, притихшим на заднем сиденье, и с видом, очень напоминающим собой ликование, произнес:

— Вот не думал, что мне так повезет под Новый год, ребята!

— Да уж, повезло... — удрученно буркнул Валера, незаметно сжал заледеневшую ладошку Ольги и положил ее себе на колено. — Что делать будем, товарищ полковник? Коли я... коли я теперь у вас в штате числюсь?

— А ничего! — фыркнул полковник все так же весело. — Поскольку... поскольку благодарность объявить я твоей женщине не могу в официальном порядке... Хотя! Хотя очень хотелось бы, очень!!! Но не могу, уж что есть, то есть! Значит, поскольку благодарность объявить не могу, то оставим все как есть!

— Допустимые нормы самообороны?! — с надеждой вскинулся Валера.

— Можно и так, а можно и никак! Но ты, девочка, такую услугу всем нам оказала, что просто слов нет! Хоть и не мастерски ты, конечно, эту отвертку... Н-да, извини дурака, заговорился. Но тебе спасибо не в одном городе, думаю, скажут! Чудится мне, за парнем много грехов наберется. Ох как много!!! Давай, Сашок, домой. Мать, наверное, заждалась.

Они доехали до Ольгиной «хрущевки». Высадили Валеру с Ольгой у подъезда и совсем уже было собрались уезжать, когда Ольга вдруг подала голос:

— А-а что нам теперь делать, товарищ полковник?! — Ее глаза, сделавшиеся огромными на бледном осунувшемся лице, смотрели на него скорбно и умоляюще. — Теперь, когда все...

— Когда все кончилось? — перебил он ее с хитрецой в мудрых глазах.

— Кончилось?... — еле слышно ахнула Ольга.

— А то! Еще как все кончилось, девочка моя! — Он совсем тепло и совсем неофициально ей улыбнулся. — А делать вам что?..

— Да, что? — это снова Ольга спросила.

Валера все давно понял и молчал теперь, больше всего желая сейчас очутиться в ее квартире и начать наконец хоть какие-то приготовления к гряду-

щему Новому году. Да и о жизни грядущей тоже надо было подумать.

— Так что делать-то, товарищ полковник?! — не унималась Ольга, не понимая их переглядываний и ухмылок, могущих означать что угодно. — Все же что теперь делать?

И тут он вдруг выбрался из машины, подошел к ней, похлопал ее по руке и по-отечески теплым голосом сказал:

— Сделай счастливым вот этого потрясающего парня! Добро?! Вот и ладно! Все, ребятки! С наступающим вас Новым годом!..

Литературно-художественное издание

ДЕТЕКТИВНАЯ МЕЛОДРАМА. КНИГИ Г. РОМАНОВОЙ

Романова Галина Владимировна

МИЛЛИОНЕРША ПОНЕВОЛЕ

Ответственный редактор *О. Басова*
Художественный редактор *А. Дурасов*
Технический редактор *О. Лёвкин*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *В. Назарова*

В оформлении обложки использована фотография:
Kichigin / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Э»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86.
Тауар белгісі: «Э»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 15.01.2016. Формат 70x90 1/32.
Гарнитура «Journal». Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,83.
Тираж 3000 экз. Заказ № 2090.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В электронном виде книги издательства вы можете купить на www.litres.ru

ISBN 978-5-699-87365-4

Ольга
Володарская
ГИБЕЛЬНЫЙ ГОЛОС СИРЕНЫ
Ольга
Володарская
Ольга
Володарская
ПОДУМАЙ ОБ ЭТОМ ЗАВТРА

В детективных мелодрамах *Галины Романовой* переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями. Чувственная мелодрама с закрученным криминальным сюжетом…

Столько неприятностей сразу еще не обрушивалось на хрупкие плечи Ольги Шустиковой. Муж Влад, которого она несколько лет назад успела оплакать как погибшего, странным образом материализовался… в образе ее нового начальника – под другой фамилией, с новой женой. Его появление могло значить только одно – Влад замыслил новую подлость, очередной грандиозный обман. В эти же дни пропала Ольгина лучшая подруга Ксюша, беспутный супруг которой был найден с проломленным черепом и пистолетом в руке. И самое загадочное во всей истории то, что именно из этого пистолета недавно убили бизнесмена, почему-то застраховавшего свою жизнь в пользу Ольги!..

ISBN 978-5-699-87365-4

